

საქართველოს
ანტიკვარია

ლიტერატურა

გრეკია

11

1976

59

СЛАВА
ВЕЛИКОМУ
ОКтяБРЮ!

**ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА, РАБОТНИКИ
КУЛЬТУРЫ! ВЫСОКО НЕСИТЕ ЗНАМЯ ПАРТИЙНОСТИ
И НАРОДНОСТИ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА! ОТДА-
ВАЙТЕ СВОЙ ТАЛАНТ И МАСТЕРСТВО СЛУЖЕНИЮ
НАРОДУ, ДЕЛУ КОММУНИЗМА, СОЗДАВАЙТЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ДОСТОЙНЫЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ
РОДИНЫ!**

(Из Призывов ЦК КПСС к 59-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

Литературная

Грузия

Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

11

НОЯБРЬ

19

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КП ГРУЗИИ

76

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

უძველესი ლიტერატურული-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 11

ნომბერი 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДZE,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

Издается

с июня 1957 года

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

380008, ТВИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка

(редактор **КОРИНТЭЛИ К. Н.**) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства

(редактор **ЗИНИНА В. В.**) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики

(редактор **ДОБРОДЕЕВА Л. Т.**) —
93-65-18

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

КАИСЫН КУЛИЕВ. Свет матери. Перевод с балкарского Даниила Долинского	5
ОТАР МАМПОРИА. Календарь. Сколько дней в году, Бессонная ночь. Рог. Сванские башни. Вечер. Перевод Михаила Синельникова	7
ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ. У развалин храма Баграта. Тбилисский дождь. В старом Тбилиси	8
ВЛАДИМИР КАРПЕЦ. Три сонета (Творчество. Истина. Музыка)	10

ПРОЗА

ГЕОРГИЙ ХОРГУАШВИЛИ. Черная душа. Повесть. Перевод Виктории Зининой	11
МИРОН ХЕРГИАНИ. Пусть облака останутся с тобой. Роман. Окончание. Перевод Камиллы Коринтели	38
ЭЛИЗБАР МАЙСУРАДЗЕ. Партизаны. Повесть. Перевод Бориса Пугачева	53

ОЧЕРК

ПРОКОФИЙ ХВИЧИЯ. Всегда начеку!	60
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АНДРО МИРИАНАШВИЛИ. Коммунист — главный герой литературы	62
--	----

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Взгляд внутрь . . . 94
 МАРК ЗЛАТКИН. Свидетельствует современник . . . 76

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
 И ЭСТЕТИКИ**

ИРИНА СКОГОРЕВА. Эпоха, личная судьба, творчество . . . 82

В МИРЕ КНИГ

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА. «Я ветвь меньшая от ствола
 России...» 88
 АВАНДИЛ НИКОЛАИШВИЛИ. За новые краски и
 глубины 90
 ГЕОРГИЙ ПАЙЧАДЗЕ. Древнегрузинская рукопись
 на русском языке 92

НЕКРОЛОГ

БЕСО ЖГЕНТИ 95

Кайсын КУЛИЕВ

СВЕТ МАТЕРИ

*Памяти Нины
Виссарионовны Маргиани*

1

Мать друга умерла. Еще одна
ушла навеки доброты седая
в такую глубину, что не имеет дна,
в такую высь, что не имеет края,

Мать друга стала вечною горой,
где облака, как белые метели,
у чьей вершины давнею порой
она качала сына в колыбели.

Ни голоса теперь, ни света глаз.
Осиротела, стала неприютной
без матери душа твоя, Реваз,
как без огня очаг зимою лютый.

Угас, угас, что вновь разжечь
никто не сможет никогда, мой милый.
А холод лют. Пред тем, как наземь лечь,
снег вечной болью кружит над могилой.

2

Но, как тогда, над нами голубень,
когда, за наше будущее в страхе,
качали руки мамы колыбель
мою — в Чегеме, а твою — в Мулахи.

И, как тогда, огонь рассвета ал.
Но нет светлее в солнечной системе
того огня, что в очаге пылал
в твоём Мулахи и в моем Чегеме.

Он вспыхивал. И матери ладонь—
в Чегеме ли, в Мулахи — связь едина—
над ним склонялась, чтобы жил огонь.
С ним не страшны ни пуля, ни чужбина...

Мать с матерью всегда—сестра
с сестрой.

Нам на Кавказе две горы отныне
родней всех гор. Под каждой горой
мы — две печали средь одной долины.

3

Дались им наши жизни нелегко,
их жизни длим мы жизнями своими,
их совесть в нас чиста, как молоко —
наш первый хлеб, дарованный нам ими.

Еще две пряди белые Кавказ
на зелень уронил, как будто крылья
двух белых птиц. Ты горе пьешь, Реваз,
из речки горя, что уже испил я.

Дыхтау с Ушбой в трауре. Черна
печаль, как ночь. Но светел снег, как
слово
о жизни, что людской судьбой красна,
и солнце уходящее багрово.

Их больше не увидит никогда
горянка, что тебя горам явила, —
твоя, Реваз, кручина и беда,
твое незаходящее светило.

4

О вы, неотвратимости мосты,
никто вас перейти не смог веками!
Вы над людскими реками густы,
как ни длинны в веках людские реки.

О, невозможность повторить опять
родные лица, душ родных
тревожность!

Как ни моли, но вновь увидеть мать
возможности не даст нам
Невозможность!..

Каким же был счастливым каждый раз
ты до сих пор, когда произносила
мать радостно и сладостно: «Реваз!»,
не отрываясь — тесто ли месила,

корпела ль над шитьем, уже с трудом,
жалая всех на белом свете, кроме
самой себя!.. Я прихожу в ваш дом,
но, как тебе, мне зябко в вашем доме.

5

Каким же было сладостным и ей
отцом тебе дарованное имя,
особенно когда стучался к ней
с полей войны ты письмами своими!

Обросшие порою, как лесом склон,
в пробитой и продымленной одежде
мы к матерям входили в каждый сон,
и их мольба светила их надежде.

О, как они бесценны на посту
у каждой нашей радости иль драмы!
Никто неправоту иль правоту
своих сынов не чувствует, как мамы.

Пока они живут, Реваз, для нас
цветут деревья радости на свете.
Но вот они уходят в страшный час —
и мы с тобой беспомощны, как дети.

6

Мать друга умерла. Еще одна
дочь гор ушла, простясь с земной
юдолюю.

Реваз, у горя ночь всегда длинна,
в ней даже звездный рой исходит
болью.

Пред горем мы с тобой теперь
равны.
Неслышно приподняв ночей покровы,
стучатся наши мамы в наши сны
с надеждой, что мы живы и
здоровы.

Любой из нас надеждой этой жив,
как памятью и клятвою святою,
любой из нас любовью их красив,
любой высок их вечной высотой.

Что, брат мой, мне еще тебе
сказать?
Мы сами далеко ушли от полдня, —
до вечера уже рукой подать.
Живущим надо жить, ушедших
помня...

7

Мать друга стала белою горой,
как десять лет назад моя
в Чегеме.
«Смертельной тучей горы
не накрой! —
молю я небо и молю я время. —

Пусть всходят мирно зерна, до поры
томившиеся в снежной крутоверти,
и пчелы пьют нектар!» В тени горы
я думаю о Жизни и о Смерти...

Жизнь всюду на свету, а Смерть —
во мгле,
Жизнь — в песнях и цветах,
Смерть — в прахе, в дыме,
Жизнь — мать всего земного
на земле.
Реваз, как Жизнь и Мать, мы —
побратимы,

Вершина над моею головою
лучится белизною бесконечно.
Так матерей сердца бросают свой
бессмертный свет на Жизнь.
И это — вечно!..

Перевод с балкарского Даниила ДОЛИНСКОГО

Календарь

День — только взмах ресниц... Заря...
Свет мчится... Ночь стучится в двери...
Летят листы календаря,
Как листья с дерева, как перья.

Распластанная на стене,
Все ищет свежей пищи птица,
И жизни нет в прошедшем дне,
Лишь будущее ей щадится.

Гласит о том, как в свой шатер
Шар солнца входит... Где стихия
Прирует... И когда костер
Наш праотец развел впервые.

О том ли, кто по всем морям
Прошел со славою, о том ли,
Кем был разрушен римский храм
Иль где Наполеон разгромлен...

И тает... И дрожит листок
На древе повести безмолвной,
Но упадет, лишь день истек,
Как желтый лист в ночные волны.

Но не покинет эту сень
Одно из множества мгновений.
О, первая любовь! Твой День
Хранит наш календарь осенний.

Сколько дней в году

Не знаю, сколько дней и сколько
Минут в себе содержит год,
Но знаю твердо, верю стойко,
Что солнце утром вновь взойдет.

И я люблю то половодье,
Тот день, когда бурлит вода
У матери на огороде,
И зелень утра молода.

Тот день, когда, играя дубом,
Ревущий ветер ветви гнет,
И гром подобен хриплым трубам,
И с дерева слетает плод.

Или когда неугасимы
Жары палящей паруса,
И девушки спешат все мимо,
И день сгорел за полчаса.

Тот день, когда живым уловом
Трепещет рифма в сети строк,
И чудищем звероголовым
Идет волна, сбиваясь с ног.

Тот день, когда яснеют дали,
И песне вторит рек припев,
Когда припомнит Цинандали
Влюбленность юности, вскипев.

Тот день, когда в садах на Вере* —
Разлив цветов, апреля дрожь...
Вдруг сверстник окликает в сквере:
«Отар, чем дышишь? Как живешь?».

Рассвет, когда олень из чащи
Выходит на зеленый склон...
Когда письмо рукой дрожащей
Протянет старый почтальон.

Тот день, когда отмечен волос
Печатью будущих седин,
И нарекает детский голос
Тебя отцом, и кличет — сын...

Так сколько дней в году? Пожалуй,
Поймешь, когда войдут, как тень,
Дни жизни прожитой, бывалой
В один необозримый день.

Вернуть бы этот день единый,
Его на части не деля!..
Так в смертный час в дали чужбины
Родная сладостна земля.

Бессонная ночь

Полночь обрушилась, свечку
оплавивши, —
Пламя сбивает летучая мышь.
Вспрыгнула кошка на сонные клавиши,
Отозвалась потрясенная тишь.

Что ж это там серебрится да светится?
Сердце открою — окно распахну.
Жизни моей призову собеседницу,
Словно хранящую звезды луну.

Крышами хмурое небо огранено,
Я, словно сторож ночной, одинок.
Тополь к стене припадает, как
раненый, —
Улицы выскользнул узкий клинок.

Полночь тягуча, как частая изгородь,
И одиночества давит печать.
Где же бродить и кого мне разыскивать.
В чьи мне ворота под утро стучать?

Пусть же незримое это горение
Испепелит мою душу догла,
Чтобы скиталось хоть стихотворение,
Песня к забытым воротам пришла.

* Район старого Тбилиси.

Рог

«Кто выпьет меня,
Тому я принадлежу...»

Надпись на роге

Горит серебряными лучами
Чеканной черни, зеркальной глади,
Молчит и блещет, крича молчаньем:
«И глотка дэва со мной не сладит!».
На свете красавицы есть, чьи чары
Всех покоряют на расстоянии,
Да им не сыщешь достойной пары,
Вотще и прелесть, и обаянье.
Таков и старинный рог настенный,
Устал он видеть в заздравном гуле
Кипенье влаги хмельной и пенной,
Устал он слушать напев «макрули».
Всем свадьбам он приносит веселье,
Его одежд серебро прекрасно.
Но, как бы издали ни глазели, —
Вблизи не прельщает. И нет соблазна.
Он шепчет горько, взяв слово в тосте:
«Меня осушишь — твоим я буду!».
...В руках повертят хмельные гости, —
Другую выберут себе посуду.
Он песен жаждет, хвалебных виршей,
Он ждет, когда же его осушат...
Но нет — не взять украшенья пиршеств,
И ночь уходит под крик петуший.
Давно постыла такая доля...
Подобно старящейся невесте,
Обиженно оставляя застолье,
Рог повисает на старом месте.

Сванские башни

Стоят они в дымке, задумчиво-немы,
И тянут широкие тени из мглы.
Стоят, как замшелые, ржавые шлемы,
На черном плече величавой скалы.

Но стрелы истлели, и тысячетелье
Струей истекло. И в расселинах плит
Рассыпались цепи. Обуглились клетки
И своды обрушились. Ветер шумит.

И новые башни в том вихре, в том гуле
Восстали... Их песнь басовито-глуха.
Взошли на вершины и пляшут «церули»,
Как пляшут на свадьбе друзья жениха.

И Ушба с гудением, ропотом бури,
Вступает в их круг. И в свою глубину,
И в бездну разлив бесноватой Ингури,
Как сванскую шапочку, сносит луны.

Вечер

Ушло и этой волны кипенье,
Она устала, шумя и шаря,
В давящее моря, в обильной пене
И в белой гальке лупить маджари.

Сойдя с небес, белы, лиловы,
Обрывки облака даль залепили.
И звезды, ловкие рыболовы,
Крючки забросили золотые.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Юрий РЯШЕНЦЕВ

У развалин храма Баграта

Над храмом Баграта
Апрельская даль.
Какая награда
За мутный февраль!

Январская дверь
Отворилась, и год
Был начат с потерь
И душевных невзгод.

Но есть же на свете
Глаза, голоса,
И есть в Имерети
Такая лоза!

Российского ямба
Гусарский разъезд,
Вздохнули и — амба:
Так дивно окрест!

Ты вязь этих кружев
Разбил, янычар?
Ты, цельность нарушив,
Добавил им чар!

И к нам утешенье
Нисходит с холма.
Такое крушенья
Не жизнь ли сама,

Где вечное зыбко,
А вот что нам впрок:
Поклон да улыбка
Да в горле комок.

Прости, современность,
Такие-то дни
Дарят нам за верность
Руины одни.

Тбилисский дождь

В Тбилиси теплый дождь. Дух пара
и лаванды.
И в мареве дрожат стеклянные
веранды.
Весь дивный кавардак из дерева
и камня
Дрожит в фонарной мгле, изломами
светясь.
Дрожит метехский сброс, единственный
на свете,
Сионский силуэт и силуэт мечети.
И влага, пав с небес, уже —
то мокрый камень,
То — мокрая земля. Но никогда —
не грязь.

Что коршун на цыплят, вода летит
с карнизов...
Не плачь, тебе пришлют в Саратов
срочный вызов,
Там сухо и тепло, и можно не бояться
Ни дождевых червей, ни грусти
дождевой.
Да вот беда: твоя, твоя погода эта,
Твои и свет веранд и темень минарета,
И, роя узкий ход в грузинской
сладкой почве,
Червяк, помилуй бог, и тот, похоже,
твой!..
Кто маяться рожден, и тот привязан
к маю.

Люблю бродячих псов, но кошек
понимаю;
По мне, любой уход — предлог для
возвращенья,
И свято место есть всегда в родном
краю.
Ты позабудешь сад, но клен
незабываем.
Взрастишь такой же клен, но он
неузнаваем.
Три новые любви, хоть душу отдавай
им,
Заменят ли одну, ту, первую твою!..

Кругом — вода и пар. Тепло, как
в серной бане.
И завтра будет дождь, люблю его
заране.
Забытая душа запела на Майдане
Свой рыночный ручной шарманочный
куплет...
Кто счастлив на земле? — Чей дом и
сух и светел.
Кто горе пережил, а счастья
не заметил.
А этот так кричит, как разоренный
петел.
— Куда?! — кричит. — Куда?!..
И только дождь в ответ...

В старом Тбилиси

На полуспушенном баллоне
Земли телавской белый след.
Цыганок пестрые болоньи...
Армянской церкви силуэт...
— Купи цветок для милой Тани!.. —
Старуха с розами кричит.
Куплю цветок для милой Тани —
Авось, позволит мне кредит.
Цыганок пестрые болоньи.
Шопен на третьем этаже.

Ей-богу, в этом Вавилоне
И место мировой душе.
Ведь надо всем царит огласка,
И все ж сливаются в одно
Грузинки траурная краска,
Курдянки желтое пятно.
И я на сладостном Майдане,
Еще горячем к октябрю,
Куплю цветок для милой Тани
И старой Лейле подарю.

Владимир Карпец делает в литературе первые шаги, но уже проявил себя как многообещающий поэт, как гражданин, которого волнуют судьбы мира. Свидетельство тому — интерес к поэзии Альфонсо Гомеса и Эдмундо Эрреры, переводы стихов которых были опубликованы в «Литературной газете». Хорошо владея техникой стиха, Владимир Карпец нередко обращается и к такой традиционно-классической форме, как сонет, требующий от поэта отточенности пера.

Пусть сегодняшнее знакомство с молодым поэтом станет залогом дальнейших интересных с ним встреч.

Нодар ДУМБАДЗЕ

Владимир КАРПЕЦ

Т Р И С О Н Е Т А

Творчество

Туман, и дождь, и пасмурность,
и ветер,
И хлопья снега над крестом окна,
Все то, чем мы живем на этом свете,
Что спутали века и времена,

Все, что мы до сих пор
не осознали;
Травы молчанье, заговор камней,
И прошлого забытые скрижали,
И будущих мерцание огней,

Подслушать то, что прежде было
немо,
Что не ложилось в призрачные схемы,
Чей был косноязычен разговор,

И, удалив безмолвия экзему,
Весь этот хаос привести в систему,
Соединив в готический собор.

Истина

Нет перемены в сущности. Не ново
Сосуда содержимое. На вид
Он только нов, но не внутри. И слово
Лишь об одном и том же нам гласит.

Бегут века. И каждый век хранит
Веков прошедших терпкую основу

И в их существовании суровом,
Как Гамлет, сам с собою говорит.

И птичий крик волны не нарушает,
И мертвым спать живые не мешают,
И бури не стирают письма.

Меняются лишь маски, но не лица,
Меняются лишь клетки, но не птицы,
Но истин неизменна белизна.

Музыка

Бессильно слово перед фугой Баха,
Когда в нависшей зала тишине,
Взмывая вверх, как белая рубаха,
И торкаясь, как тени на стене,

Органа звуки переходят в ветер,
В мерцанье звезд и в мерный плеск
волны

И в заповедь о вестнице-комете,
Едва заметной меж ветвей сосны.

Весь мир звучит во тьме, преобразован
В орган, и поколеблена основа
Стандартной эфемерной правоты.

В тот миг, когда, прильнув
к клавиатуре,
Играет вечность гулкий рокот бури
И бытия обнажены черты.

Чёрная душа

● П о в е с т ь

1. КОРОЛЬ УГРЮМЫХ

I

ОН И СЕГОДНЯ пришел на работу раньше других. Самому ему часы не нужны, а вы, коль желаете, можете взглянуть на неугомонные часы, что висят у него в кабинете, — будет ровно без десяти девять. Приходить в это время вошло у него в привычку, а ведь привычка — вторая натура.

Когда он появляется на работе, по нему можно сверять время.

«Ну прямо-таки Кант», — шепчутся сослуживцы. Но, разумеется, так, чтобы он не слышал.

Никого из сотрудников еще не было. Только уборщица хлопочет в одной из комнат. Кабинет начальника она старается убрать раньше остальных, чтоб не встретиться с его суровым взглядом и не услышать спозаранку неприветливых слов. Но, как говорится, от горя бежал, да в беду попал. Так и у Лизы получается.

— Лиза!

Сердце ее сжимается от грозного окрика.

— Лиза!

— Пропади ты пропадом! — шепчет она.

— Лиза, ты что, оглохла!

— Иду, иду! — ворчит она.

Лиза хочет казаться беззаботной, а у самой кошки скребут на душе.

— Поторапливайся! — слышит она приказ.

Лиза приближается к коренастому, угрюмому мужчине и робко останавливается перед ним.

— Странная ты женщина!.. Сколько можно звать тебя!

— Простите, Хвтисо Герасимович, я не сразу услышала вас, задумалась...

— Какие такие мировые проблемы тебя волнуют, о чем ты думаешь?!

— У каждого свои заботы...

Хвтисо, подняв наконец голову, останавливает взгляд на изборожденном морщинами лице Лизы и резко бросает:

— Здесь ты убирала?

— Да, — натянуто улыбается Лиза, отчего ее лицо морщится еще больше.

— Хм! — недовольно выпячивает он свои толстые губы.

— Что-нибудь не так?

— Нравится?

— А что?

— Не видишь?

Лиза недоуменно пожимает плечами.

— Состарилась на этой работе, а полы натирать не научилась!

— Почему же...

— Откуда мне знать, почему! — прерывает он ее. — Себя спроси.

Лиза растерянно молчит.

— Все мне надо замечать, на все указывать! Совести у вас нет! Вы же должны знать свои обязанности!

— Я знаю! — пытается оправдаться Лиза.

— Знаешь?! А это на что похоже?

— А что, разве плохо?

— Пол должен сверкать, как зеркало!

— Эх, сколько сил я на него положила, с утра вожусь с этим полом, будь он неладен, аж ноги ноют...

— Оно и заметно!

— Старый паркет, вот и...

— Старый паркет должен сверкать не хуже нового! — не унимается Хвтисо и, все еще хмурясь, опускается в кресло, к которому он привык, как к родному существу, и не может расстаться с ним, хотя оно свое уже отслужило.

Лиза должна признать себя виноватой, ничего другого ей не остается. Она обещает натереть завтра пол лучше и тихо выходит из кабинета.

«Вот человек! Никогда не угодишь ему! С самого утра в мрачном настроении... Эх, был бы выход, дня бы не оставалась здесь», — ворчит Лиза про себя, продолжая натирать полы.

«Скорее узнаешь, о чем господь бог думает, чем угадаешь, что на душе у этого угрюмца», — качает головой Лиза, все еще продолжая сердиться на своего грозного начальника. Но постепенно обида отходит, ее вытесняют картины прошлого.

У Лизы была нелегкая жизнь, но в тот год ей пришлось особенно трудно. Сколько ни билась, какие только пороги не обивала, но получить разрешение на постройку дома так и не смогла. Ни высокопоставленных родственников, ни близких влиятельных знакомых у нее не было. К кому ей обратиться за помощью? Разве только к своему начальнику? Долго не решалась она беспокоить его, но как быть, время идет, сил у нее все меньше, а крыши над головой до сих пор нет. Наконец решилась. Входила она в кабинет Хвтисо, а ей казалось, что земля у нее из-под ног уходит.

— Хвтисо Герасимович!

— Что тебе? — И тогда он встретил ее хмурый.

— Вы, наверное, знаете, что вот уже который год я все собираюсь строить дом и...

— Ну и строй себе на здоровье, кто тебе мешает?!

Лизе до слез обидно было слышать эти слова, и подумала она: «Боже мой, как я могла прийти к этому бездушному сухарю...». Но отступить было уже поздно.

— Кто мешает, спрашиваете? Да вот Галусташвили мешает.

— Это еще что за птица?

— Председатель техбюро.

— Чего он хочет? — Хвтисо поднял наконец на нее свои мрачные глаза.

— Не дает мне план строительства.

— Почему?

— Кто его знает? Больше года упрашиваю его, да все без толку. То одну справку ему подавай, то другую. Уже, кажется, все справки принесла, а он все не дает разрешения.

— А по какой причине, не говорит?

— Да причин у него сколько угодно, вот вчера, например, заявил, что дом мой попадает в санзону. А что это такое, ума не приложу.

Хвтисо объяснил ей, что такое санзона.

— Так вы же знаете, где я живу. Кругом уже все понастроили дома, почему именно мой участок оказался в санзоне?

— Ты иди, Лиза, я сам с ним поговорю. Как бы он не свернул себе шею на твоём участке! — это Хвтисо говорит все с тем же хмурым видом.

Недели две спустя Лиза держала в руках план постройки и разрешение на нее.

Хвтисо помог ей достать и строительный материал. А когда вернулся из армии ее Мишико, устроил его на работу.

«Сколько я добра от него помню!» — не раз говорила Лиза.

Вспоминает она все это и тут же кается, что минуту назад готова была проклинать его. А на душе все-таки мутно, уж очень он придиричив и резок. Неужто добрых слов ему для людей не найти?

Хвтисо сидит, приподняв плечи, и просматривает разложенные на столе бумаги.

Вчера он был на работе только до двенадцати часов. По обыкновению, что бы ни случилось и где бы он ни находился, он всегда возвращается на работу хотя бы к концу дня. Вчера же он так и не смог снова заглянуть на работу. В час дня он уже сидел на сессии городского Совета. Потом его потащили на панихиду — пришлось совершить круг почета у гроба усопшей тещи одного влиятельного человека. Весь город, казалось, двигался в те часы в одном направлении — к дому, где лежала покойница.

После панихиды идти на работу было поздно, и Хвтисо решил, что оставшиеся дела он спокойно разрешит завтра утром.

Утро у него начиналось обычно с просматривания газет. Но сегодня он отложил в сторону вчерашние газеты — он прочел их дома. Раскрыл журнал «Финансы», пробежал глазами заголовки, вступительную статью. Журнал заинтересовал его, и потому он решил, что захватит его с собой, засядет за него вечером дома с красным карандашом в руке.

А в журнале «Нианги» обратил внимание на одну карикатуру и даже, казалось, улыбнулся. Карикатура была такая: сытый, с заплывшим лицом продавец, упершись жирными руками в стойку, умоляет оципанного покупателя: «Дорогой, получите положенную вам копейку, а то совесть не даст мне покоя всю ночь!». А мужчина в шляпе и при галстуке, с тонкими, словно макароны, ногами и торчащими прозрачными ушами парирует: «Как вам не стыдно?! Нужна мне эта копейка!»

По тому, как дрогнули у Хвтисо брови и потемневшие веки, можно было догадаться, что он улыбнулся. «Чего только не придумают!.. Да, тонко подметил карикатурист».

Насуdivившись, Хвтисо продолжает изучать карикатуры. Что поделаешь, такой уж у него нрав. Трудно, даже невозможно представить себе, что Хвтисо, вечно суровый и мрачный Хвтисо, может улыбнуться.

Не многие из здравствующих на земле наделены чувством юмора. Природа одних щедро одарила способностью улыбаться, на других поскупилась, но все-таки не лишила их этой радости вовсе.

Да, и Хвтисо, бывало, улыбалась жизнь, и на его улице случались праздники и радостные дни.

Но трудных, горьких дней в его жизни было больше. Все в жизни складывалось у него не так, как он хотел, чувство неудовлетворенности никогда не покидало его. Так вот и ходит он по земле пасмурный и неприветливый. И лишь изредка на мрачном лице мелькнет подобие улыбки, да и то тогда, когда слишком велика радость и другому человеку скрыть ее было бы просто не под силу — радость эта будет рваться из него без удержу.

А людям, известно, такие не по нраву. Скажите, кому приятно видеть перед собой вечно хмурого, вечно недовольного человека? Вот и сторонятся все Хвтисо. И не скрывают своей неприязни к нему. «Хмыра», «Брюзгач», «Угрюмый» — вот эпитеты, которыми щедро одаривали его окружающие. «Я был у угрюмого...», «Надоед этот хмыра...», «Слушайте, небывалое явление, король угрюмых улыбнулся!»

Но последние слова можно было услышать очень редко, да и то об этом говорили с таким удивлением, точно в самом деле случилось что-то невероятное.

«Великий брюзгач недавно очень помог мне...»,

«Ну и ворчун у нас начальник...»

Конечно же, все эти слова говорились у Хвтисо за спиной, посмел бы кто сказать это ему в лицо!

Хотя Ванико, бывший адвокат, «артист в жизни», как его называют, нередко вызывает Хвтисо на разговор.

— Как поживаешь, друг! — он при встрече низко кланяется и, улыбаясь, протягивает Хвтисо обе руки.

— Неплохо! — равнодушно отвечает Хвтисо.

— Да улыбнись ты, платить-то за это не надо! — Ванико так смел, потому что успел уже где-то «хватить».

— С меня достаточно и твоего легкомыслия, ты-то вечно улыбаешься, — спокойно парирует Хвтисо.

— Ты только улыбнись разок, и я плачу сто рублей! — не унимается Ванико.

— Ты сперва расплатись со старыми долгами, а за мой смех заплатишь после, — не теряется Хвтисо.

Присутствующие при этом разговоре от души хохочут, а наш брызгач стоит все с тем же выражением на лице, и только по дрогнувшим его ресницам можно догадаться, что Хвтисо все-таки не совсем равнодушен к беседе.

— Здорово ты его поддел, дядя Хвтисо! — говорит кто-то.
— А что, разве я сказал неправду?
— Он в самом деле должен тебе?
— Если бы только мне!..
— Твоя победа, друг, магарыч за мной! — не сдается Ванико.
— Да отстань ты, знаю я твой магарыч, улизинешь прежде времени, а рас-
плачиваться придется мне.

И снова все смеются. Кроме самого Хвтисо, разумеется.

— Если у него такое лицо, когда все вокруг смеются, представляю, каков он, когда сердит!

— Ну, тогда он похож на самого черта.
— И как его терпят в семье?
— А на работе?!
— Ко всякому можно привыкнуть, а он к тому же, говорят, совсем неплохой человек, — шепчутся у него за спиной.
— Почему он всегда печален?
— Разве кто может заглянуть в его душу?!
— Ему в свое время изменила любимая, вот он и дал обет не улыбаться!
— снова шутит Ванико.

— Не знаю, как любимая, но жизнь в самом деле ему изменила.
— Почему же?.. У него такая должность, всему городу на зависть. Пользуется почетом и уважением, чего еще ему желать?

— Разве только в этом смысл жизни? Потерял троих сыновей на фронте, сам всю войну прошел, в концентрационном лагере сидел, наконец, вернулся домой, успел за три года похоронить двух жен. С чего ему улыбаться?..

— Это верно, но жизнь-то берет свое. И не такое забывается...
— Разные бывают люди...

Уж если кому жаловаться на Хвтисо, то в первую очередь его сослуживцам.

Бывает, кто-либо из них и поворчит: все недоволен он нами, все отчитывается, словно привередливый свекор, все только о деле говорит, ласкового слова от него не услышишь, никогда не смеется — просто так, как обыкновенный человек! Вот уж год он наш начальник, но ни разу не был с нами на экскурсии, мы сидели за праздничным столом даже с секретарем горкома, а с ним — никогда, где он живет и как — никто из нас не ведает, сами приглашаем его, а он нос воротит, ничем ему не угодить, попробуй не сделай так, как он хочет, — голову снесет, а опоздаешь на пять минут — целых пять месяцев будет корить тебя этим, сидит с утра до вечера в своем кабинете мрачнее тучи. Так вот, судите сами, легко работать с таким человеком?

III

Он и сегодня, видать, не в духе, то и дело поглядывает на часы. По шагам узнает, кто из сослуживцев пришел, и засекает время.

Вот уже двадцать минут десятого. Он все еще сидит в своем кабинете. И помнит, кто когда пришел. Он знает, что все на своих местах. Все, кроме одного.

Он нажал на кнопку звонка. В кабинет быстро вошла тоненькая девушка и вежливо поздоровалась с ним.

Хвтисо в ответ чуть наклонил голову. Потом спросил:

— Антон не приходил?

— Нет, Хвтисо Герасимович! — робко отвечает Маквала.

Антон — это заместитель Хвтисо.

— Ну и беспечный народ пошел нынче. Даже на работу не приходят вовремя. Являются, когда вздумается. Конечно же, работа — не волк, в лес не убежит...

Маквала стоит, боясь шевельнуться.

— Где он до сих пор? — возмущается Хвтисо.

— Не знаю... — краснеет Маквала.

Хвтисо что-то бормочет и снова смотрит на часы.

— Позови Назико! — говорит он.

Назико — инспектор.

— Ее нет, Хвтисо Герасимович...

— Она тоже, как всегда, опаздывает, — мрачнеет он.
 — Нет, она была, но вышла, сказала, что вернется через пять минут.
 — Надо же! На работе еще пальцем о палец не ударили, а уже бегают по своим личным делам. Только недавно ей влетело от меня именно за то, что она вечно убегает спозаранок куда-то, но с нее, как с гуся вода, — ворчит Хвтисо.

Маквала виновато опускает голову.

Хвтисо склонился над бумагами, и Маквала осторожно вышла из кабинета и прошла в комнату, где за столом молча сидели сотрудники.

Все подняли головы и с любопытством уставились на нее. Маквала плотно сжала губы, что означало — начальник возмущен, будьте бдительны!

— Что, успел ужалить? — тихо спросил экономист, который собирался зайти к Хвтисо.

Маквала кивнула головой.

— Эх, тогда не стоит заходить... — махнул он рукой и опустился на стул. — К нему не подступишься, когда он в хорошем настроении, а тут и думать об этом нечего!..

IV

Хвтисо читал докладную записку и недовольно качал головой.

Докладную написал Антон. Хвтисо послал его на строительный участок, чтоб проверить достоверность выполненных участком работ. Он давно подозревал, что на этом участке не все чисто. Как всегда, завышены показатели, недоброкачественная работа признана удовлетворительной, завышены ставки...

Поначалу он сам хотел пойти на проверку, но никак не выкроил на это времени, и решил послать своего заместителя, наказав ему как следует разобратся во всем.

Вчера утром заместитель принес ему докладную со всеми прилагаемыми бумагами. Хвтисо спешил на сессию и потому не стал читать, а спрятал все бумаги в ящик.

А сегодня он читает докладную и не верит своим глазам. Прочел один раз, потом второй и недовольно надул губы.

— Хм! Все в порядке... Что-то не верится.. Нет, надо, видать, все проверить самому.

Встал. Прошел в комнату инспекторов, проронил что-то подобное приветствию и сердито спросил:

— Куда он девался?

Сотрудники догадались, что речь идет о заместителе.

— Не знаем...

Начальник тяжело покачал головой.

— И этой принцессы тоже нет, конечно... — И, не дожидаясь ответа, направился в свой кабинет.

Вскоре в комнату впрорхнула Назико.

— Где ты пропадала?

— Нашла время уходить! — накинулись на нее сослуживцы.

— А что? — беззаботно улыбнулась Назико.

— Да то, что тебя спрашивал начальник.

— Что ему нужно? — удивленно пожала она плечами.

— А ты зайди к нему, узнаешь, — смеются сослуживцы.

— Будьте спокойны... выкручусь! — говорит Назико и смело входит в кабинет начальника.

— Доброе утро, Хвтисо Герасимович! — говорит она, мило улыбаясь и моргая длинными ресницами.

Хвтисо, готовый встретить ее грозной речью, почему-то теряется и молча кивает головой.

— Вы меня спрашивали? — она подходит ближе, плавно поводя плечами.

— Спрашивал, — говорит он, не поднимая головы.

— Вам что-нибудь надо? — Голос у нее мягкий и вкрадчивый.

Хвтисо не замечает этого.

— Когда у нас начинается рабочий день?

— Ой, я, кажется, этот экзамен уже сдавала... — обиженно говорит Назико.

— Сколько раз я предупреждал тебя, чтоб ты не смела уходить, не отпросившись!

— Но я ведь ходила по делу! Мне надо было получить авизо.

— Опять ты выкручиваешься. И не стыдно тебе, слава богу, давно уже не ребенок, а ведешь себя, как дитя малое.

Назико усмехнулась.

— Я говорю правду.

— Ты не в банке была, а на базаре, хочешь докажу, тебе не будет стыдно?

— Как хотите! — обиженно шепчет Назико.

Хвтисо берет телефонную трубку.

Назико признается, что в самом деле была на рынке, и просит прощения...

И при этом не забывает улыбаться, а слова ее так и благоухают, и вся она такая пленительная... Но Хвтисо не смотрит на нее, продолжает корить и даже грозит уволить, если такое еще повторится.

Наконец он замолкает, и Назико выходит из кабинета.

— Ну что, побеседовали по душам? — многозначительно спрашивают сотрудники.

— Эх! — Назико машет рукой и садится за свой стол.

Вскоре снова появляется Хвтисо.

Сотрудники невольно встают со своих мест.

— Все еще не приходил?..

— Нет... — сотрудники недоуменно пожимают плечами.

— Когда на партийном собрании я упрекнул его в том, что он опаздывает, он обиделся... Пожалуйста, уже двенадцать, а он и не думает появляться на работе!.. — он произносит эти слова грозный, как туча, и снова возвращается в свой кабинет.

— Может быть, он поехал в Тбилиси? — высказал кто-то предположение.

— Может быть...

— Да он все пытается устроить сына в институт.

— Не уразумел, что с нашим начальником шутки плохи. Надо бы ему отпроситься заранее.

— Стыдно, видать, ему, на этой неделе он уже дважды отпрашивался.

Вот и предпочел уехать не спросясь.

— А потом скажет, что болел.

— Нашего начальника трудно провести. Тотчас потребует бюллетень.

— Ну, это для Антона Бабуцидзе плевое дело.

— Только покажи красненькую нашему Аполлону Сергеевичу, и он мужчине выдаст справку, что он в положении, — шутят сослуживцы.

2. БОГ ВЕСЕЛЬЯ

АНТОНА БАБУЦИДЗЕ на работе любят все. Всегда веселый, остроумный, обходительный, он успел завоевать сердца сослуживцев, хотя работает с ними не больше пяти месяцев. Он словно вносит свет в комнаты, омраченные угрюмостью начальника.

— Хороший парень Антон!

— Сердечный человек, сердечный!

— И всегда такой веселый...

— Хотя бы наш начальник хоть чуточку был похож на него...

И в самом деле — веселый человек Антон Бабуцидзе!

Трудно поверить, что он, как и все смертные, появился на этот свет с плачем. Кажется, что с самого рождения он с улыбкой влился в общий поток жизни и теперь плывет себе беззаботно. Не раз попадал он в круговорот и бешено кружили его волны, но сердце его не ожесточилось. Он с юности был смел и свободен в своих суждениях и поступках, знал всему цену. Наделенный актерским талантом, он любил в ранней юности изображать из себя комика среди своих сверстников, потом шагнул на сцену городского Дома культуры. Ему аплодировали, о нем писали в газете... И сегодня в фойе Дома культуры можно увидеть его фотографии в роли скупого Карапета и Квариваре Тутабери.

Но потом он распрощался с искусством. Решил, что надо иным путем добиваться успеха и безбедно содержать семью. Надумал он заочно выучиться на экономиста, поменял сцену на костяшки счетов и холодные цифры.

Но не следует забывать, что это была натура артистическая, он умел хорошо держаться, легко и свободно говорить со всеми. Он и сейчас любит играть разные роли. У него зоркий глаз, он легко и быстро подмечает в человеке самые характерные качества и потом при случае охотно изобразит вам того или другого.

Все окружающие в нем души не чают. Антон одинаково любезен со всеми. При встрече никто не успеет поклониться раньше него, улыбнуться, справиться о самочувствии. А уж о тех, с кем Антон водит хлеб-соль, и говорить нечего. Для них нет большего кумира, чем «душа общества» Антон Бабуцидзе. В веселых каламбурах Антона, в его красноречивых тостах заключалась вся аттичская соль их встреч. По первому же зову Бахуса мчались они, не чуя ног под

с собой, за Антоном и просили «украсить их стол». Разумеется, Антон соглашался не сразу, и не потому, что любил покрывляться, нет. Он в самом деле бывал иногда занят на работе, у него бывали и другие неотложные дела, но разве можно не внять настоятельным просьбам друзей... Да они и не слушают уже Антона, усаживают его в машину и везут. В качестве самого почетного гостя, конечно.

Кто как не Антон, может создать настроение за столом, где собрались самые разношерстные люди, которых объединяет сегодня любовь к Бахусу.

— Ну-ка, Антон Ангелович, вспомни-ка старину!

Не подумайте, что Ангелом звали его отца, это один из друзей окрестил его ласково Антоном Ангеловичем, и с его легкой руки всеобщий любимец Антон Николаевич Бабуцидзе стал Антоном Ангеловичем.

— Что же вам сегодня рассказать? — потирая руки, начинает Антон.

— Да что угодно, у тебя все великолепно получается.

— Помнишь, ты копировал как-то Силована...

Силован — официант ресторана «Гемо». Неторопливый, круглый, Силован всегда дышит так тяжело, будто только что участвовал в соревнованиях по бегу.

Антон, подражая походке Силована, широко расставив ноги, не спеша подходит к стойке, зачесывает набок редкие, точно стебельки на скошенном поле, волосы, кашляет, раздувает щеки и ноздри, берет огромные счета и блокнот с записями. Чмокая толстыми губами, Силован подсчитывает: «Вы, дорогие мои гости, съели на...». И костяшки счетов ведут безжалостный подсчет всего, что съедено: закуски, зелени, рыбы, жареного и вареного мяса, овощей, рыб-бок-доцхали, приобретенных им неизвестно где и как. Шашлык здесь, якобы, из телятины, тешка отменная, цыплята — из корзины вдовы Соны, свежие огурчики и помидоры — из парников. «Цинандали» — лучший розлив, коньяк — «Варцixe». Все у Силована самой высокой марки, и стоит все это, сами понимаете, немало.

На какое-то мгновение собравшиеся забывают, что перед ними не Силован, а Антон. Отбрасывая три костяшки указательным пальцем, он мизинцем так ловко подкидывает к ним еще одну костяшку, что даже самым трезвым взглядом не уловить тут махинации. Наконец, точно как Силован, Антон поводит изогнутыми бровями и говорит:

— Так вот, мои дорогие, с вас девяносто семь рублей и сорок шесть копеек. На каждого человека около двадцати пяти рублей. — Это он произносит таким тоном, словно его должны еще благодарить за радушный прием и самый точный расчет.

Собутельники хохочут от всей души. И снова просят Антона:

— Заодно и Симона не грех вспомнить, а, Антон Ангелович?

Симон работает секционером в универмаге.

Антон колеблется, это уже посложнее, ведь надо будет ему одному выстушить в двух ролях — Симона и старой девы Элисо.

И вот перед зрителями появляется кокетливая Элисо. Моргнув, она подзывает к себе секционера.

Симон, стараясь казаться степенным, подходит к Элисо и переваливается через прилавок.

— Сто угодно? — шепеляво спрашивает он.

Элисо подносит крашенные губы к волосатому уху Симона и что-то шепчет, дыша на него ароматом духов и кремов. Симон многозначительно хмурит лоб и неуверенно пожимает плечами.

— Ой, дядя Симон, не убивай! — расширяет глаза Элисо.

Симон снова неуверенно качает головой — мол, не знает, есть ли у него товар, который спрашивает Элисо.

— Ну ты же знаешь, что в накладе не будешь? — шепчет она.

— Ну сто мне делать, ты же свой селовек, наса девоска... — разводя руками, говорит Симон.

Старой деве ох, как приятно слушать Симона, во-первых, потому, что она, видимо, уговорила его, во-вторых, он назвал ее «девочкой».

— Ой, дядя Симон, ты просто душка!

Симон улыбается. Плотоядный взор его скользит по глубокому вырезу платья Элисо, если бы не покупатель, он, верно, не преминул бы своей волосатой ручишей погладить старую деву.

— Ну, выноси, дядя Симон, чего уставился! — не терпится Элисо.

— Ну скажи, могу я вынести сейчас, сколько налodu клугом... Плихиди челез час...

Элисо приходит в условленное время.

Симон достает из-под прилавка красивый сверток.

Элисо не терпится раскрыть его.

— Ну сто там смотлеть!..

— Сколько, дядя Симон?..

— Своя цена солок пять. — Потом он называет сумму, которую Элисо должна заплатить сверх.

Старая дева отсчитывает деньги.

Симон смотрит ей в руки, он уже знает, сколько она отсчитала, и все-таки, чем черт не шутит, пересчитывает деньги еще раз, слюнявя потные пальцы и приговаривая:

— Не обижайся, сестличка... Будь я плоклят, если сто-то мне пелепает... Сто поделаешь, иначе не дают... Ты свой селовек, длугому я и не дал бы.

— Знаю, дядя Симон, спасибо.

— Не за сто... Захазывай, иногда мы полуцаем кое-сто.

Старая дева моргает крашеными ресницами и прощается с Синомом, тот провожает ее жадным взглядом.

Антон с блеском исполняет обе роли — и мужскую и женскую.

Затем следует величественный тост тамады, пирующие чокаются. Но постепенно развязываются языки у собутыльников, все чаще слышатся плоские шутки, непристойные анекдоты. И все-таки пальма первенства остается за Антоном. Ведь у него совсем иная роль — он артист! Причем играет без дублера, ибо нет в городе человека, способного заменить Антона Бабуцидзе.

— Антон Ангелович, мы уже соскучились, что-то ты долго молчишь...

— Надо же дать отдых языку...

— Ты бы показал нам пасынка Тато?..

Пасынок Тато — Сандриа, заведующий цкманурскими овощными заготовками. Он высок и сухопар, как Антон. И лицом они схожи. Только вот у Антона, как у юноши, — пышная шевелюра, а у Сандриа на голове всего-то два-три волоска, которые он зачесывает то в одну, то в другую сторону.

Антон и в этот раз не заставляет просить себя долго. Он отходит от общего стола, достает из кармана полосатый платок и вытирает потный затылок, косится на вошедшего к нему без разрешения заготовителя, зевает в кулак и гнусавит:

— Садись, парень, чего стоишь как посторонний.

— Тороплюсь я, Александр Иванович.

Антон-Сандриа поглаживает свою почти лысую голову.

— Как дела, парень?

— Ничего, Александр Иванович, — отвечает тот бойко.

— Ты же знаешь, что с первого числа я ухожу в отпуск?!

— Конечно. Где думаете отдыхать?

— Да кто даст мне отдохнуть. Лечиться я еду в Эссентуки, желудок беспокоит, проклятый... Со мной едет и наш главный... Он и достал мне путевку. За любезность надо платить любезностью, тебе ведь это известно... На каждом шагу необходимы деньги...

— Знаю, Александр Иванович, знаю! — парень лезет в карман.

У Сандриа жадно вспыхивают глаза. Он чмокает губами и торопит его:

— Ну... Быстрее... Сколько там?.. Ничего, давай что есть... Они ведь не в мой карман идут, я должен отдать их другому, сам знаешь. Такова жизнь, мой друг, рука руку моет... Клади-ка сюда! — и выдвигает ящик письменного стола.

Заготовитель весьма неохотно опускает деньги в ящик.

— Ты ловкий парень... Иди... Только будь все-таки осторожен... Правда, никто тебя не посмеет и пальцем тронуть, я здесь, не беспокойся... Ну, иди... присмотри за делом... — сыплет словами Сандриа.

Заготовитель поворачивается и идет к двери.

— Подожди, парень...

Заготовитель оборачивается.

— Скажи ребятам, что я ухожу в отпуск... Понимаешь меня, надеюсь?..

— Еще бы... Конечно, понимаю.

Антон не менее успешно исполняет в этот раз две новые роли. И надо отдать ему должное, он так вживается в образ, что зрители даже забывают, что перед ними Антон, а не его герой.

— А почему Сандриа выгоняет некоторых с работы?.. — подсказывает Антону кто-то из зрителей новую тему.

Антон начинает кружить по комнате и брызжит:

— Тыфу, кто только его прислал к нам... Этот олух не знает даже четырех арифметических действий! Научился складывать и вычитать, а не надо было научиться еще умножать и делить? Нет, брат, здесь ему не место...

— Молодец, Антон Ангелович!

— Дай бог тебе здоровья! Что бы мы делали без тебя, дорогой!

— Спасибо тебе, Антон Ангелович, спасибо! — благодарят его наперебой собутыльники, вытирая слезы, выступившие на глазах от смеха.

Антону подают самые лучшие куски, доливают вина. Антон затягивает песню... Вскоре ему подпевают сотрапезники. И льется песня, и наполняются стаканы вином, и сменяются закуски на столе... Пируют Антон Бабуцидзе и его друзья.

— А этот тост, — встает благодарный тамада, — я пьян, дорогие мои, за нашего незаменимого Антона Ангеловича, — и следует длинная тирада в честь всеобщего любимца. Затем тамада, проявляя к Антону еще большую любовь, тянется к нему и целует его влажными от вина губами.

И другие не отстают от него.

— Ты не просто человек, дорогой Антон, ты бог веселья!

— Ты должен сидеть на Олимпе, держать в руке золотой жезл и щедро раздавать радость и веселье!

— Ты достоин самой почетной должности в нашем городе!

— Будь наши сильные мира умнее, они должны носить тебя на руках, беречь от всех напастей, чтоб не приходилось тебе заботиться о семье, чтоб не тратил ты на такие мелочи золотое время, а отдал весь свой талант на служение обществу и отечеству!

Чего только не пожелают своему любимцу собутыльники во хмелю!

Антон верит если не всему, что здесь говорится, то хотя бы доброй половине сказанного. И благодарит всех за любовь, говорит, что, если он не занят, если у него есть хоть немного времени, он всегда к услугам своих друзей. Ну что еще больше сближает людей, если не стол, уставленный яствами?!

II

Бывает, Антон устраивает представление и для сослуживцев. Вот вчера, например. Он пришел на работу уже после перерыва. Был весел, потому что всего несколько минут назад покинул друзей, с которыми ел сочные хинкалы, пил коньяк «Греми» и осетинское пиво. Когда он пришел на работу, сослуживцы его сидели за своими столами и неторопливо перелистывали страницы, испещренные цифрами. Антон открыл дверь и остановился на пороге. Вдруг он помрачнел, надул губы, сощурился и скупно покачал головой в знак приветствия.

Перед сослуживцами стоял не Антон, нет. Это был их грозный начальник Хвтисо. Он хмуро уставился на Маквалу и пробасил:

— Ты напечатала отношение?

Девушка невяното прошептала:

— Нет...

— Почему же? — сердито спросил Антон, прошел мимо нее, выпятив челюсть, снова спросил басом:

— Ну что, закончил ревизию?

Инспектор виновато опустил голову.

— Сколько ты еще будешь тянуть? — надулся Антон.

— Что поделаешь, Хвтисо Герасимович, я не успел и...

— Эх, никто здесь не хочет работать, как я вижу!... — сказал Антон, потом, окинув мрачным взором остальных сотрудников, добавил: — Жалко детей... иначе я бы и одного дня не терпел тебя на работе!..

Сотрудники смеются. Антон же серьезен, он пока в роли и чувствует, что она ему удалась.

Долго не смолкает смех.

Наконец Антон направляется к своему столу. Надо ведь все-таки хоть немного поработать...

Не часто Антон играет на работе роль своего начальника — небезопасно все-таки, чем черт не шутит, вдруг узнает Хвтисо!

III

Особенно удается Антону рассказ о том, как Хвтисо отдыхал на море.

— Антон Ангелович, помните, как женщины искупали в море нашего «короля хмурых»? — вспоминают сослуживцы.

— Я-то помню и с удовольствием рассказал бы вам об этом, да боюсь, узнает он, и тогда мне несдобровать.

— Не узнает, мы умеем молчать...

— Не говорите!.. Разве сейчас можно доверять людям?..

— Но нам-то ты можешь верить? Из стен нашей комнаты это никогда не выйдет.

Тогда Антон начинает:

— Как вам известно, каждый свой отпуск наш уважаемый начальник проводит в санатории. Он не так глуп, как я, чтоб задышаться летом в душном городе. Он знает толк во всем и никогда не упустит своего. Вы думаете, мне завидно? Нисколько. Пусть ездит на здоровье! Курорты Грузии он изучил и теперь стал выезжать за ее пределы. Каждое лето! Вот это мужчина! Хотя его можно понять — все болезни, какие только водятся на этом свете, свили себе гнездо в его теле. Самый лучший диагностик своих болезней — он сам. Судите сами: если бы он страдал всеми теми недугами, которые находит у себя, дожил бы он до своих лет? Так вот, в прошлом году врачи посоветовали ему отдохнуть на море.

Забегал наш Хвтисо, приобрел путевку в Сочи.

Вы-то знаете, какой он брюзга, и понимаете, что в санатории он не приобрел бы друзей. Отдыхающие не баловали его своим вниманием. Но нашлись люди, которые поняли, что под маской угрюмости кроется добрая душа, и стали приглашать его в свои компании, раз даже в ресторан заманили. Веселиться наш начальник не мастак, зато шахматиста, равного ему, не было во всем санатории! Но в шахматы играл он изредка, а чаще всего гулял по территории санатория насупленный, пасмурный, точно осенняя туча, иногда уходил гулять по глухому ельнику или по берегу моря.

Море он любил, но только созерцательной любовью. Купаться же боялся пуще смерти. Рано поутру можно было увидеть его на берегу моря, сидел он обычно на облюбованном им валуне и часами глядел на спокойные волны, потом брался за книгу.

Думаете, он читал стихи или романы? Нет! И здесь он читал только финансовую литературу, и все, что могло ему пригодиться в работе, подчеркивал красным карандашом.

Однажды пригласили Хвтисо на общий пляж. Скинув одежду, отдыхающие бросились спасаться от знойных лучей солнца в воду, звали с собой и Хвтисо, но он, как всегда, отказался, только до колен закатал черные брюки и намочил ноги в воде. Потом, отойдя поодаль, он нашел большущий камень, сел, расстегнул несколько пуговиц на темном кителе и царским взором окинул бескрайнюю морскую гладь.

Но какой бес вселился в тот день в женщин? Смеясь, подбежали они к Хвтисо и стали звать его купаться. Хвтисо отчаянно замахал руками, но женщины не отступили, одна выхватила у него книгу и отшвырнула ее в сторону, другая стала сдирать с него чешские штилеты, третья взялась за китель, кто-то спустил с него брюки.

Хвтисо изо всех сил сопротивлялся, даже ругался, но женщины, известное дело, не отстанут, коли втемяшилось что-то им в голову. Поволокли они Хвтисо в его широких трусах к морю и бросили его в воду, словно бревно. Хвтисо брыкался, отбивался — все напрасно, женщины, вцепившись в него, тащили его в глубь моря. И наглолся же соленой воды бедняга Хвтисо!

Наконец он кое-как отбился от назойливых купальщиц, выбрался на берег и перевел дух.

И тут дал волю своему гневу. Он грозился пожаловаться администрации санатория, говорил, что не встречал более бессовестных женщин, но женщины снова с хохотом стали кружить вокруг него, словно феи, порывались даже поцеловать его.

Весь пляж наслаждался этим зрелищем.

С того дня наш Хвтисо и на пушечный выстрел не подходил к морю. Стало ему в тягость пребывание в санатории, и он раньше времени покинул тот благословенный край.

IV

Антон Бабуцидзе рассказывает эту историю с великой охотой. Красочный, многоцветный рассказ он обогащает мимикой и жестами. Одни принимают этот рассказ всерьез, другие считают, что это выдумка, третьи думают, что Антон, как всегда, сгустил краски. Тем не менее, все слушают с одинаковой охотой.

Не думайте, что Антон рассказывает всем этот забавный случай из жизни своего начальника, вовсе нет, он дарит обычно эту повесть лишь «своим ребятам», надежным.

О таланте Антона Хвтисо, конечно, и не подозревает.

Некоторые считают, что повествования Антона далеко нацелены. Дойдет одна из таких правдивых или выдуманных историй до ушей городской власти, капля камень долбит, вот и задумаются, по Сеньке ли шапка, и место ли Хвтисо в финотделе?.. Антон же так и зарится на стул, на котором восседает сегодня Хвтисо.

Признаться, Антон никогда не высказывал вслух подобной мысли, только однажды вырвалось у него: «Надо же, чтоб этот зануда занимал такую должность!..». И то, видать, вино развязало ему язык, ничем другим не объяснить такую откровенность, ведь, как ни пытай его, он никогда ничего плохого о Хвтисо не скажет, наоборот, всюду, стараясь даже, чтоб это дошло до ушей начальника, твердит, что такого честного, преданного делу человека он не встречал, и что он счастлив, работать у него в подчинении.

Вот и должны мы думать, что шутит Антон Ангелович без всякой задней мысли.

Так или иначе, но все сторонятся гордого, мрачного и нудного Хвтисо, Антон же день ото дня приобретает все новых и новых друзей и поклонников.

«Вот это человек! Поговоришь — и на душе становится радостнее. А начальник у него одно недоразумение. Нуднее человека не встречал. Ходит всегда мрачный, с кислой миной. И смотрит на тебя волком, словно ты его должник».

«Вот бы кто украсил этот стул — Антон Бабуцидзе!»

«Так и будет, поверьте мне!»

«Хм! Как сказать! У «короля хмурых» глубокие и крепкие корни, пошатнуть его мудрено».

Вот такие разговоры ведутся в городе.

Что бы ни говорили, как бы ни мутили воду, трудно было внести разлад в отношения между Хвтисо и Антоном. Правда, иногда Хвтисо не по душе поведение его заместителя, но он считает, что у Антона светлая и чистая, как ясный день, душа, и верит в него, как в утренний рассвет.

3. ЛЮБОВЬ НАЧАЛЬНИКА

НА ПРОВЕРКУ из министерства пришли трое.

— Вы знаете их, Хвтисо Герасимович? — интересуется Антон.

— Один из них, Сардион, — заведующий отделом, другие — инспекторы, Теймураз и Карло.

— Хорошие, видать, парни!

— Ничего.

— Надо бы пригласить их отобедать.

— Я приглашу их в ресторан.

— Разве можно ходить в наши рестораны, обдерут, как липку!

— Ничего, они еще поплатятся, придет и их черед.

— Хвтисо Герасимович, а может быть, пригласить их ко мне? Не всегда же вам тратиться?..

— Я начальник и...

— Сегодня позвольте мне принять гостей. Я велю своим все приготовить. Так будет лучше, уверяю вас. У меня чудесное вино, сам давил виноград, есть цыплята, свежие помидоры и огурцы, жена моя мастерица печь хачапури, остается только приобрести мясо на шашлык...

Хвтисо колеблется: не в его правилах угощать своих гостей за чужой счет. Но ведь Антон приглашает от всей души. И Хвтисо соглашается.

Закончив работу, гости из министерства собрались уходить, когда Хвтисо сказал им:

— Может быть, мы пообедаем вместе?

— С радостью, но нас ждут дела.

— Не обижайте нас, — вступает в разговор Антон.

— Нет, нет, спасибо, но мы торопимся!

— Не поймите нас превратно, мы от чистого сердца. А может быть, вам не хочется?..

— Как вы можете думать такое! Как раз с вами смело можно посидеть за столом, работа у вас налажена, как часовой механизм.

— Так о чем разговор, мы просим вас отобедать у меня дома!

Машина остановилась у ворот дома Антона.

Сначала гости осмотрели дом, походили по саду. Потом их усадили за стол, Антон попросил Хвтисо быть тамадой за их «скромным столом».

— Какой из меня тамада! — отказывался Хвтисо, но гости и Антон в один голос стали упрашивать его, и Хвтисо сдался.

Хвтисо, как вам, наверное, уже стало ясно, не отличался велегеречностью, поэтому тосты его были скупы и невыразительны, но зато стаканы всякий раз опорожнялись до дна.

Гости уже никуда не спешили. Известно, вино развязывает людям языки. Вот и на этот раз чудодейственная сила вина разорвала плотину отчуждения и неловкости. Гости и Антон развеселились, полились пышные здравицы, признания в любви, и только Хвтисо, верный себе, был все так же угрюм и молчалив. Антон, наоборот, был в своей стихии, без удержу рассказывал были и небылицы, шутил, паясничал, и речь у него на редкость цветистая, и тосты красочные. Тронул он сердца гостей. Они уже не спускали с него восторженных глаз.

— Как мы рады, Хвтисо, что ты познакомил нас с таким замечательным человеком!

— У тебя не заместитель, а чародей!

— Хвтисо знает, кого брать в помощники!

И полились слова любви и признательности Антону.

— Отныне для Антона открыты и наши сердца и двери министерства!

Были провозглашены все тосты, принятые за грузинским столом. За каждого пили в отдельности и не скупилась на эпитеты.

Первый тост был, конечно, за Сардиона. Вслед за тамадой поднялся Антон.

В самом деле, надо иметь особый талант, чтобы, не зная человека, встретившись с ним впервые, находить нужные для тоста слова.

Антон превзошел все ожидания. Вот вкратце содержание его пышного, многословного тоста: до сих пор я не имел счастья знать вас, уважаемый Сардион, но, едва познакомившись с вами, я понял, что имею дело с настоящим мужчиной. Не надо быть особенно прозорливым, чтоб увидеть, что вы человек больших достоинств. Об этом говорят ваши глаза, свидетельствуют ваши манеры. По тому, как и что вы говорите, в вас чувствуется настоящий грузин... В данном случае лжет поговорка, которая гласит, что для того, чтоб узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Мне нет в этом необходимости, я и так вижу величие вашей души, ваше доброе сердце. Я благословляю ангелов, которые привели вас в наш город, надоумили вас посетить мою скромную обитель, благословляю те тропинки и дороги, по которым вы шли ко мне. Я готов целовать ваши следы в моем родном городе, хочу любить все, что связано с вами. Вы вошли в мой дом — и я почувствовал, как все вокруг запело. Столь счастливого дня в моей жизни еще не бывало...

Таковыми словами завершил свой тост растроганный хозяин.

Потом были провозглашены тосты за Теймураза и Карло. И за них пили, соответственно с их рангом и положением.

Наконец настал черед тамады. Сардион собирался пить за Хвтисо, но Антон прервал его.

— Прошу прощения, разрешите мне поднять тост за моего любимого начальника. — Антон встает. — Я хочу от всей души выпить за нашего тамаду, вашего друга, моего начальника Хвтисо Герасимовича Харатишвили. Пусть простит меня уважаемый Хвтисо Герасимович, что я называю его по-панибратски «своим» начальником. Вы не хуже меня знаете, какой это человек! Но я знаю также, что и вам будет приятно еще раз услышать, что нет в нашем городе человека более самоотверженного, более преданного любимой работе, более знающего свое дело, чем наш Хвтисо Герасимович. Да и не только в нашем городе! Второго такого талантливейшего, умнейшего, честнейшего, добрейшего человека нет во всем мире! Сотрудники на него не намолются — все как один, начиная с меня и кончая уборщицей. Я счастлив, что Хвтисо Герасимович принял меня в свой прекрасный коллектив. Я не люблю говорить о себе, но должен вам признаться, что душа моя чиста, как у младенца, светла, как горный снег, и ясна, как родник. Я доверчив и предан. Можете себе представить, как мне повезло, что я попал именно к Хвтисо Герасимовичу. Не скрою, друзья мои, работал я во многих коллективах. Я уходил, потому что не мог мириться с ложью, со злом, нечестностью. Я считаю фарисеем того, у которого дела расходятся со словами. Я презираю такого человека! Но таких, к сожалению, еще много на нашей солнечной земле! Я встречал их в других организациях и поэтому уходил оттуда. Не так давно я начал работать в коллективе уважаемого Хвтисо Герасимовича, вернее, он сам пригласил меня в свой коллектив. И вы не можете себе представить, как мне стало легко жить. Наконец-то я нашел применение своим знаниям, тут полностью проявилось мое призвание. Хвтисо

Герасимович такой человек, такой человек!.. Он может все... Если у вас нет сердца — он вам подарит его, если вам не знакомо чувство любви, он научит вас любить, если у вас плохое настроение, он развеет грусть, если у вас будет болеть душа, он излечит ее! Я преклоняю колени перед той женщиной, которая вскормила и вынянчила его, которая пела ему колыбельную!.. Мне уже скоро сорок пять лет, Хвтисо Герасимовича знаю многие годы, но не помню, чтоб кто-либо плохо отозвался о нем, чтоб кому-то он причинил зло. И если кто-то изменит нашему Хвтисо Герасимовичу, быть тому на том свете в аду, это точно! Пусть отсохнет язык, способный сказать про него что-то плохое, сердце, в котором хотя бы на миг может промелькнуть мысль об измене ему, надо вырвать из груди и разорвать на части. Да не видеть света глазам, которые косо взглянут на моего дорогого начальника.

Друзья мои! Меня молчалником не назовешь, но, признаюсь, я теряю дар речи, когда мне хочется выразить свои чувства... Я не могу высказать и малой доли того, что чувствую и переживаю. «Сколько ни говори, а еще на завтра будет» — эти слова как нельзя лучше характеризуют мое состояние. И пусть так и останутся невысказанными в душе моей все те чувства, которыми переполнено мое сердце, чтобы сам я мог ощутить невыразимую радость от этого! Я бы и сегодня молчал, зная, что любовь надо беречь и хранить в тайне, но я не устоял против захлестнувших меня чувств.

Раз уже я так осмелел, то позволю себе поцеловать моего дорогого начальника! — И с полным стаканом в руке он потянулся к Хвтисо и поцеловал его в усы.

Хвтисо в растерянности зачмокал толстыми губами.

Гости слушали Антона и думали о том, что Хвтисо в самом деле повезло с заместителем. Неплохо было бы, если бы и в министерстве сидел такой преданный своему коллективу человек.

Хвтисо молча склонил голову и тем самым дал понять Антону, что признателен ему.

Перед расставанием снова полились слова благодарности, высказывались надежды на новые встречи. Соловьем разливался Антон, умолял не расходиться, воспевал дружбу, любовь. Не жалел он красного словца ради дорогих его сердцу людей, обнял их и затянул веселую песню:

Рэро, мне не жить на этом свете, рэро,
Коли вас не будет рядом, рэро...

Гости подтянули. Одна песня сменялась другой, более веселой и зажигающей. Даже Хвтисо, видимо, про себя подпевал, об этом свидетельствовали складки, появившиеся на лбу, и чуть увлажненные негой глаза.

На прощание Антон просил всех не забывать его. Гости широко развели руками — ну, надо ли об этом говорить, ведь это само собой разумеется!

Гости, разошлись вконец очарованные красноречием и широтой натуры Антона Бабуцидзе.

Антон и прежде не раз хвалил своего начальника, правда, всегда за глаза, но зато наверняка знал, что слова его дойдут до Хвтисо. Он не ошибался. Доходили до Хвтисо слова, сказанные Антоном, и тем дороже и ценнее они были, что высказывал их Антон не в присутствии начальника.

Хвтисо бывал благодарен своему заместителю за любовь, но свои симпатии к нему не выказывал. Чаще он даже сердился на него, когда тот не выполнял работу так, как требовало этого дело. И тут он не скрывал своего гнева. Это ему, ох, как хорошо удавалось!

4. В ОБЪЯТИЯХ СМЕРТИ

I

ХВТИСО снова углубился в чтение. Чем больше он читал, тем все более и более мрачнел. Видимо, не по душе ему отчет Антона. «Слышанное ли дело, волчка он выводит божьим агнцем. Эх, если уж заместитель мутит дело, что спрашивать с других. Неужто я ошибся в нем?» — недовольно качает он головой.

Маквала снова осторожно приоткрыла дверь и застыла на месте.

Хвтисо, подняв наконец голову, удивленно уставился на нее:

— Что случилось? — резко спросил он.

— Антон... — девушка зарыдала. — Антону очень плохо.

— Плохо?!

— Да... Лежит, говорят, без сознания.

— Да говори толком, что случилось? — побледнел Хвтисо.

Девушка продолжала плакать.

— Что с ним? — так грозно спросил Хвтисо, словно это Маквала виновата в болезни Антона.

— Не знаю... Но все твердят, что он очень плох...

— Эх! — сердце Хвтисо сжалось от какого-то непонятого, но неприятного ему чувства. Он вышел из-за стола, заваленного грудой бумаг, и уже был в дверях, когда раздался телефонный звонок. Его срочно вызывали в министерство.

— Иду, — неохотно буркнул Хвтисо, положил трубку, недовольно хлопнул дверью и поспешно спустился по лестнице. «Неужто так плохи дела?» — думал он, садясь в машину. И вместо того, чтоб ехать в министерство, он велел шоферу гнать машину к дому Антона.

Всю дорогу думал он о своем заместителе.

Этот мрачный, угрюмый человек с невыносимым характером, в какой-то миг вдруг изменился. Осевшая на дне его души обида, неприязнь, недовольство Антоном вдруг уступили место иному чувству. Он вспоминал теперь только хорошее, видел в своем заместителе человека честного, не запятнанного, веселого, который оказался сейчас в объятиях смерти и которому надо протянуть руку помощи.

Машина остановилась перед домом Антона.

Хвтисо тихо поднялся по лестнице.

Вошел в квартиру.

В самой большой комнате сидели соседи с красными, опухшими от слез глазами, они тихо перешептывались, то и дело поглядывая на дверь в соседнюю комнату.

Услышав шаги, все повернули заплаканные лица и с любопытством уставились на Хвтисо.

Он молча кивнул всем и остановился возле двери в комнату больного.

— Что с ним? — спросил он кого-то шепотом.

— Сердце, сердце изменило ему, — тихо ответили ему.

Хвтисо покачал головой и, осторожно открыв дверь, вошел к Антону. Увидев лежащего в кровати Антона, Хвтисо потемнел, как грозовая туча.

Антон, съежившись, лежал с каким-то безразличным выражением лица, устремив взор в потолок. Чувствовалось, что у него нет сил даже повернуть голову.

Мать и жена Антона с трудом сдерживали слезы, возле больного молча хлопотали врач и санитары.

Хвтисо подали стул.

— Как дела? — тихо спросил он у врача.

Врач только приложил палец к губам.

Антон с трудом повел безжизненными глазами и остановил свой взор на начальнике.

— Он узнал вас... — нарушил молчание врач.

— Э-эх!.. — глубоко вздохнул Хвтисо.

Гнетущую тишину неожиданно разорвала беззаботная песенка.

Пел младший сын Антона пятилетний Гела. Он, естественно, не понимал, какое несчастье обрушилось на их семью, и, радуясь тому, что в доме много людей, весело скакал по двору верхом на деревянной лошадке.

— Перестань, Гела, — крикнул ему кто-то с балкона. Но Гела, точно на зло, запел еще громче.

Хвтисо, стоя у окна, смотрел в зеленую даль, простиравшуюся за домом Антона, и думал: «Жаль, очень жаль, если этот мальчуган осиротеет».

Видимо, и слуха больного коснулась звонкая песня сына. Правда, и в этот раз он не пошевелился, но веки его дрогнули и в уголках глаз застыли слезы.

— Услышал бедняга! — сказал кто-то шепотом.

— Как он любит детей! — добавил кто-то.

«Нет, нет, его смерть — несчастье для семьи», — снова подумал Хвтисо и нахмурился еще более.

Врач вышел на балкон. Хвтисо последовал за ним.

— Эх! — вздохнул врач и махнул рукой.

— Как вы его находите? — спросил его Хвтисо.

Врач покачал головой.

— Он придет в себя?

— Сомневаюсь...

Слова Авксентия когтями впились в сердце Хвтисо.

— Если он доживет до завтра, это будет счастьем, — сказал врач.

— Что с ним, все-таки? В чем причина?

— В чем причина, спрашиваете? Прежде всего в том, что мы считаем большой заслугой опорожнять огромные стаканы с вином. В этом-то и вся беда!

Хвтисо опустил голову и тяжело вздохнул.

— Стоит нам оказаться за столом, как мы превращаемся черт знает в кого. Забываем обо всем, и у нас только одна цель — напиться в доску самому и спить остальных. Ну разве это мужчина, если он не выпил за столом несколько бутылок вина?!

— Я никогда в жизни никого не спайвал.

— Я говорю не о вас, Хвтисо Герасимович. Это наша общая беда...

— Да... страшная беда... Потому что это приняло уже такие формы, что мириться с этим нельзя. Надо бить тревогу... Ведь не за столом познаются друзья...

— Друзья... Где теперь они?.. Почему не помогут ему!

Хвтисо виновато потер руки и еще ниже опустил голову.

— Да... Вот так и бывает в жизни... Сколько примеров... А зло живет... Мы продолжаем губить друг друга, — врач глубоко затянулся сигаретой.

— Как же быть теперь? — сокрушался Хвтисо.

— Не знаю... Все, что можно было сделать, я сделал, и... — врач пожал плечами.

Хвтисо хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом все-таки решился:

— А если пригласить профессора?.. Как ни говори... один ум хорошо, а два лучше?.. — и он посмотрел врачу в глаза — не обидели ли его эти слова?

— Пожалуйста... Только это, я думаю, лишнее... — Врач, видимо, все-таки обиделся.

— Поймите меня правильно, ради бога... Сейчас надо сделать все, что в наших силах, не ждать же сложа руки, пока наступит конец... — снова обратился к врачу Хвтисо.

— Вы знаете кого-нибудь или дать вам адрес?

— Да... знаю... Есть у меня один знакомый... Может, слышали о нем — Варлам Агдгомелашвили.

— Знаю, конечно...

— Так я поехал.

Хвтисо поспешно вышел из комнаты, сел в машину и велел шоферу ехать в Тбилиси, да побыстрее.

II

Сначала он заехал к профессору домой. Но дома никого не оказалось. Тогда он помчался в институт. Но Варлама не было и на работе.

— Я хотел бы видеть уважаемого Варлама.

Секретарша, тощая, уже не молодая девица с подведенными глазами, не обращая на него внимания, продолжала любоваться в зеркале своим увядшим лицом.

— Я хотел бы видеть Варлама Григорьевича, — уже нервничает Хвтисо. Секретарша наконец поворачивает к нему свое злое лицо:

— Не могли бы вы спросить повежливее? Профессор вышел.

— Куда?!

— Он пошел на защиту диссертации, — секретарша снова взяла со стола зеркало и стала разглядывать свое лицо с выщипанными бровями.

— Где же эта защита?

— Там, наверное, уже все закончилось...

— И что же?

— Вы что, не знаете, куда идут после защиты?

Хвтисо все понял. Спросил, где живет диссертант.

Ехал он к дому диссертанта и думал о том, что неудобно, наверное, беспокоить человека, когда у него в жизни такое событие. Но что поделаешь? Надо помочь другому человеку, надо! И потому он должен побороть в себе чувство неловкости. Он вспомнил Антона — беспомощного, умирающего... Что за глупости! Нашел время церемониться, когда на карту поставлена жизнь человека!

Хвтисо смело нажал на кнопку звонка.

— Входите! — услышал он радостные голоса хозяев. — Дверь не заперта!..

Хвтисо приоткрыл дверь.

— Извините меня, пожалуйста... Но мне необходимо видеть профессора Варлама Агдгомелашвили.

— Он пока не приходил... Мы ждем их с минуты на минуту. Да вы входите...

Хвтисо поблагодарил хозяев, но предпочел ждать Варлама во дворе. То и дело к воротам дома подкатывали машины, и каждый раз Хвтисо с надеждой смотрел — не Варлам ли приехал. Он нервничал, ему казалось, что время тянется слишком медленно... Там лежит Антон... Каждая минута может оказаться для него роковой.

Но вот наконец снова затормозила машина, и из нее вышел Варлам. Хвтисо радостный приветствовал его. Профессор кивнул ему в ответ и молча прошел мимо.

— Варлам Григорьевич!

Профессор остановился, снова кивнул ему:

— Простите, я не узнал вас...

Хвтисо назвал себя.

— А-а... Хвтисо... Хвтисо... — профессор пытался вспомнить его фамилию и предостерегающе поднял палец: подождите, я сам вспомню. Но поскольку он так и не вспомнил, Хвтисо напомнил ему:

— Харатишвили.

— А, вспомнил, Хвтисо Харатишвили.. Как поживаете?

— Ничего...

— Вы знаете, до сих пор у меня дома стоит запах айвы, которую вы мне прислали...

— В этом году уродилась отличная айва.

— У вас свой сад, наверное?

— Да...

— Хорошо... Хорошо, когда есть сад... Ну как вы теперь, лучше, надеюсь?

— Разумеется... Вы мой спаситель... Но знаете, профессор, — Хвтисо замялся — ох, уж это проклятое чувство неловкости! — но потом все-таки решил: — Очень плохо моему заместителю... Чудесный малый, должен вам сказать...

— Что с ним?

— Не знаю... Говорят, что-то с сердцем...

Хвтисо смотрел на профессора умоляющими глазами.

— Что делать?.. Понимаете, защитился мой аспирант...

— Прошу вас, профессор...

— Хорошо... Можете подождать минут десять, не больше?..

— Конечно... И ради бога, извините меня...

— Ну что за церемонии, — профессор поспешно вошел в дом. И в самом деле минут через десять он вышел с двумя коллегами.

— Поехали...

Антон выслушивали внимательно, долго и сосредоточенно, успокоили родных, ничего, мол, страшного, мы видали еще не таких больных.

Родных-то они успокаивали, но сами не очень верили в благополучный исход. Они поделились своими сомнениями только с Хвтисо и Авксентием.

— Да... надежды мало, но мы должны сделать все возможное.

— Умоляю вас, профессор, помогите ему!..

— Тут может помочь персантин, — сказал один из врачей.

— Где его достать?.. Персантин, разумеется, помог бы, — сказал другой.

— В аптеках и не ищите... На руках разве... Он стоит бешеных денег...

— Можно ли думать о деньгах, когда на весы положена жизнь человека?!

Хвтисо решительными шагами прршел комнату больного, как юноша, легко сбежал по ступенькам лестницы и сел в свою машину.

Хвтисо повезло. Он сумел раздобыть лекарство!

Ехал Хвтисо к больному, и чуть заметная улыбка мерцала на его хмуром лице.

С того дня профессор Варлам Агдгомелашвили стал частым гостем в доме Антона Бабуцидзе.

III

Антон постепенно поправлялся. Лекарство возымело свое действие. Жизнь снова засверкала пред Антоном лучшими своими гранями. И потянулись к нему толпы посетителей. Даже не очень близкие их семье люди считали своим долгом навестить Антона и поднять бокал за его чудесное исцеление.

Возле кровати больного поставили маленький столик, на котором не перыводилось хорошее вино.

— Ты поскорее поправляйся, а мы знаем, как отметить это событие. Поедем в Кинцвиси, зарежем барашка в знак твоего возвращения с того света! — говорили друзья.

Радостные бегали по двору дети Антона. Никто уже не запрещал Геле петь любимую песенку. Отец даже сажал его рядом на постель и учил новым песням и стихам.

И Хвтисо чувствовал себя на седьмом небе. У него было такое ощущение точно с выздоровлением Антона к нему самому возвращаются новые силы, но кто-то щедрой рукой отмерил ему огромный кусок новой жизни.

Он был рад и тому, что сам внес пусть малую, но свою долю в это благодарное дело. Он чувствовал душевное спокойствие, уверенность и даже удовольствие, но все эти чувства по-прежнему никак не отражались на его внешнем облике.

Он не часто навещался к больному, но стоило ему там появиться, как мать Антона, обращая взор к небу, благословляла его.

— Пусть будет тебе вечная радость за твою доброту! — говорила она. — Бог воздаст тебе за твою прекрасную душу, за твоё доброе сердце!

— Для чего же мы живем на свете, если не будем помогать друг другу... — отвечал Хвтисо.

— Если бы не вы, ходила бы я теперь во вдовьем платье, — вторила свекрови жена Антона.

— Да что вы, при нем тут я... — робко возражал ей Хвтисо.

— Вы потеряли с нами столько времени! А сколько потратили денег... И профессорам платили, и то дорогое лекарство...

— Не будем говорить об этом. — прерывает ее Хвтисо.

Как ни старалась жена Антона вернуть ему потраченные деньги, Хвтисо был тверд — он не взял ни копейки.

— Начальник моего Антона просто святой, — говорила всюду с гордостью мать Антона.

— Пусть ему всегда улыбается счастье! — вторила ей жена Антона.

И больной нередко обращал к Хвтисо исполненный благодарности взор, но тотчас отводил глаза и лицо его покрывала тень грусти, он уходил в себя и все думал, думал о чем-то.

5. СМЕХ УГРЮМОГО

— НИКОГО ко мне не впускать! — грозно приказал Хвтисо Маквале.

— Хорошо!.. — съезжилась девушка.

Он заперся в своем кабинете. Сел за стол. И снова стал читать, не веря своим глазам.

«Наконец-то я решился написать вам после долгого сомнения, но дрожу, как неопытный солдат в первом бою. У меня достаточно на это сил, убеждений, и цель мне ясна, и она благородна, но сердце шепчет мне, что добиться цели будет трудно, ведь надо будет мне убедить вас в том, о чем я пишу. Не потому, что пишу неправду. Нет, боже сохрани меня от этого! В моем рассказе ни капли лжи, я боюсь лишь одного: сумею ли я помочь вам заглянуть в дебри души двуликого человека. Человека лживого и злого, но прикрывающегося мантией добропорядочности. Он бесстыдно шагает по нашей солнечной земле рядом с честными и порядочными людьми... Он гнойная язва нашего общества, в его голове лишь коварные замыслы, и он мастер черных дел, но он столь умело и ловко исполняет роль честного и преданного делу человека, что его таланту могут позавидовать великие артисты всех времен. Давно уже он играет эту роль, играет столь талантливо, что никто и никогда еще не усомнился в его честности и порядочности. Как жаль, что судьба не милостива к нему, и он известен только в нашем маленьком городке! Почему слава его не перевалит за Кавказский хребет и не загремит по всему свету? Ха, ха, ха!.. Когдамотришь на него, боже, прости меня, то думаешь порой, что жизнь — это огромный театр, на авансцену которого поднимаются коварные люди и бесстыдно играют образы добра и справедливости, а слепые зрители восторженно аплодируют им... Но тот, кто разгадал их фарисейское нутро, испытывает душевную трагедию. Эта участь не минула и меня...»

Пишет вам человек, который заглянул глубоко в тайники души этого двуликого Януса. Должен признаться, что по натуре я стеснитель и молчалив, никогда в жизни не писал не только жалоб, но даже простых открыток. Но в этом случае молчание до добра не доведет, «лучше сказать, чем промолчать». Давно уже одолевает меня желание рассказать обо всем, но мне приходится молчать, как рыбе, у которой рот полон воды.

Но доколе терпеть, доколе?! Если бы это касалось только меня, я бы, конечно, и слова не произнес, но мне не дают покоя безграничная любовь к отечеству, к своему народу, коммунистическая совесть и мое человеческое достоинство. Я должен хотя бы коротко, но рассказать вам о том, о чем можно было бы рассказывать бесконечно. Знаю, сделать это будет нелегко, очень

трудно сорвать маску порядочности с лица этого бесчестного человека, с этого антиобщественного и антикоммунистического элемента. И все-таки я рискую, поскольку считаю, что лучше смотреть правде в глаза.

Надо, надо мне приподнять завесу над тем, что покрыто тайной, о чем я знаю лишь я да еще два-три человека в городе. Я говорю о нашем «высоко-чтимом» начальнике.

Понтересуйтесь поначалу его происхождением — все, от прадеда до внуков, — антиобщественные и антисоветские элементы. Я не буду писать вам о его далеких предках, ибо у меня нет для этого соответствующих данных (я слишком строгий цензор самого себя и, если чего-то не знаю досконально, предпочитаю молчать), но я слышал, что и его прапрадед был весьма неблагоприятной личностью, а о прадеде его знали все в округе, он был известен как отъявленный негодяй. Он, оказывается, совратил некую крестьянскую дочь, а потом выбросил ее прочь, как поношенную обувь. Дед его выдавал себя за революционера и даже вступил для отвода глаз в Красную Армию, на самом же деле он действовал против революционеров. Если помните, в результате предательства, был разгромлен нелегальный оружейный склад в Текнеле и погибло множество красноармейцев. Так что вы думаете? Сейчас досконально известно, что именно его дед выдал красноармейцев. И чтоб скрыть свой предательский поступок, он попросил арестовать и его. Отец его, все знают, был ярым меньшевиком. В ту проклятую пору он считался одним из признанных лидеров районной власти, он не одумался и позже, был членом банды Михаила Лашкарашвили и принимал участие в кровавых выступлениях двадцать четвертого года.

Большинство его родственников — антисоветские элементы. Возможно, многие и не знают, что его старший брат тоже был обвинен в антисоветизме, а племянник его первой жены в тридцатые годы бежал за границу и сейчас живет в Западной Германии. Да разве всех перечислишь!..

Мой высокоуважаемый начальник носит в кармане партийный билет и даже хвастает, что восемнадцать лет вступил в ряды партии, на деле же он с самого начала действовал против линии большевиков. Он возглавлял комсомольскую ячейку и делал все возможное, чтоб помешать делу революции. В окрестностях наших сел было разрушено множество памятников старины — это дело его рук. Он не задумываясь уничтожал фрески в церкви. Выдавая себя за инициатора организации колхозов, он насильно сгонял крестьян в артели, это вызывало недовольство среди населения и поднимало их на бунт против Советской власти. Все-таки удалось разгадать его подлую натуру, и если бы не какой-то тайный могучий покровитель, не сдобровать было...

И в Отечественную войну он отличился. На фронт ушел поздно, воевал с полгода и даже якобы получил ордена!!! И когда было особенно трудно, именно тогда он изменил — сдался в плен. О, чудеса! А его считают героем-партизаном. Будто бы он воевал с фашистами на французской земле. Что только ему не приписали: и побег из плена, и организацию связи с французскими патриотами, якобы вместе с французскими патриотами он уничтожал фашистские танки, эшелоны, взял в плен генерала Петена.

А теперь с высоты своей должности он творит свои черные дела.

Он никогда не улыбается, всегда ходит угрюмый, точно его кто-то обидел. А ведь такие мрачные и хмурые люди никак не вяжутся с нашей действительностью. Он смотрит на все сквозь черные очки, от него не дождешься ласкового слова, он вечно ворчит и язвит. Это в наше-то время, когда жизнь создана для радости и веселья. У нас ведь человек человеку — брат. Он же действует на людей, как отравя, особенно на своих подчиненных: ругает, кричит, зарплату, выделенную государством, он выдает так, словно люди работают в его частной лавке. Его сотрудники целый день сидят не разгибая спины и мечтают о том, чтоб скорее закончился рабочий день, чтоб избавиться от своего нечеловечного и мрачного начальника. Вот почему у него в организации такая текучесть кадров, люди, едва раскусят его, пытаются поскорее от него избавиться.

Он выдает себя за порядочного человека, на самом деле нет в нашем городе человека более хитрого и бесчестного.

О, странная жизнь! Как хочется мне высказать тебе свое сожаление! Почему ты терпишь таких людей, невежественных и черствых, не способных радоваться красоте? Почему ты наделяешь их силой, способной помешать твоим добрым делам!... Почему ты одаряешь таких людей талантом творить свои темные дела под личиной честности и добропорядочности?..

Его можно назвать волком, надевшим на себя овечью шкуру. Все двадцать четыре часа в сутки он думает о выгоде для себя. Свои черные дела он делает чужими руками. Чаще всего он посылает на объекты своих подчиненных и прямо приказывает им: достаньте мне такие-то и такие документы. А что могут поделывать подчиненные, они и пляшут под дудку своего начальника, зная, что он

легко может с ними расправиться. Да, он приказывает им составить документы, компрометирующие облюбованный им объект, потом он уже знает, как извлечь пользу для себя и для руководителя ревизуемого объекта.

Примеры?! Хм! Сколь угодно, но я не хочу утомлять вас...»

— Позовите Нико! — приказал как-то Хвтисо.

Инспектор вмиг оказывается перед начальником.

— Ты ходишь в кино?

Нико вопрос этот показался странным, и он удивленно ответил:

— Конечно!..

— И ты знаешь, что там творится?

— А что? — пожимает плечами инспектор.

— Безобразия там творятся, вот что...

— Какой кинотеатр вы имеете в виду?

— «Ударник». Ты знаешь, что говорят о его директоре? Что он самый настоящий грабитель...

— В самом деле?

— Вот это ты и должен проверить.

Инспектор с сомнением покачал головой.

— Подбери себе в помощники двух надежных ребят, сходите вечером в кинотеатр, проверьте число зрителей и количество проданных билетов.

— Очень уж хлопотное дело, — хмурится Нико — Может быть, вы поручите его другому?..

— Мне лучше знать, кому поручать!..

Инспектор в глубине души даже обрадовался этому поручению. Директора «Ударника», коротышку Мито он давно недолюбливал, а как-то даже пригрозил ему: ты еще приползешь ко мне на коленях молить о пощаде. И вот настал час возмездия!

Инспектор попросил помочь ему бывшего директора «Ударника» лысого Павле, который давно ждал случая отомстить своему сопернику. Он тоже был рад возможности поймать в мышеловку своего врага.

Мито и не подозревал о грозе, которая собралась разразиться над его головой. Он сидел в своем кабинете и, стуча костяшками счетов, подсчитывал дневную выручку. Целый день крутили итальянский фильм, собравший огромное число зрителей. Когда к нему неожиданно вошел Нико с товарищами, он не испугался. Что ж, дескать, проверяйте, я знаю, что у меня все в ажуре, чего мне бояться?

Сначала подсчитали количество проданных билетов, потом число зрителей. Все в порядке.

Коротышка Мито усмехается:

— Ха-ха-ха! Ну и рыболовы! Может быть, закинете удочку поглубже и вытянете того, кто возвел на меня напраслину.

— Нечего радоваться прежде времени, — говорит ему инспектор Нико. — Покажи-ка нам билеты.

— Пожалуйста! Сию минуту.

Они проверили билеты и...

Билеты оказались фальшивыми.

— Ну что, попался?

— В самом деле! Хи-хи-хи, — ехидно смеется Мито.

— Ну-ка распишись здесь.

— Сию минуту, дорогие мои, — говорит Мито беззаботно и берет со стола акт. — И вяжите меня крепче, чтоб я от вас не сбежал, — смеется он.

— Поместят тебя в «одиночку», посмотрим, как ты запоешь.

— Не буду я коротышка-Мито, если вы сами, своей рукой не уничтожите этот акт, — продолжает спокойно директор.

Ревизоры на следующий же день принесли акт начальнику финотдела, присовокупив к нему и фальшивые билеты.

Хвтисо внимательно изучил материал, покачал головой и сказал:

— Да, я чувствовал, что там не все ладно...

— Вы безошибочно чувствуете, где надо искать нарушения, Хвтисо Герасимович.

— Эх, как бы я был счастлив, если бы ошибался...

— Смотрите, как он осмелел в своих махинациях!

— Если бы он совершал такое впервые, его еще можно было бы пожалеть, но я уже дважды предупреждал его! Завтра же его уволят с работы, а потом...

Но... прошло уже три месяца, а коротышка-Мито процветает в своем кинотеатре.

— Что же случилось?

— Неожиданное...

— А что именно?

— А то, что на второй же день после случившегося позвонили нашему начальнику, чтоб он оставил в покое директора «Ударника», не губить же, мол, человека за ничтожную провинность. Он хороший работник, передовик, выполняет планы, премии за премиями получает, его даже к награде представили.

— И что же ответил «король угрюмых»?

— Что он мог ответить! Почернел весь, но отказать не мог, такой ему человек позвонил.. Тяжело вздохнул и сказал: «Под опекой таких людей не мудро процветать мошенникам...». И замолчал...

— А что же с актами и фальшивыми билетами?

— Спрятал в сейф.

— Неужто?! Не похоже на нашего начальника... Вот не ожидал от него такого...

— Да, и я не ожидал, но этот мир полон неожиданностей...

— Хм! Откуда нам знать, что творится в душе нашего уважаемого начальника! — сказал кто-то.

— Выдумки все...

— Кто знает... кто знает...

В жалобе этот случай описан весьма красочно, автор не боялся приукрасить события, подошел к вопросу творчески, столь мастерски все переплел, что трудно было отличить правду от небылицы.

«Видите, что натворил наш «высокоуважаемый» начальник? Проверка эта и в плане не значилась, и с вышестоящими органами он ее не согласовывал. Учужал выгодное дельце и поручил выполнение его своему подчиненному, который плясал под его дудку. Составили такой акт, что не сдобровать тому директору, который, признаться, и в самом деле не отличается честностью. Но те обличительные документы так же бесследно исчезли, как и родились... Лишь два-три человека поняли, что произошло, но их заставили замолчать... Судите сами, для чего понадобилось ему хранить обвинительные документы? Можете прийти к нам и убедиться, что они хранятся у него в сейфе. Хм, вы и не подозреваете, какое решение созревает в его черной душе. Пройдет время, ему понадобятся деньги, он призовет к себе директора того кинотеатра, напомнит о документах и скажет: «Что ты предпочитаешь, тюрьму или...». Вы понимаете, что я имею в виду, когда ставлю три точки. Директор кинотеатра, разумеется, предпочтет расплатиться деньгами.

Вы думаете, он поступает так только с директором кинотеатра? Все так называемые «деловые парни» города разделяют судьбу коротышки-Мито.

Да, чуть было не забыл: наш уважаемый начальник, чтобы отвести от себя моральную или юридическую ответственность, распространил слух, что директора кинотеатра должны были привлечь к ответу, но один из товарищей «сверху» взял директора под свою защиту.

До чего же надо обнаглеть, чтоб приписывать свои грязные дела руководителям товарищам и бесстыдно позорить их честное имя.

Я был свидетелем его еще более безобразного поступка.

Обидно, что руководство города и не подозревает о его делах. Наоборот, его считают честным и порядочным, и, выскажись о нем кто-либо нечестно, слова этого человека будут восприняты как святотатство.

О, зло, ты бродишь по свету в шапке-невидимке!..

Если бы такие случаи, как уже рассказанный мною, были единичны, и, клянусь честью, не издал бы ни звука, но все двенадцать месяцев в году он вершит свои черные дела, как же я могу молчать!

Беда в том, что наш высокоуважаемый начальник наделен и другими «хорошими» качествами. Если судить по его внешности и беседам, которые он ведет, то можно решить, что человек этот рожден быть духовным пастором, что все женщины для него — святые Марии. И впрямь, он предельно вежлив со всеми представительницами слабого пола, не будет таращить глаза даже на самую писаную красавицу.

Но попытайтесь заглянуть в его сердце. И если вам это удастся, вы увидите, что Эрос свил себе там надежное гнездо. Говорят, в тихом болоте черти водятся... Разве не разнузданностью его нрава объясняется то, что у него были три жены? Причем, всех их он методично довел до могилы.

Он убрал жен, а приданое их осталось ему, вот он теперь и процветает. И рыщет по городу, как голодный волк, в поисках новой жертвы.

Что ему надо среди нас, ему место в одной из капиталистических стран, где он может быть владельцем гарема. Он такой подлец, равного которому и не сыскать. Если он заприметил женщину, та наверняка уже пропала. Особенно любит он девушек...

Одним словом, под маской ангела скрывается аморальный человек, отъявленный мерзавец.

Факты?!

Сколько угодно! Но, во-первых, мне самому не легко писать о них, во-вторых, он так искусно маскируется, что нередко даже трудно разглядеть в его поступке что-либо компрометирующее его. К тому же какая женщина признается в том, что наш уважаемый начальник измывался над ней? Сказать об этом, значит выставить себя на позор. Нет, любая женщина предпочтет промолчать...

Но есть такие, которые дошли уже до предела и, не в силах молчать, могут нам вывести на чистую воду этого Дон-Жуана!..»

Не очень-то рад бывает Хвтисо гостю. И не потому, что по натуре он негостеприимен. Нет. Просто он никогда не знает, как развлечь гостей, чем угостить. Притом он не любит вина, потому что после того, как он выпьет, ему всегда бывает плохо. Правда, при случае он может перепить кого угодно, но, к чему такие эксперименты?! Нередко, когда к нему домой приходили гости, он просил соседа быть тамадой, потому что сам он не пил.

Когда же надо было угощать людей, пришедших к нему по делу, Хвтисо просто терялся. Как ему быть? Не попросишь ведь тут соседа быть тамадой!.. И без угощения их не отпустишь...

Вот и пришлось в тот день Хвтисо после перерыва пригласить гостей в ресторан. Хвтисо был тамадой, легко пилось чудесное янтарное вино, и, когда раскочились, настроение у всех было приподнятое.

Рабочий день уже подходил к концу, но Хвтисо все же решил заглянуть на работу.

Он был в том самом прекрасном расположении духа, когда любишь всех на свете и хочется всех приласкать. Несмотря на внешнюю суровость, он не был сухарем, нет, и ему было ведомо чувство любви к человеку. Но это теплое чувство было запрятано у него так далеко, что стороннему взору не увидеть его, не распознать. Раз и навсегда был прищит ему ярлык сухаря и педанта, и никто уже не видел в нем другого человека.

В тот вечер ему так хотелось обнять всех, сказать всем ласковые слова, что даже глаза его светились теплом.

Сотрудники еще не разошлись.

— Ну как вы тут поживаете? — ласково спросил он, остановившись в дверях.

— Спасибо! — словно восходу солнца обрадовались подчиненные метаморфозе, происшедшей с начальником.

— Что подельывает твой жених, а? — обнял он Маквалу.

Маленькая Маквала съезжилась в комочек, зарделась и пролепетала:

— Да нет у меня никакого жениха...

— Ты не стесняйся меня, доченька, — он ласково поцеловал ее в лоб. — Скоро свадьба?

— Пока у нас на очереди другая! — вмешался в разговор Антон.

— Кто же?

— Наша Назико.

Назико, нисколько не смущаясь, отвечала со смехом:

— Я могу пропустить Маквалу вне очереди!

— О, наша Назико ищет необыкновенного жениха! — Это говорит инспектор Нико.

— Кого именной? — улыбается Хвтисо.

— Он должен быть высок и строен, образован, с ученой степенью, у него должен быть дом в городе и дача, «Волга», деньги и ко всему этому еще и... сердце.

— Есть ли такой человек?

— Конечно. Вот и вчера ночью Назико видела его во сне...

— Да они все шутят, Хвтисо Герасимович. Нашелся бы хороший человек... И хотел бы жениться... Да пусть он будет гол как сокол, разве я откажусь от такого счастья? — говорит Назико смеясь.

Улыбаясь, Хвтисо открыл дверь кабинета и, что-то напевая про себя, сел в свое излюбленное кресло.

Сотрудники удивленно переглянулись.

— А ты говорил, что не может произойти чудо!..

— Сколько лет я знаю его, но в таком настроении он никогда не был.

— Видать, внял господь нашим молитвам.

— Ну, друзья, не думал, что доживу до такого дня. Как говорится, ма-
гарыч за мной, — говорит Антон.
— Антон, а ты взял на вооружение сегодняшнее событие?
— А как же?
— Значит, скоро будет новое представление?
— Обязательно.
— Теперь проси у него что хочешь, он не откажет.
— Ну, кому что надо, становитесь в очереди!..
— Вы шутите, а у меня в самом деле есть одна просьба, — говорит На-
зико.

— Чего же ты ждешь?
И Назико смело вошла в кабинет начальника.
Вошла и остановилась перед столом так пленительно хороша, как может
быть хороша женщина, чувствующая свою красоту.
Хвтисо словно увидел ее впервые. Вот тут и сыграли свою роль удиви-
тельные женские чары. Глаза у него заблестели, сердце учащенно забилося,
взгляд его, блуждая по ее лицу, скользнул ниже, застыл на мгновение на пыш-
ной груди, но он в тот же миг, испугавшись, отвел глаза и отвернулся.

Назико многозначительно улыбнулась, повела своими круглыми плечами,
приблизилась к нему и спросила:
— Ну как, довольны ваши гости?
— Конечно!
— У вас, я вижу, много друзей, и вас все уважают, Хвтисо Герасимович!
— сказала она вкрадчиво и тихо.

— А как же!
— Хорошо еще, что вы можете пить... Ведь далеко не каждый мужчина
может похвастать тем, что умеет пить.

В таком духе долго еще продолжалась их беседа.
Наконец Назико призналась, что пришла просить у начальника путевку
на море. И она рассказала, что уже пыталась приобрести путевку, но все ее
хлопоты были напрасны, потому что все хотят попасть на море именно в ав-
густе. Вся надежда теперь только на Хвтисо, ведь у него есть знакомые в ко-
митете профсоюза... Рассказывая все это, Назико не жалела улыбки, ласково-
го, манящего взгляда. Ох, уж эти женщины! Назико знала, что если Хвтисо
пообещает, то ей уже нечего беспокоиться. Хвтисо хозяин своего слова, раз
обещал, значит сделает.

Хвтисо задумался.
— Прошу вас, помогите мне... — Назико подняла на него умоляющие
глаза.

Хвтисо сидел не шелохнувшись.
— Вы сможете помочь мне? — снова спросила она шепотом.
— Ну разве могу я отказать тебе?
— Так я могу надеяться?
— Конечно...

— Ах, какой вы замечательный человек, Хвтисо Герасимович! Если бы
мне не было неловко, я бы поцеловала вас...
Хвтисо покраснел.

Назико встала, собираясь якобы уходить.
— Куда ты спешишь?
— Я не хочу отнимать у вас так много времени... У вас ведь столько ра-
боты...

— К черту! Остайся, поговорим еще.
И снова полилась беседа. В другое время Хвтисо и не обращал внимания
на то, какая у нее обворожительная улыбка, как пленительны ее округлые пле-
чи, упругое тело. Раньше он старался побыстрее выпроводить ее из кабинета.
Что же теперь с ним случилось? Этот бирюк вдруг посмотрел на Назико
другими глазами и увидел ее глаза цвета майского меда, тонкие, как гибкая
струна, брови, длинные густые ресницы, яркие щеки, на которых появлялась
при смехе обворожительная ямочка, распустившиеся, словно лепестки розы,
алые губы, пышную грудь.

Он посмотрел на нее другими глазами и вдруг увидел, что она прекрасна,
и такой женщины он еще не встречал. «Как она обворожительна, оказывается»,
— подумал он, обаятый неиспытанным им доселе чувством.

— Почему ты выбрала именно море? — спросил Хвтисо, не сводя с нее
пристального взгляда.
— Я люблю море, — она не отвела от него глаза.
— Но ты ведь можешь загореть?.. — чуть слышно выговорил он.
— Ну и пусть, что тут плохого?

Хвтисо не знал, что ответить.

— Кому я нравлюсь, буду нравиться и загорелая, — продолжала Назико. Она потянулась, прислонилась к спинке стула, сомкнула веки и замерла под пристальным взглядом Хвтисо.

Хвтисо совсем растерялся, почему-то схватил со стола ручку и стал что-то нервно писать.

— Красивая ручка!... — открыла глаза Назико.

— Да! — пробормотал Хвтисо.

— Где вы ее купили?

— Подарил друг, он привез ее из Японии.

— Можно посмотреть? — протянула она руку.

Хвтисо тотчас передал ей ручку и то ли случайно, а может быть, и намеренно коснулся ее руки, и его бросило в жар.

Назико едва заметно улыбнулась.

— В самом деле чудесная ручка.

— Нравится?

— Очень.

— Тогда я дарю тебе ее.

— И вам не жалко с ней расставаться? — хитро сощурила она глаза.

— Если это подарок от всей души, я с радостью возьму ручку...

Он встал, медленно, с трудом передвигая ноги, прошелся по кабинету. Посмотрел на часы, ого, сколько прошло времени, рабочий день давно закончился, наверное, все разошлось, потому кругом такая тишина. Он подошел к Назико, которая склонившись над столом, что-то писала.

— Что ты пишешь? — спросил он с дрожью в голосе.

Назико протянула ему бумагу. Он увидел аккуратно выведенные две фамилии — свою и Назико.

— Почему ты написала мою фамилию?

— Не знаю... Просто так...

Хвтисо снова с любопытством оглядел Назико, снова взгляд его скользнул к открытому вороту платья.

Уловив его взгляд, Назико еще более склонилась над столом и рьяно закрипела ручкой. И тут в глубоком вырезе платья Хвтисо совершенно отчетливо увидел пышную, упругую грудь, и им безудержно, буйно овладела нахлынувшая на него страсть. Он не помнит, чтоб когда-либо в нем с такой силой взыграла кровь.

Назико посмотрела на него и улыбнулась, странно и, как ему показалось, маняще. Он осторожно коснулся своей волосатой рукой белоснежной руки женщины.

Назико мягко отвела его дрожащую руку.

Почувствовав, что она не сердится, он осмелел, рука его осторожно, нежно коснулась ее шеи, но она снова отвела зардевшееся лицо и снова со странной улыбкой посмотрела на него.

Тут он не удержался, обеими руками обнял ее, привлек к себе и прильнул к ее губам.

Назико вначале не сопротивлялась и не пыталась вырваться из его цепких объятий, но вдруг она ловко выскользнула и вскрикнула.

Крик ее долетел до соседней комнаты, где сидел Антон, тот вскочил, вбежал в кабинет начальника и остолбенел, увидев растрепанную Назико и рядом с ней совершенно растерянного Хвтисо.

— Прошу прощения, — с усмешкой произнес Антон и вышел из комнаты.

Назико подняла голову, украдкой взглянула на Хвтисо, который стоял у окна спиной к ней, и тяжело вздохнула.

— Хвтисо Герасимович! — вкрадчиво окликнула она его.

Хвтисо хмуро оглянулся.

— Простите, это у меня получилось непроизвольно.

Он взглядом указал ей на дверь.

Назико поднялась, приблизилась к нему.

— Убирайся вон! — закричал вдруг Хвтисо.

— Вы в самом деле сердитесь на меня? — надула она губки.

— Ты не женщина, а ведьма!

Хвтисо отвернулся.

— Грубиян! — бросила Назико, всхлипнула и вышла из кабинета.

Хвтисо тяжело опустил в кресло.

Никогда с ним такое не случалось, что же теперь стряслось, как он мог, какая дьявольская рука двигала его поступками?! Будь проклят тот день, ког-

да родилась женщина на погибель мужчины! Хвтисо каялся, ох, как каялся, но было уже поздно.

Жалобщик скрупулезно описал и этот случай в жизни начальника дела. Только, естественно, он приукрасил его по-своему, представил женщину безвинным агнцем, а Хвтисо злым, способным на все. Будто заманил он ее в кабинет, наобещал с три короба, подступал к ней исподволь и осторожно и, улучив момент, надругался над наивной женщиной.

«Этот мой рассказ — лишь слабая тень ужасающей действительности. Та женщина не вынесла позора, покушалась на самоубийство. Но ее спасли, долго лечили, теперь она, к счастью, вернулась в наш коллектив.

Вот до чего доводит честных людей наш «добропорядочный» начальник.

Подобных фактов можно привести множество, но я не буду утомлять вас, думаю, что и этого достаточно, чтоб сорвать маску «порядочности» и «честности» с нашего начальника. Знаю, я взваливаю на себя нелегкую ношу, но мне не дают покоя моя совесть и мои гражданские обязанности. Знаю, тому, кто будет разбираться в этом деле, трудно будет собрать обличительные документы. В городе у него много покровителей, и в министерстве у него есть друзья, все постараются покрыть его, потому что каждого он успел подкупить. Но я знаю и то, что правда восторжествует, тогда все встанет на свои места. Ведь правда — основа нашего общества, и мы призваны ей служить».

Такими словами заканчивалась жалоба.

Все четыре экземпляра были отпечатаны на белой, хрустящей бумаге.

На подлиннике был указан адрес Центрального Комитета, на копиях — Министерства внутренних дел, Республиканского народного контроля и Министерства финансов.

Фамилия жалобщика нигде не указывалась.

Труд, лелеемый автором, как ребенок, находился пока в ящике его стола.

II

Хвтисо несколько раз перечитал жалобу, читал вдумчиво и терпеливо.

Не надо было быть особенно прозорливым, чтоб угадать, кто ее автор.

Долго, долго еще он сидел, уставившись в бумаги, думы одолевали его, тяжелые думы.

«...Как я уважал его!.. А он, оказывается, вот что задумал... Мог ли я предполагать, что у него такие белые зубы и такая черная душа... Да, черная душа... Так мне и надо! Пять месяцев ходил он безработный... Я сам пригласил его... Пожалел... Дети ведь у него... Думал, будет работать со мной бок о бок надежный, порядочный человек... Разве я не был добр к нему?.. И вот что получаю в ответ... Эх, верно сказано, что добром за добро не платят...»

III

Наконец врачи позволили Антону выйти на работу.

Он шел на работу пешком, радуясь свежести утра, солнцу, деревьям, людям, идущим навстречу. В городе Антона знали многие, и потому ему то и дело приходилось останавливаться, выслушивать поздравления и слова бесконечной любви.

К двенадцати часам он наконец дошел до работы.

И здесь его встретили, разумеется, с распростертыми объятиями и поцелуями.

— Поздравляем! Поздравляем! — слышалось отовсюду.

— Спасибо, друзья! Спасибо!

— Вернулся-таки с того света?

— Как видите, не приняли, — шутит он.

— Что ты там потерял, разве с нами не лучше?

— Я так и решил.

— Вот и отлично.

— Пойду повидаю нашего дорогого начальника! — и он сделал шаг в сторону кабинета.

— Нет его. Он у главного.

— Что ты говоришь? — нахмурился Антон точно так, как хмурится обычно Хвтисо.

— Давай, Антон, давай, давно мы не смеялись.

— Нет, друзья, баста!

— Можно же по-дружески?..
— Нет, ни по-дружески, ни по-братски не буду...
— ?!
— Это не человек, друзья мои, это бог! Вы не знаете, какое доброе сердце бьется в груди «короля угрюмых»...
— Ты не шутишь?
— Да что вы. Это, повторяю я вам, не человек, у него душа бога. В эту минуту в дверях появился угрюмый Хвтисо. При виде Антона легкая, едва уловимая улыбка скользнула по его губам. Он протянул Антону руку и, не поднимая глаз, проронил:
— Я рад, что ты выздоровел...
— Большое спасибо, Хвтисо Герасимович! — склонился Антон в поклоне.
— Как поживают ваши? — он снова не смотрит ему в глаза.
— Хорошо, спасибо. Не могут намолиться на вас.
— Нашли на кого молиться! — сказал он сердито и направился к кабинету.

Вскоре к нему вошел Антон и, не дожидаясь приглашения, сел перед столом.

— Что у нас нового, Хвтисо Герасимович?
— Ничего, — процедил он сквозь зубы.
— Да, вы послали проект бюджета?
Хвтисо тяжело кивнул головой.
— Долго пришлось искать? — глаза у Антона испуганно забегали. Начальник снова молча покачал головой. Потом поднял голову, выпятил по обыкновению нижнюю губу и хмуро уставился на заместителя.

Антон отвел взгляд.

Хвтисо тяжело вздохнул и опустил глаза.

Антон исподтишка наблюдал за лицом своего начальника, ничего доброго от него не ожидая. Хвтисо сидел мрачнее грозовой тучи. Сомнения закралась в душу Антона. «Видел, конечно, видел!..» — мелькнула неприятная мысль.

— Прошу прощения, я сейчас же вернусь, — встал он бледный.

— Что случилось, тебе плохо?

Антон уловил на его лице слабую насмешливую улыбку, все понял и сердце у него упало.

— Нет, я просто... — едва выдавил он из себя.

Шатаясь, вышел он из кабинета начальника, бросился к своему столу и стал шарить в ящиках.

— Что случилось? Что он сказал, на тебе лица нет... — нахмурились сослуживцы.

— Да нет, ничего... — отвечал Антон растерянно.

IV

Хвтисо позвонили из министерства, недовольные тем, что он до сих пор не представил проект бюджета на будущий год. И добавили, что на него это не похоже.

Проект находился у Антона, но он пока чувствовал себя неважно и на работу не мог выйти.

Хвтисо послал к нему водителя с просьбой прислать ключи от письменного стола.

Найти проект в ворохе бумаг было нелегким делом. Вот тут-то случайно и наткнулся Хвтисо на заявление своего заместителя, припрятанное им глубоко в ящике. Думая, что это деловые бумаги, Хвтисо пробежал их глазами. Остальное нам уже известно. Он еще более помрачнел и замкнулся. Он никак не хотел в это верить, ему казалось, что кто-то безжалостно, кощунственно надругался над самыми святыми и светлыми человеческими чувствами!..

Когда он вышел из комнаты Антона, сотрудники удивленно переглянулись: уж на что они привыкли к угрюмости своего начальника, но столь мрачным они его никогда не видели.

V

Антон скоро нашел свое произведение, но, как ему показалось, оно лежало не на прежнем месте.

«Конечно, видел!» — содрогнулся он от одной только этой мысли.

Колени у него подгибались, когда он снова приоткрыл дверь в кабинет начальника.

— Вы внесли какие-либо изменения в проект? — спросил он с дрожью в голосе.

Хвтисо кивнул головой.

— Хвтисо Герасимович...

Хвтисо с трудом поднял голову.

— Проект вы нашли у меня в столе, не так ли?

— Да...

— Вы ничего другого там не обнаружили?

— Что, пропало что-нибудь?! — сощурился Хвтисо.

— Нет. Там у меня лежал один паршивый документ...

— Документ?..

— Да. Жалоба...

— Жалоба?..

— На вас...

— На меня? Хм! — ухмыльнулся Хвтисо.

— Да. Я нашел ее у одного человека...

— И что же?! — в глазах Хвтисо снова промелькнула насмешливая улыбка.

Антон заметил это, весь взмок и с трудом выдавил из себя:

— Ничего, мне было интересно, не видели ли вы эту жалобу! — широко раскрытыми глазами уставился он на начальника.

— Нет! — сердито бросил Хвтисо и опустил голову.

— В самом деле? — затеплилась в нем искорка надежды.

— Мне что, покаяться матерью? — теперь уже с явной насмешкой спросил Хвтисо.

Антон бконец растерялся.

— А вы, оказывается, любите пошутить! — проговорил он наконец.

— Вы кого-угодно научите шутить, — сказал Хвтисо и снова пристально посмотрел на Антона.

Антон опять отвел взгляд и побледнел.

Хвтисо стало жалко своего заместителя, и он решил перевести разговор на другую тему.

— А здорово сыграл вчера Рехвиашвили, верно?

— Шутка ли, три мяча забить... — Антон с надеждой поднял на начальника глаза.

— Особенно красив был гол, забитый головой.

— В самом деле...

— Но и вратарь был хорош.

— Да, помните, какой он мяч взял, тот, что послал в ворота Гершкович.

— У наших с торпедовцами свои счеты.

— Если им дать волю, они расправятся со всеми командами, но...

— Но главное, каждый там действует в одиночку, нет чтобы поддержать других, служить одной цели.

— Верно заметили, Хвтисо Герасимович, каждый действует в одиночку, и в их сердцах нашло благодатную почву зерно зависти...

— Оно-то и губило и продолжает губить нас...

Антон с облегчением вздохнул; может быть, Хвтисо и в самом деле не видел жалобы? И чтоб окончательно убедиться в этом, снова вернулся к прерванной теме.

— А я вот все не перестаю думать о том, кто же посмел написать на вас жалобу.

— Хм?..

— Хорошо еще, что она попала ко мне в руки.

— Не говори!

— Я наткнулся на нее неожиданно у одного весьма почтенного человека...

Трудно было поверить в его неискреннее отношение к вам. Бедняга, как он божился, что это не его рук дело... Мол, ему принесли и предложили подписать... Наверное, автор жалобы хотел собрать коллективную подпись... Тот почтенный человек, конечно, отказался...

— Кто же был все-таки автором письма?

— Не говорит.

— А у кого ты обнаружил эту жалобу?

— Тот человек умолял меня не говорить вам... Вдруг вы подумаете, что это он сам написал. Я обещал ему молчать и не могу не сдержать слова...

Хвтисо, сощурившись, смотрел на Антона.

Антону неприятен был этот взгляд, и он поторопился сказать:

— Ну как не отсохла рука у того, кто это написал?!

— Не проклинай, кто бы он ни был, его все равно жалко. С него хватит своего несчастья... — спокойно ответил Хвтисо.

— Скажите, мог честный человек написать о вас такое? — распалился Антон.

— Эх, сейчас и не поймешь, кто честен, а кто нет, — вздохнул Хвтисо.

— Я переживаю не меньше вас. Ведь я, как в зеркало, заглянул в ваше сердце, знаю, какой вы порядочный и честный человек, я всюду говорю об этом, когда вас нет рядом, разумеется, и мне обидно, что кто-то пытается запятнать ваше доброе имя! Клянусь своими детьми, как только я прочел ту, будь она неладна, писанину, чуть было не потерял сознание от возмущения.

— Не надо клясться детьми! — мрачно произнес Хвтисо.

Антон насторожили эти слова, но он, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Не только детьми, я могу всем поклясться... Можете мне не верить, но именно эта бумага явилась причиной моей болезни... У меня ведь очень чувствительное сердце... Не выдержало оно такой нагрузки... Вот и свалился я.

Хвтисо поднял свои тяжелые веки, снова пристально посмотрел в его светлые глаза, и снова едва уловимая усмешка тронула его губы.

Антон содрогнулся от его взгляда. Каждое мгновение длилось для него как вечность. Он весь сжался и уже боялся поднять глаза, чтоб не встретиться с насмешливым взглядом начальника. Наконец с трудом поднял глаза, посмотрел на Хвтисо... Лучше бы ему не смотреть!.. Лучше смерть, чем это состояние неизвестности и пытки. Но он опять собрался с силами и сказал уже решительнее:

— Да! Сколько злых людей на этом свете!

— Сколько угодно! — подтвердил Хвтисо.

— Я должен показать вам это письмо, Хвтисо Герасимович, полюбопытствуйте, на что способно коварство человеческое.

— Как хочешь...

— По-моему, этот мерзавец находится среди нас, иначе он не мог бы так расписаться...

— Ты близок к истине! — снова сощурился Хвтисо и слегка улыбнулся.

— Чего бы мне ни стоило, я найду этого Иуду, пригвожу его к позорному столбу, чтоб все плевали ему в лицо.

Хвтисо уже не мог сдерживаться. Его вдруг прорвало. Он засмеялся, громко, от всей души. Понял Антон, почему смеется Хвтисо, понял... и еще раз испытал близость смерти... Смерти моральной...

«Видел... Конечно же, видел... Тыфу ты, какой позор!.. Какого черта я шпал это? Хотел жить широко... Потому и позарился на это, как мне кажется, доходное место... Так мне и надо, не снести теперь мне позора... О, мозг мой, хоть бы я мог извлечь тебя из головы и выбросить в бездонное море! Хорошо еще, что я не успел послать эти бумаги... К счастью, заболел, иначе все бы узнали и тогда... Горе мне, как бы я жил тогда?.. Но еще рано мне успокаиваться. Он ведь может рассказать... И ему поверят... Хотя, мог ведь он оставить у себя эти злополучные листы и дать прочесть другим... Нет, Хвтисо благородный, честный человек. К тому же добрый. Он не сделает этого... Но... Кто знает?» — мрачные мысли беспокойно ворошились в голове Антона, теребили его, не давали покоя.

А Хвтисо продолжал смеяться. Никто не помнит, смеялся ли когда-либо так начальник финотдела. И в соседних комнатах слышали его смех.

— Ну, молодец Антон, расшевелил даже «короля угрюмых»!..

— Раз уж смеется наш «король угрюмых» — ждать всем большой радости!..

Перевод Викторин ЗИНИНОЙ

ПУСТЬ ОБОЛОКО ОСТАНУТСЯ С ТОБОЙ

● Роман

Осень кончилась — похолодало. Сады и парки выглядели неуютно. Дни все чаще стояли пасмурные, хмурые. И природа, и люди меняли облик: люди надевали теплые пальто, природа, наоборот, раздевала деревья и кусты. Зато все чаще облака и туманы окутывали вершины Мтацминды, Шавнабады и дальних гор. По утрам морозец узорами разрисовывал оконные стекла, затягивал лужицы на тротуарах. Зима постепенно входила в город.

В общежитии часто бывали перебои с отоплением. Больше всего страдал от этого Шалук. Как обычно, вечерами он читал подолгу. Неподвижно сидя в холодной комнате, он замерзал.

— Черт подери, что за холодина! — начинал он ворчать, основательно замерзнув. Он бросал книгу, вставал и, растирая руки, энергично расхаживал по комнате из угла в угол.

— А ты утеплись, пальто возьми, что ли, — советовали ребята.

— Если я в комнате в пальто буду сидеть, на улице меня и шуба не согреет.

— Здесь ты сидишь без движения, как изваяние, конечно, замерзнешь!

В один из промозглых дней Шалук совсем приуныл: банка с сыром опустела, мать Шалука давно уж не появлялась, и он, видимо, сильно нервничал. Надо сказать, что сыр, который привозила из деревни мать, был для него не только основным продуктом питания — банка с сыром символизировала все родное, заветное, его деревню, дом, детство и, наконец, благополучие и здоровье его матери. Он грустно поглядывал на пустую банку и беспокойно думал — почему же она не едет? В чем дело? И писем не пишет...

Ребята замечали, что Шалук сам не свой. На лекциях он сидел с отсутствующим видом, устремив куда-то сосредоточенный взгляд.

— Ничего в голову не идет! Почему-то ничего не идет в голову! — жаловался он товарищам.

В один прекрасный день он решительно заявил:

— Не могу больше, я должен поехать домой!

— Ну и хорошо сделаешь, — сказал Иракий. — Поезжай, посмотри, что и как там, мать-то одна ведь...

— Вот только лекции...

— Езжай, чего там! Была бы у меня мать... — вмешался Роин.

У Роина были мачеха, с которой он не ладил, и отец, но и с отцом у него были довольно прохладные отношения. Копейки он сыну не посылал и вообще не интересовался его жизнью. Роин никогда не жаловался на отца, и о мачехе дурно не говорил; да и вообще впервые у него вырвались такие слова. Роин был малоразговорчивый парень, все больше молчал и думал о чем-то своем.

Окончание. Начало в №№ 9, 10.

Поначалу, бывало, силой втягивали его в споры, но слово его оказывалось всякий раз решающим, и постепенно ребята стали настолько считаться с его мнением, что, если возникал какой-нибудь спорный вопрос, звали Рои́на — как он скажет. Он завоевал уважение и авторитет среди товарищей своей сдержанностью, спокойствием, рассудительностью. Вот только никто не мог понять, куда и зачем Ройн уходит каждый день ни свет ни заря, и спросить его об этом никто не решался. Видимо, чувствуя, что ребята сгорают от любопытства, он сам порой объяснял свои ежедневные уходы, но объяснения бывали какие-то неубедительные: то он, якобы, шел к пожилой больной родственнице, которая попросила его сходить на рынок, то должен повидать кого-то из односельчан, приехавшего на один день.

— Поеду! — повторил Шалук. — Лекция завтра... языкознание... — он вздохнул. Такой уж он был человек — пропустить лекцию для него было совершенно невозможно.

Шалук очень ревностно относился к занятиям. Вообще он считал, что, поскольку человек пошел учиться, выбрал себе профессию, то не быть отличником никак нельзя. «Иначе зачем идти в вуз? — говорил он. — Коли пошел, учись на «отлично», вот и весь сказ».

— В повседневной жизни ребятают и другие очень важные дела, иной раз поважнее пятерки, — возразил ему однажды Иве. — Дела, попросту насущные.

— Если учишься, для тебя ничего кроме занятий на первом плане быть не может, — с полной убежденностью ответил ему Шалук.

Иве понял, что это «быть не может» вошло в кровь и плоть Шалука, и его фанатическое отношение к учебе, наверно, никогда и ни за что не изменится. И сейчас Шалук очень уж был обеспокоен долгим отсутствием вестей от матери, раз уж он решился пропустить лекцию, да еще по языкознанию.

— Отец мой всю жизнь спину гнул, работал рук не покладая, но он был темный человек, и его труд не оправдывал себя, отец едва-едва тянул семью, а уж после его смерти мы остались как птицы небесные. Отец всегда говорил мне — учись, сын мой, иначе в жизни туго придется, нынче такие времена, неученый человек пропадет, посмотри вот на меня. Он правильно говорил, отец-то, я должен человеком стать, а без знаний — грош мне цена, — сказал как-то раз Шалук.

Эти слова всех заставили задуматься. «Верно говоришь», — сказали ребята.

— Поеду завтра первым поездом, — сказал Шалук.

Однажды Шалук, Иве и другие с их курса разговорились со старшекурсниками на тему экзаменов, оценок, прилежания в занятиях и т. п.

— Погоди зарекайся, — сказали Шалуку, когда он развивал мысль о том, что учиться надо только на пятерки. — Вот дойдешь до пятого курса, посмотрим мы на тебя, какие пятерки у тебя будут.

— Если не заниматься, не работать, конечно, не будут, — возразил Шалук.

— Да? А вот насмотришься на всякие несправедливости, на то, как кому-нибудь неучу пятерку ставят за то, что у него влиятельный папочка, нужный кому-то из лекторов, или тетушка, или дядюшка, а ты со всеми твоими знаниями за бортом остаешься, махнешь рукой на все.

— Ну, такого не может быть, — в один голос запротестовали ребята.

— Всякое бывает, всякое, так что, поживем — увидим, как говорится, — подвел черту один из старшекурсников. — Одно бесспорно: свои принципы отстаивать нужно.

Иве никак не мог поверить в истинность тех слов, но насчет принципов он был согласен. «Вот Шалук, — подумал он, — ведь фанатик, как есть фанатик! Он так яростно вгрызается в науку, что, конечно, не допустит, чтобы ему незаслуженно снизили отметку, да и, кроме отметки, главное-то — это что в голове у него все его знания, их никто не отнимет. И он уверен в себе, не просто самоуверен, а почва под этой уверенностью есть».

В тот день, когда Шалук должен был ехать к матери, Иве спал допоздна, потому что утро у него было свободное, и он решил отоспаться. Остальные ушли рано. Проснувшись и еще лежа в постели, он услышал какой-то стон. Он прислушался. Стон повторился. Значит, не мерещится. Он приподнялся, огляделся. Комната была пуста, все кровати заправлены, только на кровати Шалука лежал кто-то, с головой укрытый одеялом. Иве удивился — Шалук по всему должен был находиться сейчас в пути, по дороге в деревню. Кто же там лежит?

— Шалук, это ты? — на всякий случай позвал Иве.

Никакого ответа, только опять стон.

Иве вскочил, подбежал к кровати, откинул с лица лежавшего одеяло. Ну да, Шалук!

— Слушай, что с тобой, Шалук?!

— Мне что-то нехорошо, все тело ломит, болит, ни за что подняться не могу, — слабым голосом проговорил Шалук, открывая воспаленные глаза. Он весь дрожал, хотя и в комнате было тепло, и одеяло на нем было достаточно теплое.

— Да, что же с тобой стряслось? — снова спросил Иве и подумал: «Господи, бледный-то какой, прямо мертвец!».

— Простыл я, видно, и-простыл, — стуча в озабоченности зубами, проговорил Шалук.

— Я сейчас вызову «скорую»!

— Не надо! Не надо, пройдет... — слабо запротестовал Шалук.

— Да ну, еще рассуждать будешь! Посмотри, какой ты бледный и дрожишь весь! Сейчас я побегу вызову... — Иве второпях натянул на себя одежду и помчался к телефону.

...Машина «скорой помощи» прибыла действительно скоро.

— Почему-то дышать не могу, — пожаловался Шалук врачу. — Что за черт, и как раз в-в день отъезда!

Врач внимательно прослушал грудную клетку.

— А вечером я смогу уехать, доктор? — спросил Шалук.

— Вас надо срочно в больницу класть, мой друг, — сказал доктор. — У вас воспаление легких. На каком вы курсе?

— На втором. Но почему в больницу? Я должен ехать в деревню, мне обязательно нужно сегодня...

— Вам нужно в стационар, вот куда.

Иве поехал с Шалуком на «скорой помощи» в больницу. По дороге Шалук начал кашлять. Кашлял долго, глухо, надрывно. Ему было очень плохо. Плохо было и всю ночь, жар усилился, дышал он с огромным трудом, бредил.

Матери Шалука решили не сообщать о болезни сына. Тем более что сама она все не появлялась. Может, и она нездорова?

Месяц спустя Шалук поправился и выписался. Ребята все это время очень заботливо ухаживали за ним, да и в больнице к нему все были предельно внимательны. Он сразу же хотел ехать, ужасно волнуясь, почему от матери до сих пор нет никаких вестей. Послал телеграмму, а сам должен был поехать через два дня.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— А Шалука нет дома?

— Нет, он в библиотеке.

— Мне надо срочно его видеть, — озабоченно проговорил вошедший. — Дело в том... понимаете, у Шалука умерла бабушка.

— Бабушка? А мы и не знали, что у него есть бабушка. Он все о матери беспокоился. Но она-то здорова?

— Видите ли, матери у Шалука давным-давно нет, бабушка его вырастила, ее он и зовет матерью, словом, она и была для него настоящая мать. Она болела, но мы не сообщали, думали — обойдется, не хотела она, чтоб мы его тревожили...

— Вот как... мы не знали... ничего этого не знали... — говорил Иве растерянно и чуть даже виновато.

— Так он скоро придет? Может, за ним сбежать?

— По-моему, он должен вот-вот подойти, — глянув на часы сказал Иве. — Вы присаживайтесь, подождите.

Пришедший растегнул пальто, из-под которого был виден красивый свитер. Одет он был не так чтобы очень уж модно, но все на нем было хорошее и со вкусом подобранное. Но по здоровому цвету лица и еще по каким-то непонятным, но верным признакам в нем тотчас можно было признать человека, приехавшего из сельской местности.

Шалук пришел вскорости. Он был бледен, много бледнее обычного и очень худ. Болезнь оставила на нем свои следы, а тут еще сессия, к которой он усиленно готовился, и беспокойство о матери совсем доканывали его.

Увидев гостя, он сразу изменился в лице.

— Что случилось, говори скорее! — воскликнул он, даже не здороваясь, и бросился к парню, который поднялся ему навстречу.

Тот вдруг разрыдался.

— Нет больше у тебя бабушки, нету нашей любимой тети Элене!

— Ваймэ! — вскричал Шалук. Книжки, которые он держал под мышкой, выскользнули и рассыпались по полу, и сам он как подкошенный рухнул на кровать.

Парень, спохватившись, что надо было ему как-то иначе сообщить горестную весть и самому сдержаться, начал успокаивать Шалука.

— Я уже чувствовал, я недаром так волновался, — сквозь слезы Шалук. — Бедная мама, без меня, одна...

В это время пришли Роин, Иракий и Серго. Узнав о несчастье, все очень опечалились, стали утешать Шалука, уговаривать взять себя в руки: «Тебе надо еще поехать и отдать последний долг матери», — говорили они.

— Что делать, Шалук, брат мой, ведь у меня давно уже нет матери, а у Иве нет отца, правда, у тебя теперь уж ни отца, ни матери, но ведь что поделаешь, таков закон природы, дети должны пережить родителей, хуже, когда случается наоборот, — увещевал его Роин.

Шалук послушался друзей. Встал, вытер глаза, лицо.

— Иве, сообщи кому надо в деканате, а я прямо на вокзал.

— Не беспокойся, все уладим. Мы проводим тебя. Правда, ребята?

— Ну конечно!

— Не надо, мальчики, зачем — возразил Шалук.

— Давай, давай, пошли скорее, как это «зачем»!

Они все вместе вышли на улицу, сели в троллейбус и молча доехали до вокзала. Им повезло — попутный поезд отходил через полчаса, они купили два билета и сели ожидать. Шалук плакал — беззвучно, молча. Ребята сидели понурившись. Наконец поезд пришел, и Шалук с тем парнем уехали. Ребята долго стояли на перроне. Потом Иве сказал:

— Вы знаете, ведь это была его бабушка.

— Как?!

— Да так. Одна она и была у Шалука. Бабушка его вырастила и была ему вместо матери, словом, матерью она ему была. И он очень ее любил.

Всем было тяжело. Оторванные от родного очага, эти ребята здесь, в чужом городе, в студенческом общежитии особенно полно ощутили, что такое материнская забота, материнское тепло, которые иной раз, в других условиях, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

Они вышли в город, направились к троллейбусной остановке. Морозило. Дул холодный ветер. На фасаде противоположного дома мигала неоновая реклама: «Пейте пиво! Пиво — приятный и полезный напиток!». Иракий прочел ее вслух и заметил:

— В холодный вечер чай все-таки лучше.

Ребята улыбнулись.

— Эх, — вздохнул Иракий, — бедный наш Шалук! И надо же, чтобы все сразу на него навалилось!

Наконец пришел троллейбус. Кроме водителя и кондуктора, никого в нем не было, и поднялись только четверо — Иве, Роин, Серго и Иракий. Словно троллейбус специально за ними и приехал.

— Какую честь он нам оказал, а? — пошутил Серго.

Никто не подхватил сегодня шутки.

Было раннее морозное утро. Холодом веяло от серых каменных стен, холодно поблескивали стекла витрин. Небо было серое и холодное. Все похоже было на какой-то рисунок, но рисунок, сделанный непризетливым, холодным человеком.

Иве уже довольно долго ехал в троллейбусе. Наконец показался вокзал. Ему надо было сходить.

Он свернул на Советскую улицу и вскоре очутился перед железными воротами с вывеской «Тбилисский лимонадный завод». Иве вошел туда.

— Ага, вы пришли? — встретил его в кабинете невысокый плотный человек. — А я уж думаю — может, раздумали.

— Нет, батона.

— Тогда давайте приступайте сейчас. Сегодня вам придется только два рейса совершить.

Они вышли во двор, полный грузовых машин. Рабочие погружали в них ящики с бутылками лимонада, и машины уезжали одна за другой.

— Вон та машина, — указал человек. — На ней один рабочий, вы и будете ему напарником.

Машина была уже полностью загружена, в кузове на ящиках сидел человек и, видимо, ждал, пока машина тронется.

— А куда она едет?

— В Ваке.

— В Ваке?..

— Да. А что, вы не хотите в тот район? Я мог бы вас отправить по другому маршруту, если бы знал.

— Да нет, мне все равно, я спросил просто так.

Иве забрался в кузов, уселся. Человек тот сидел, вытянув ноги, как деревянные, опираясь на пятки. Фуражку с кокардой он нахлобучил на нос, воротник пальто поднял, словом, лица его почти не было видно.

— Здравствуйте, — приветствовал его Иве.

Человек буркнул что-то в ответ и еще выше поднял воротник. Вскоре машина тронулась. Они выехали на улицу. Попутный ветер сильно дул в спину. Иве кутался в плащ, холод пробирал его не на шутку. Некоторое время ехали молча, наконец тот человек спросил:

— Не найдется ли у вас папиросы?

— Что вы сказали? — обернувшись к нему, сказал Иве.

— Папи...росы... — растерянно выговорил напарник.

Несколько мгновений оба в ошеломлении глядели друг на друга и только глазами моргали.

Тот человек был не кто иной как Роин. Да, Роин Арабули, товарищ Иве, который каждое утро уходил куда-то — то к большой родственнице, то по чьему-то поручению, то еще куда-то.

— Ты здесь откуда? — произнес наконец Иве.

— Да я-то... ты вот откуда?

— Вот здорово, а? — засмеялся Иве.

Роин тоже засмеялся и оба стали хохотать.

— Да еще с кокардой! — сквозь смех проговорил Иве. — Где кокарду-то взял?

— Здесь. Дали мне.

— И как это я сразу тебя не признал!

— И я! Как же ты сюда пришел?

— А я в газете прочел объявление, что требуются рабочие. Вчера вот пришел к директору, ну, он велел мне прийти сегодня. Я и пришел, как видишь. И в друг — ты!...

— Я тоже по газетному объявлению.

— Понимаешь, я приглашен на свадьбу. Знаешь Нану, мою однокурсницу? Так вот, скоро свадьба ее сестры, мы, несколько человек, приглашенные, решили сложиться и сделать хороший подарок. Я подумал, что как раз и подработаю, до свадьбы еще около трех недель, как раз получка успеется, а мне еще хочется себе новую сорочку справить, хорошую хочу купить.

— Знаешь, работа эта очень удобная. Утром до лекций два рейса сделаешь и иди себе гуляй. Правда, по утрам рано подниматься, да что, вечером пораньше надо спать ложиться и все. Но ведь как здорово, что мы с тобой на одну машину попали, напарники, значит, да?

— Точно!

— Да, но видишь ли, работа наша и свои минусы имеет. Если по пути бутылки побьются, за тобой запишут, и изволь платить за убыток. Так что нужен глаз да глаз. И еще — очень уж холодно в кузове ездить.

— Особенно в таком обмундировании, — засмеялся Иве.

— Тебе надо теплее одеться. Знаешь, у меня раз уж побились бутылки, так что я теперь ученый. Из зарплаты платил. Не больно приятно. Ты когда-нибудь косил?

— Косил, а как же.

— Ну вот, здесь тоже вся нагрузка приходится на спину.

— Скажешь, тоже! Где косьба, а где таскание ящиков!

— Вот сам увидишь.

— Ты с первого сентября работаешь?

— Нет, с десятого. Шалуқ правильно сказал — большинство из тех, кто в студгородке живет, конечно, нуждаются. Не все, конечно; те, которым родители из дому посылают, другой разговор.

Роин был небрит. Иве подумал, что в университете он никогда не появляется небритым, всегда аккуратно одет, опрятно.

— Где ты взял эти тряпки? — спросил он, имея в виду пальто.

— Раздобыл, — усмехнулся Роин. — Свою одежду я снимаю и прячу на заводе. Ты тоже должен найти какое-нибудь старье, постарайся потеплее этого плаща что-нибудь приискать.

Машина сбавила ход, затормозила перед каким-то гастрономом и остановилась.

— А ну, орлы, начинайте сгружать! — крикнул водитель, вылезая из кабины.

Роин спрыгнул на асфальт.

— Ты сегодня первый день, так что сиди там, только подавай мне ящики, — сказал он Иве.

Они откинули борт. Иве подавал Роину на спину ящики, тот вносил один за другим в магазин.

- Давай теперь я тебя сменю,— сказал Иве.
- Нет, я же говорю, ты сегодня первый день...
- Ну, ладно.

— Мамочка!.. Моя любимая мамочка!.. Как хорошо!— с этими возгласами Нелли бросилась на шею благообразной седоволосой женщине, переступившей порог комнаты.

Женщина поставила на пол свой багаж.

- Как ты, мама?
- Хорошо, доченька, хорошо, как ты-то здесь? — ласково отвечала мать, целуя Нелли.

— Да прежде усади маму, потом на шею вешайся, — заметила подруга Нелли.

— Ничего, ничего, милая! Здравствуйте, девочки!

При виде матери Нелли девочки сразу же засуетились, стали прибирать разбросанные вещи.

Мать Нелли села на поданный ей стул.

- Как вы все здесь живете, рассказывайте!
- Мы-то хорошо, а вот ты как не соскучилась по мне, столько времени не приезжала, — упрекнула ее Нелли.

Мать улыбнулась.

— Что делать, доченька, дел-то много дома, — ответила она смущенно, потирая натруженные мозолистые руки.

Нелли подседа к ней, обняла...

— Я тебе привезла там кое-чего, доченька, поди-ка зыложи из корзины да угощай подружек, — сказала мать.

Нелли встала, начала выкладывать на стол деревенские гостинцы: хлебцы-шоты, две отварные курицы, фрукты разные, кувшин вина.

— Ой, девочки, кутим! — весело воскликнула она, ставя кувшин на стол.

Все вместе стали накрывать на стол. Угощение было прекрасное, особенно для студенческого застолья.

— Тамадой Лилию назначим, — сказала Нелли.

— Что ты, я не могу, — застыдившись, воскликнула Лилия, единственная русская девочка в их комнате.

— Тогда Зою!

— Я никогда еще не была тамадой! — отказалась и та.

— Вот и попробуешь. Надо же когда-нибудь быть!

— Мамочка, я сейчас, только на минутку... — выбегая из комнаты, торопливо проговорила Нелли.

Она взлетела на второй этаж, пробежала по коридору и, остановившись перед тридцать восьмой комнатой, постучала.

— Здравствуй, Иве...

Иве стоял посреди комнаты в белой нейлоновой сорочке с черным галстуком, весь какой-то торжественный.

— Здравствуй, Нелли, — радостно ответил он.

— О, носи на здоровье!

— Спасибо. Как ты заметила?

— Невелика хитрость заметить, — улыбнулась Нелли. — Иве, сойди к нам на несколько минут, ладно?

— К вам? Что-нибудь случилось?

— Нет, мама моя приехала, привезла хорошее вино и много вкусного.

— Ой, Нелли, спасибо большое, только я ведь не смогу...

— Да ну, ненадолго.

— Понимаешь, я сейчас ухожу, мы к Нане идем. В другой раз, ладно?

— А-а, я не знала... Что ж, извини... — она повернулась и вышла из комнаты.

Иве заметил, как Нелли сразу изменилась в лице. И ему вспомнилось, как ехали они в поезде на экскурсию в Зедазени, как Нелли стояла тогда рядом с ним, как не сошла, когда сошли все, и осталась с ним... Он опустил голову и тут увидел на себе галстук. Галстук напомнил ему о том, куда и к кому он сейчас пойдет и все сразу отодвинулось, Нана оттеснила и Нелли, и все другое. Он торопливо надел пиджак и вышел.

Нелли осторожно открыла свою дверь. Никто не знал, куда она ходит, с чем вернулась, а ей было стыдно.

— Все тебя ждут, доченька, иди, голубонька, сядь.

— Я хотела еще кого-то позвать, да их дома не оказалось, — сказала Нелли и покраснела. Чтобы овладеть собой и скрыть свое лицо, она подошла к столу, а к своей кровати, стала поправлять покрывало, потом сняла перевешенное через спинку кровати платье и повесила его в шкаф.

Мать и подруги с удивлением следили за ней.

— Иди, дорогая, брось все, после прибора, — обратилась к ней мать.

Тут только Нелли словно очнулась, подошла к столу, улыбнулась и села рядом с матерью.

Зоя подняла свой стакан и провозгласила здравицу матери Нелли. За ней и Лилия сказала несколько слов на своем ломаном грузинском языке. Девочки желали здоровья, благодарили за угощение. Нелли молча поцеловала мать, выпила вино и вдруг разрыдалась.

— Что с тобой, родная, что случилось?! — всполошилась мать. — Может, обидел кто?

— Это, наверное, от вина, ничего у нас не случилось, — вмешалась Зоя.

— Да, правда, — поддержала ее Лилия, — я вот тоже как только выпью плакать хочется.

— Ничего, мам, просто так... — сквозь слезы говорила Нелли.

— Ну, моя хорошая, ну полно, полно, успокойся, — ласково уговаривала мать.

Нелли обнимала ее и продолжала плакать, теперь уже беззвучно.

Вечерние сумерки незаметно проникли в комнату. Январский день, холодный и короткий, погас.

— Ты вроде и похудела, моя девочка, и побледнела.

— Нет, мама, это тебе кажется, я хорошо...

Постепенно Нелли успокоилась, но веселье было испорчено.

Место сбора было назначено в Круглом саду. Первым пришел Савле Цивцивадзе. В ожидании остальных он сидел на скамейке и записывал что-то в своем блокноте. Иве поздоровался с ним, но Савле ответил рассеянно, не отвлекаясь от блокнота. Наконец он поднял глаза и посмотрел на Иве.

— Здравствуй, — сказал он. — Садись.

— А где остальные? — осведомился Иве.

— Хе! Если бы я знал!..

— А ты стишки, небось, кропаешь?

— Да-да, что-то пришло в голову, решил записать.

— Давай, давай, пиши.

Вскоре пришел Амжандадзе. Тоже сел ожидать остальных.

— Все строчишь, все калякаешь? — с насмешкой обратился он к Савле, заглядывая в его блокнот. — Что пишешь-то?

— Новое евангелие! Что я могу писать, и чего вообще ты ко мне пристаешь вечно!

— Но, но, говори нормально, пока я не разнес твои писания! Мокрое место от тебя останется! Рифмоплет!

— Ох, ничего не хочу, только бы почитать твои творения!

Старый спор грозил разгореться, но тут подошли девушки и Резо Сопромашвили. Собрались все, и поэтам-соперникам пришлось замолчать. Резо показал подарок, который был куплен на собранные всей компанией деньги. Это оказались два турьих рога в изящной оправе. Долго ломали голову, думали, что бы подарить, потом Иве предложил преподнести эти рога, как раз и денег хватало.

— Скажем жениху и невесте, что эти рога мы пообломали у одного нашего горе-поэта, — не унимался все же Амжандадзе, — чтобы он кого-нибудь не забодал в порыве вдохновения.

— Ладно, хватит вам, славы, что ли, не поделили, — вмешались девушки. А Савле и не слышал, углубленный в свои мысли, он опять писал что-то, черкал, снова писал.

— Пошли пошли, пора уже! Савле, закрывай контуру!

Вся компания двинулась в путь. Шутили, смеялись, перекидывались остротами. Все надеялись хорошо повеселиться, ведь это был второй день свадьбы, когда собирался более узкий круг гостей.

Иве был в радостном настроении — он предвкушал встречу с Наной, которую не видел уже около десяти дней, радовали его и обновы — новая со-

рочка и новый темно-голубой галстук. Ему все это было очень к лицу, и он это знал.

Вот и дом, в котором живет Нана. У входа Иве увидел Арчил Арчиловича. «Что он здесь делает?» — удивился Иве. А Арчил Арчилович не просто у входа — он приглашал гостей, суетился по-хозяйски...

— Здравствуйте! Смотрите, сколько девочек я привел. дядя Арчил, — шутиливо обратился к нему Резо.

— Очень приятно, очень приятно! — отозвался тот.

А Резо стал знакомить с ним каждого.

Иве вспомнил, как тогда, в поезде, Арчил Арчилович говорил, что он устраивает в университет младшую дочь, вспомнил, что видел его летом, во время приемных испытаний в университетском саду среди других родителей... И то вспомнил, как Арчил Арчилович ругательно ругал свою старшую дуру-дочь, которая втемяшила себе в голову, что любит какого-то никчемного моряка, без роду без племени, у которого ни двора ни кола. Все это он вспомнил и понял, кто был Арчил Арчилович и чья дочь была Нана. Арчил Арчилович не узнал Иве, конечно. Он приветливо пожал ему руку, пригласил войти в дом.

Арчил Арчилович встречал всех так радушно, что гости, сперва очень стеснявшиеся, постепенно почувствовали себя легко и свободно, безо всякого напряжения или натянутости. Тут появилась и Нана. Она всех перещеловала, а отцу сказала, что его зовет мать. Но Арчил Арчилович не успокоился, пока всех вновь прибывших, то есть друзей Наны, не усадил за стол, где уже сидели другие гости. Иве теперь уже иначе посмотрел на Нану — искал в ней сходства с Арчил Арчиловичем. Но Нана почти не походила была на отца. Черты лица у нее были тонкие и красивые, да и вообще она была вся совершенно другая какая-то, Иве не мог бы сказать, чем так она отличалась от отца, но различие было большое. Да и Арчил Арчилович предстал теперь в ином свете перед Иве — он был отец Наны.

Вошла мать Наны. Вот на кого была похожа Нана! Мать ее была женщина еще не старая, красивая, статная. Опять начали знакомиться, наконец все перешелось, все расселись. За столом не было пока самих виновников торжества — жениха и невесты. Кроме товарищей и подруг Наны, здесь сидело несколько соседей и несколько близких друзей отца и матери невесты, и Резо знал их всех. Иве понял, что Резо в этой семье частый гость. Нана заняла место рядом с Резо, но не села за стол, а убежала на кухню — сейчас, мол, закончу и приду к вам, а вы начинайте, меня не ждите. Арчил Арчилович тем временем разлил по бокалам вино, пропросив Резо помочь ему в этом деле, потом поднял свой бокал, потребовал тишины, приветствовал всех собравшихся и снова обратился к Резо с просьбой — теперь уж просил его быть тамадой праздничного стола.

— Батоно Арчил, мы сегодня гости, как же это, вы будьте тамадой, вы сами, — отказался Резо, вскакивая.

— Как сказал Арчил Арчилович, так тому и быть! — хихикнув, возразил хозяин. — Это ваш стол, молодежный, вы и ведите его, вы друг друга знаете, так что вам и карты в руки! Приступайте же и веселитесь всюю!

Иве украдкой оглядывал комнату. Убранство было богатое. По стенам висели дорогие ковры. В одном углу стоял массивный книжный шкаф, полный книг, в простенке между окнами — пианино. Вся мебель была модная и красивая. Огромная хрустальная люстра висела посреди комнаты. Иве вдруг вспомнил люстру, которая разбилась на метехском вокзале, ту женщину, что плакала и горевала над разбитой люстрой. Та люстра была примерно такая же, только значительно меньше и проще.

Стол уставлен был закусками и различными блюдами, среди которых стояли вина в узкогорлых кувшинах, различные напитки и красивые вазы с фруктами. Иве никогда не видел такого богатства и такого обилия еды и питья. Подали икру, и тут Арчил Арчилович вспомнил про своего моряка-зятя.

— А где наш моряк-рыбак? Или не желает нас своим присутствием порадовать? — с усмешечкой сказал он, обращаясь к жене. Та что-то проговорила тихо, так, что только он и услышал.

Как бы в ответ на его слова в комнату вошли молодые, оба сияющие, счастливые. Сестра Наны была хрупкого сложения, бледнолицая, тоже скорее похожая на мать, чем на отца («к счастью», — подумал не без ехидства Иве), а зять — смуглый, с обветренным загорелым лицом и спокойным взглядом широко посаженных глаз.

— Арчил Арчилович, откуда эта ваша трубка? — спросила сидевшая рядом с Иве гостья.

У Арчил Арчиловича в зубах была зажата роскошная трубка из слоновой кости с резьбой. Он вынул ее изо рта и, самодовольно улыбаясь, ответил:

— О, моя дорогая Тео, эта трубка привезена с Берега Слоновой Кости. Подарочек любимого зятюшки! — и он многозначительно кивнул в сторону зятя.

— Уважаемый Арчил Арчилович, скажите, пожалуйста, как же все-таки в народном контроле... э... как фамилия, забыла, начальника-то фамилия... как решился вопрос того бедняжки мясника, сироты, освободили его или нет? — сделав серьезное и озабоченное лицо, обратилась к хозяину другая соседка Иве.

— Ах, ты о нем... Да, да, скверно обернулось дело. Но он сам виноват, дурачок, ведь он что делал: мясо четвертого сорта продавал как первого, понимаешь ты это? — Арчил Арчилович рассмеялся. — Ну, я, правда, говорил с Гикмажишвили — начальником народного контроля, да что, дело уже вынесли на бюро, уже и постановление в трест переслали, так что... — он развел руками, мол, сами понимаете.

— Но директор? — возразила женщина. — Ведь деньги-то директор прикарманивал, не тот мальчик! Директору ничего?..

— Душенька ты моя, директор — это директор, снять его не так-то просто, а, Резо? Ха-ха-ха! — Арчил Арчилович захохотал, весь сотрясаясь, и стал подмигивать Резо, как бы ища поддержки.

Резо тоже захохотал, и так они оба хохотали некоторое время, а остальные посмеивались из вежливости.

— А ну, вина! А ну, песню! — перестав хохотать, вскричал вдруг хозяин. — Ну-ка, давай, Резо, дорогой тост, и чтобы все пили до дна!

Резо вскочил, подбежал к Арчил Арчиловичу и, обняв его за плечи, провозгласил тост за дорогого и любимого зятя.

Арчил Арчилович важно закивал головой. Все поддержали тост, выпили, а Арчил Арчилович, похлопав Резо по щеке, обратился к зятю:

— Вот, милый мой зятек, я как сейчас помню этого парня: они с Наной в детский сад вместе ходили, славный карапуз был, да кто подумал бы, что из него такой способный юноша вырастет! Такой толковый! А? Правду я говорю, Резо?

— Ой, что вы, Арчил Арчилович! — засмутился будто Резо.

— Да, да, да, во всем университете его знают как одного из самых способных студентов! Любую книжку три раза прочтет — и наизусть шпарит! Память — грандиозная! А как все понимает! Да-а... Так вот, они с Наной, значит, с самого детского сада вместе, да... хе-хе-хе... На моих руках рос, на моих...

Иве до того неприятно было слышать эти слова, ему захотелось встать и уйти отсюда. Вот, значит, как обстоят дела. Многое стало понятным и ясным, но отнюдь не радостным.

— Если захочешь в «Цекавшири» работать, у меня там уже присмотрено для тебя местечко, только пожелай! — продолжал Арчил Арчилович.

— Спасибо, дядя Арчил, спасибо!

— Ну, дорогой зятек, пью твое здоровье! — провозгласил наконец Арчил Арчилович, поднимаясь с места для пущей важности, и принялся превозносить своего зятя.

Иве подивился в душе: «сопьяк» и «шалопай» вдруг превратился в необыкновенного человека, наделенного массой достоинств. И почему-то за каждым хвалебным словом тестя в адрес зятя Иве чудились упреки и бранные слова, те самые, которые он слышал ночью в поезде. А высокий худощавый моряк со смуглым мужественным лицом ничего этого не подозревал.

Иве совершенно сник. Одно желание владело им сейчас: встать и уйти отсюда. Резо Сопромашвили взалхлеб произносил пышные тосты, красноречие его, казалось, не имеет предела. За молодых он провозгласил совершенно витиеватый тост, на древнегрузинском, что вызвало изумление и восторг общества.

— Не зря я тебя так люблю, не зря! — сиял Арчил Арчилович.

А уж Нана, которая сидела рядом с Резо, так и заглядывала ему в глаза. Еще бы, он произнес такую речь в честь ее сестры и зятя! И осушил в их честь один из тех рогов, которые они принесли в подарок.

Иве тоже стал поздравлять молодых, но, увы, он с трудом подыскивал слова, тост его лишен был блеска, и хоть он тоже осушил рог, впечатления произвести не смог. Стояя со стыда, он сел на свое место.

Арчил Арчилович разговаривал со своим соседом, хвалил зятя до неприличия — так, во всяком случае, казалось Иве. А Иве потихоньку от всех пил и пил, не ожидая тостов, — ему хотелось напиться. Но почему-то хмель его не брал. Галстук его душил, он расстегнул верхнюю пуговку сорочки, но ощущение того, что он задыхается, не прошло.

Постепенно все вокруг слегка захмелели, некоторые встали из-за стола, начали рассматривать книги в книжном шкафу, Арчил Арчилович же сидел в обним-

ку со своим зятем и Резо. «Я хочу быть с молодежью, а вы как хотите», — заявил он. Старшая дочь с его разрешения ушла к себе в комнату. Савле читал стихи, словом, каждый развлекался как мог. Один из гостей подсел к пианино, взял несколько аккордов и заиграл медленное танго. Резо, кое-как высвободившись из объятий хозяина, принял соответствующее томное выражение лица и пригласил Нану на танец. За первой парой заскользили по натертому паркету и другие. А Иве все сидел за столом, подавленный, растерянный. Ему вспомнились слова Наны: «Знаешь, какой Резо веселый! С ним не соскучишься». Потом та сцена в поезде, когда они ехали в Зедазени; Резо, обнимающий Нану за талию и шепчущий ей что-то на ухо. А нынче отец Наны привечал Резо, как задушевного друга! «Что ж, это верно, Резо веселый, находчивый, остроумный, с ним и вправду не соскучишься», — с горечью подумал он.

Теперь танцевали вальс. Кружились, кружились весело и беззаботно пары, молодой человек, сидевший за пианино, играл блестяще, с настроением. У Иве стало рябить в глазах, он встал, вышел на балкон. Постоял там, потом вошел обратно, осмотрелся и потихоньку, не прощаясь, ушел из этого дома, в который стремился с такой радостью.

В тонком плаще ему было холодно, ветер продувал насквозь, но сейчас холод приятно освежал. Из кинотеатра толпой валил народ. Иве смешался с этой толпой, затерялся в ней. Проносившиеся по мостовой машины ослепляли ярким светом фар. Час был поздний, огней на улицах поубавилось, и Иве это было приятно — в полумраке он чувствовал себя уверенней.

На углу улицы Иве увидел погребок. Из распахнутой двери на улицу падал сноп света. Иве спустился внутрь. Перед стойкой стоял мужчина и, запрокинув голову, пил пиво из большой кружки. За стойкой спиной к нему стоял продавец в белом халате и переставлял в буфете бутылки.

— Сто граммов! — бросая на прилавок деньги, потребовал Иве. — Сто граммов и кружку пива!

Продавец не слышал, что ли, — продолжал возиться в буфете. Теперь он считал деньги.

— Эй, приятель! — окликнул его Иве.

Продавец обернулся, и Иве чуть не вскрикнул от изумления — это оказался Датино, тот самый, который говорил вместо «р» — «л».

— Ты что это, пьянствовать начал? — шутливо приветствовал Иве Датино.

— Датино, господи боже! Откуда ты здесь, старик? — Иве обрадовался донельзя.

Датино перегнулся через прилавок, они обнялись, поцеловались, долго хлопали друг друга по плечу.

— Торговцем заделался, а? — смеялся Иве. — Духанщиком, а? Надо же, как я тебя встретил! Вот это сюрприз, брат, да!

— А ты что, плава попиваешь, что ли? — уже серьезно спросил его Датино.

— Да нет, Датино, Просто, понимаешь, настроение такое сегодня, хочу напиться. Давай выпьем, я тебя угощаю!

— Нет, Иве, я не могу. На лаботе я, на лаботе!

— Чутьочку, Датино, самую малость, за компанию.

— Ну разве что так, для виду. А то — сам понимаешь, тут дело такое, деньги, все это... нельзя.

Они выпили — Датино и в самом деле самую малость, пригубил только. Иве повторил.

Вскоре в погребок спустилась целая компания парней, Иве распрощался с Датино и ушел.

— Смотри, не забывай, заживай ко мне, — сказал напоследок Датино.

Иве побрел по улице, размышляя о том, как изменился Датино, из мальчишки стал таким солидным мужчиной. Но вскоре мысли его вновь вернулись к событиям сегодняшнего дня. Нана, Резо, Арчил Арчилян, все его гости кружились перед глазами Иве в каком-то странном хороводе. Вдруг с ночного неба сорвалась звезда, описала полукруг — словно художник кистью мазнул, и некоторое время виделось на небе человеческое лицо, только вместо глаз звезды горели на этом лице. Обижено и растерянно было оно. И губы надуты... Потом видение исчезло.

Иве добрел наконец до студгородка. Вошел в калитку, пьяно загорланил во всю глотку:

Для меня уж ни рая, ни бога, —
Надо мной надсмеялась жестоко
Бессердечная дева — Любовь!
Ах, налейте, налейте полнее,
Дайте выпить мне, выпить скорее!..

Чуть не споткнулся об урну, которая валялась посреди дороги — и кому понадобилось ее опрокидывать! — и побрел дальше, продолжая орать ^{об известном} где слышанный «жестокый» романс. Наконец он умолк — не помнил ^{дальше} слов — и, задрвав голову, погрузился в созерцание ночного неба. Искал тот странный лик обиженной девушки с глазами-звездами.

— Куда ты подевалась? — спросил он небесные просторы.

Звезды подмигнули ему игриво, улыбнулись, но ответа не дали.

— Что же мне теперь делать? — спросил опять Иве.

Пройдя еще несколько шагов, он ввалился в свой корпус, с грохотом захлопнул дверь, топоча громко, поднялся по лестнице, вломился в комнату, где все уже спали, зажег свет. Роин вскочил, сел на постели, уставился на него обалделыми глазами.

— Ну, чего, ну да, пьян я, пьян, эх, раз, еще раз!.. — бессмысленно улыбаясь, бормотал Иве. — Ничего, не бойтесь!

— Черт бы тебя побрал! Тоже мне, кутила! Утром-то вставать спозаранок... — возмутился Роин.

День выдался морозный. К вечеру посыпал снежок. Иве впервые видел снег в Тбилиси. Странно он выглядел здесь, в этом городе. Снежинки в лучах лампированных похужи были на игрушечные ватные хлопья, которые прикрепляют на ветки новогодних елок. Снег принес с собой оживление и радость. Все чему-то радовались, куда-то спешили, с улыбкой представляли снежинкам ладони и лица. Взрослые, встречаясь, перебрасывались фразами, вроде: «Какой чудный снежок, правда?», и, улыбаясь друг другу, кивая головами, пробегали дальше, каждый по своим делам. Дети играли в снежки, хохотали, падали, веселились всюю. Иве все это вновь. Снег здесь совершенно не походил на сванские снегопады. Снежинки, попав на асфальт, быстро таяли и превращались в мокреть.

Иве стоял на остановке в ожидании трамвая. В руке у него был чемодан. Трамвая долго не было, рука у Иве устала, но ему не хотелось ставить чемодан на грязный асфальт. Настроение у него было прекрасное. Спешить он никуда не спешил, и, если бы не холод, пробирающий его насквозь, ожидание не беспокоило бы его нисколько. В кармане у него лежал билет на поезд, он радовался, что едет наконец домой, к матери, радовался, что отдохнет от шума и суетни большого города, от повседневных дел и забот. Он стосковался по мирному неторопливому спокойствию, по земле и настоящему снегу, белому, глубокому, мягкому снегу, по всепоглощающей, особой, снежной тишине, по родным горам. Зимой они несут на своих плечах, кажется, всю тяжесть мира, они стынут в тяжелых белых одеждах и изнемогают. Но они знают — придет весна, сбросит это их бремя и зашумят внешние потоки, загремят бурные водопады, зазеленеют склоны и зазвучит мощный хор вешних голосов... А пока они терпеливо ждут, обратив к небу гордые головы, — ничего, дескать, выдержим! Все равно придет весна.

Зимние горы всегда вселяли надежду и уверенность в сердце Иве.

Вчера он сдал последний экзамен. И вчера же, после экзамена, его вызвали на кафедру физкультуры. Оказалось, узнав, что он хорошо ходит на лыжах, решили включить его в университетскую команду и отправить в Бакуриани на соревнования. Но Иве отказался наотрез — он давно не видел мать и обязательно решил съездить на каникулы домой. Решил, несмотря на непогоду и бездорожье.

Сегодня утром он навестил братьев в Ахалкалаки. Он пришел как раз в тот момент, когда Алексей колотил директорского сына, подмяв его под себя. Тот визжал во всю мочь, но вырваться не мог. Гурам тщетно пытался оторвать брата от его жертвы, кричал ему «довольно, уймись» — Алексей ничего не слышал. А вокруг собралась целая толпа зрителей. Ребята криками выражали свое одобрение Алексею — ведь от директорского сына мало кто не плакал. Наконец побежденный разревелился, и тут на его громкий рев выбежал директор. Поднялся страшный шум, из здания повскакивали воспитанники, воспитатели. Иве в это время удалось оттащить обезумевшего Алексея и поднять на ноги директорского сына. Мальчик, увидев отца, бросился к нему и стал жаловаться, что оба брата Береджани его били. Отец, взволнованный крайне, ругнулся вполголоса и растерянно потер свой нос.

— Только из уважения к вам, иначе я бы их здесь не держал, — сказал директор Иве.

— Что ж делать, дети ведь, у них еще и понимания нет.

— Много я от них терплю, очень много, — директор погладил по голове своего сына.

— Они ведь боролись, а в борьбе, известно, то один одерживает верх, то другой, — сказал Иве.
 — Оба ваших брата напали на мальчика, оба!
 — Нет, батоно, Гурам старался их разнять, — вмешалась та самая Клавдия.

— Тебя не спрашивают, не лезь не в свое дело, — прикрикнула на нее молоденькая воспитательница. Она стояла подле директора с озабоченным лицом, всячески стараясь выслужиться, ласкала всхлипывающего толстяка, приговаривала «совершенно верно, совершенно верно» после каждого слова директора и недовольно покачивала головой.

Клавдия смерила ее холодным взглядом и отступила назад. Алексей и Гурам стояли в окружении детей, которые наперебой что-то рассказывали, спрашивали, смеялись. Алексей выглядел очень веселым и довольным, Гурам, наоборот, был серьезен и даже грустен. Он обнимал за плечи младшего брата, будто желая этим сказать: «Я с тобой». Иве почувствовал какую-то гордость, видя своих братьев, таких дружных, любящих, в центре внимания всех детей.

«Надо перевести их отсюда во что бы то ни стало, там они будут ближе ко мне, я смогу присмотреть за ними», — подумал он. У него была надежда. Ему обещали перевести их к февралю, так как в феврале в Тбилиском детском доме должны освободиться два места.

Иве подошел к братьям, обнял их и довольно долго стоял так с ними в обнимку, чувствуя, как к горлу подступает комок. Никогда не испытывал он такой нежности к Алексею и Гураму, как сейчас. Он едва сдерживал слезы. Но это были особые слезы, он чувствовал себя в эти мгновения счастливым. Малыши подросли на его глазах, они уже смогут сами, без него, постоять за себя. Гурам вот совсем взрослый, большой мальчик, серьезный, вдумчивый. Он рослый и сильный. И Алексей здорово вытянулся.

— Я не хотел, Иве, честное слово... спроси ребят... — говорил Алексей Иве, виновато глядя на него исподлобья.

— Алексей не начинал, тот сам на него лез, так и бросился с кулаками, даже не предупредил, — враз закричали мальчики.

— Да, он сам начал, а я и разозлился,
 — Это правда, Иве, — подтвердил Гурам.
 — Я верю, ладно.
 — Ты нас не переводишь отсюда?
 — Обязательно, только не сейчас, в феврале.
 — Нам телевизор поставили, — с гордостью сообщил Алексей.
 — О, поздравляю!
 — Он больше, чем у твоего Шота, — сказал Алексей, имея в виду телевизор в общежитии у Иве.

— А ты помнишь Шота?
 — Как же, конечно, и Шота помню, и Дао!
 «Дао... Дао... может, ты единственный, Алексей, кто помнит Дао... Где он теперь, Черный Дао?..»

Иве не сказал братьям о том, что едет домой. Не хотел их огорчить — ведь им, наверное, еще больше, чем ему, хотелось бы поехать к маме. Они теперь уже немного освоились с детским домом, пообвыкли, незачем было их будоражить.

Иве боковым зрением увидел, как кто-то подошел к остановке и стал рядом с ним. Очнувшись от своих воспоминаний, он глянул вбок, какая-то девушка стояла рядом, вполоборота к нему, подняв воротник пальто. В руке у нее тоже был чемодан. Чем-то она напомнила ему Лили. Он посмотрел повнимательнее — да это и была Лили!

— Здравствуй, Лили!
 — Здравствуй, Иве...
 — Ты домой едешь?

Лили с удивлением и даже с некоторым испугом смотрела на него.
 — Нет... нет... не домой.
 Казалось, ей были неприятны расспросы Иве. Иве почувствовал это и не стал допытываться, куда она едет.

— Знаешь, снег напомнил мне деревню, наше детство, — сказал он, как бы поясняя, почему спросил, куда она едет.

— Я в Кутаиси еду.
 — В Кутаиси?
 — Да. Так я буду ближе к маме... — ей трудно было говорить.
 — Но... мне помнится, ты не хотела жить в Кутаиси, — проговорил Иве и тут же прикусил язык.
 — Это было раньше. Тогда я думала иначе.
 — Я впервые вижу снег в Тбилиси, странно он выглядит здесь, правда?

— Да ну, какой это снег! Падает и тут же тает.
— Помнишь, одиннадцатиклассники (он не сказал: «твои поклонники») однажды угодили тебе снежком прямо в глаз, помнишь? Твоя мама...
ума чуть не сошла от страха...
— Помню. Мама всегда так... Ну и досталось же тем мальчикам от моей мамы!..

Лили говорила чужим каким-то голосом. В нем не звучали те заносчивые нотки, хорошо знакомые Иве. Перед ним стояла совсем другая Лили, ничем не похожая на прежнюю высокомерную и самоуверенную девочку, то и дело стрелявшую по сторонам глазами, хваставшую перед подружками своими победами, беззаботную и насмешливую. Несколько месяцев жизни в городе необычайно изменили ее, дали какое-то новое содержание. «Почему она переезжает в Кутаиси?» — недоуменно думал Иве. Ее объяснение этому — мол, так она будет ближе к дому, к матери — только подтверждало подозрение Иве, что причина кроется совсем не в том.

Со звоном и грохотом подошел трамвай. Иве с Лили поднялись в вагон и уселись рядом. Иве молчал всю дорогу и размышлял о перемене, происшедшей в Лили, о том, почему все-таки она переезжает в Кутаиси. Лили тоже молчала.

Надо же, такое совпадение — у них оказались билеты в один и тот же вагон. Сейчас, в пору студенческих каникул, с билетами было трудно, а Иве и Лили поздно спохватились приобретать билеты, и кроме как в общем вагоне мест не оказалось.

Они с трудом влезли в вагон — давка была страшная. Кое-как пристроились.

— А твоя мама знает, что ты переехала?

— Знает, конечно.

— Кутаиси — хороший город.

— Не имеет значения. Я ведь не потому переезжаю.

— Тебе придется все начинать сначала. Новые товарищи, новые знакомые, новый институт...

— Да. Что ж, буду начинать.

Как он любил эту девочку, и вот она сидит теперь рядом с ним, они едут вместе в поезде, и она разговаривает с ним, беседует — просто, даже с какими-то доверительными интонациями, без всякой насмешки. Он вспоминал, как проводил долгие часы в мечтах и размышлениях о ней на верху своей башни, как писал стихи, посвященные ей, как вручал ей эти стихи... как она швырнула ему в лицо то стихотворение, первое стихотворение о ней, вернее — клочки, на которые она разорвала листок... И Заур, поджидавший ее возле школы, нагловатый, развязный в своей белой нейлоновой сорочке с пестрым галстуком. Лили вся преображалась при виде Заура, радовалась ему, гордилась его вниманием. Вся деревня шепталась: «Зауру нравится Лили, а Лили нравится Заур». И вот ведь как все получилось...

«Да, может, потому она и переезжает», — осенило вдруг Иве. И еще вспомнил он драку из-за Лили между двумя одиннадцатиклассниками. Как потом каждый из них угрожал Иве — дескать, не смей с ней знаться. «Да, — подумал он, — они дрались, они поджидали ее и гуляли с ней... а я ее любил! Только она не хотела этого замечать». И вот сидит теперь она рядом с ним, говорит как с ровней, и ничего-то в ней от прежнего не осталось, куда подевалась вся ее спесь, да и красота ее поблекла... И платок она повязала по-деревенски — а раньше ни за что так не повязала бы... Кажется, кто-то погасил, затоптал в ней былой огонь, и — кто знает! — загорится ли он вновь...

— Ты хорошо сидишь? — спросил Иве. Ему было нестерпимо жаль ее.

— Да, хорошо.

Пассажиры устроились кто как сумел. Некоторые тихо разговаривали, некоторые играли в карты. Плакал младенец. Мать, молодая женщина в черном, совала ему грудь, но младенец надрылся в плаче, а грудь не брал. Постепенно все вокруг стихло, смолк и младенец, только мерно постукивали колеса. Погасли верхние светильники, вагон погрузился в полумрак. Храп пассажиров и стук колес будто и не нарушали тишины. Пассажиры спали, несмотря на все неудобства, несмотря на то, что многим и улечься-то не удалось, спали сидя, скрючившись, — сон сморил всех. Иве задремал, прислонясь к перегородке спиной и головой. Крик разбудил его.

— Чемодан!.. Мой чемодан! — пронзительно кричала та самая женщина, мать младенца. Причем кричала, обращаясь к Иве. Может, потому, что он сидел поблизости и первым открыл глаза?..

Младенец опять расплакался. Теперь он душераздирающе орал. Проснулась Лили. Проснулись и другие пассажиры. А женщина все кричала — «мой чемодан!»...

Иве бессознательно вскочил и бросился к выходу. Впереди в дверях он увидел человека с чемоданом в руках. Человек оглянулся и, увидев Иве, спешно выбежал в тамбур. Иве ускорил шаг, побежал. Следующий вагон был купейный, в коридоре — ни души. Но Иве увидел в конце коридора бегущего человека с чемоданом. Из отворенной двери служебного купе падал слабый свет. Бегущий попал в полосу света, на момент растворился в темноте коридора, потом Иве увидел, как он скользнул в дверь, которая с грохотом захлопнулась за ним. И увидел вышедшего из своего купе проводника. Проводник тоже последовал за неизвестным в тамбур. А через короткое, очень короткое время — пока Иве оказался у двери в тамбур — поезд, сотрясаясь от мощного толчка, запнулся, остановился. Иве понял, что кто-то дернул тормозной кран.

Поднялись шум, суматоха. Донеслись крики. Кто-то матерился, кто-то кого-то проклинал. Кто-то свалился с третьей полки на пол, кто-то стукнулся головой о стенку вагона, пострадавшие госпитализировали, жалуясь и возмущаясь. Проводники бегали взад-вперед, ища виноватых.

В тамбуре Иве увидел откинутый книзу тормозной кран, распахнутую входную дверь. Он прыгнул на землю. Сперва ничего не было видно. Постепенно глаз привык к темноте, Иве пошел вдоль вагонов. Остановился — ему послышался стон. Стон повторился. Во мраке вдруг засверкали две точки, как кошачьи глаза, и исчезли. Это-то ему померещилось, а вот стон слышал он действительно. Он пошел на звук и наткнулся на лежащий на земле предмет. Нет, не предмет — человек лежал на земле. Иве стал его ощупывать. Человек был ранен! Возле раненого он нашарил фуражку с кокардой и злополучный чемодан.

Раненый стонал. Иве нашел пульс. Запястье было мокрым от крови, пульс еле бился. Иве с огромным трудом поднял его на руки и побрел с тяжелой ношей обратно вдоль пути. Слабый свет из окон вагона позволял кое-как различать дорогу. Навстречу замелькали фонари — бежали проводники из других вагонов. Пассажиры выглядывали из окон, пытались увидеть, узнать, в чем дело.

Когда Иве хлопотал над раненым, он слышал чьи-то удаляющиеся шаги в темноте, потом — издали шум раздвигаемых кем-то кустов, потом уже ничего не стало слышно. Но Иве было не до того — раненый истекал кровью. Теперь же, когда он с ним на руках приближался к своему вагону, раненый, собрав слабеющие силы, проговорил: «убежал... убежал...». Иве чуть не упал вместе с ним: он узнал голос Дао!

— Я говорил ему: не вздумай браться за старое... не смей. Нет, не послушал! Мальчишка, сопляк... хоть бы не был он моим учеником!..

Неужели слух не обманывает Иве? Неужели это Дао? В один миг пронеслись перед Иве воспоминания детства — смерть матери Дао, грубо оструганный гроб, странные безлюдные похороны и поминки... потом — милиционеры, сопровождавшие подростка Дао... и совсем вот недавно — встреча на зугдидском вокзале, здоровые смуглые парни с татуировками на груди и руках... «товарища в армию провожаю»... «хочется мне приехать в деревню... очень хочется... но если и сейчас кто-нибудь крикнет мне «Дао-вор», я этого не стерплю! Понимаешь, не стерплю!»...

Все это промелькнуло перед Иве. И вспомнилось то сомнение: «ты правда провожал товарища, Дао?». Эта мысль долго не давала ему покоя, и так ему хотелось, чтобы слова Дао были истиной! И вот настала сегодняшняя ночь! И потому Иве, к удивлению людей, столпившихся вокруг них двоих, вдруг засмеялся, засмеялся радостно, громко. Никто не мог понять, чему смеется этот человек, держа на руках раненого, и сам раненый, вероятно, не смог бы догадаться, что веселого усмотрел в драматических событиях этой ночи странный незнакомец.

А люди бежали к месту происшествия. Женщина с ребенком, у которой украли чемодан, увидев раненого, расплакалась. «Уж лучше бы я молчала, бог с ним, с чемоданом, человека чуть не убили!».

Голова Дао была в крови, лицо исцарапано, ободрано. Принесли воды, обмыли ему лицо. Иве, как мог, перевязал голову.

- Так это проводник?! — удивилась Лили, тоже прибежавшая сюда.
- Да. Проводник. Не узнаешь?
- Нет...
- Это ведь наш Дао!
- Дао? Какой Дао?
- Дао!.. Не помнишь? В школе с нами учился!..

347333330
303 0000333

— Дао-вор, что ли?..
— Дао... — улыбка сошла с лица Иве.

Дао приоткрыл глаза.

— Ну да, Дао-вор... — произнес он еле слышно и снова закрыл глаза.

— Это все из-за моего проклятого чемодана! — причитала над раненым женщиной.

На первой же станции Иве, простившись с Лили, сошел с поезда. Позволил в местную «скорую». Прибыла «неотложка», и Иве повез Дао в больницу. Там Дао оперировали, наложили швы. «Все будет в полном порядке», — заверил Иве хирург и разрешил находиться при больном до утра.

«Значит, нет больше Дао-вора, есть Дао-проводник!» — думал Иве. Когда совсем рассвело, он еще раз окинул внимательным взглядом спящего Дао, тихонько встал и вышел из палаты.

Шел он к вокзалу пешком. На дворе было страшно холодно. Хмурое тяжелое небо низко нависло над землей. Дул резкий ветер.

Зал ожидания был пуст. Иве обошел кругом здание вокзала. С задней стороны одностворчатая деревянная дверь была чуть приоткрыта. Иве заглянул внутрь. В помещении стоял теплый дух топившейся углями печки. Возле нее сидел какой-то железнодорожник и, протянув обе руки к печной дверце, согревал их.

— Извините, я так промерз, разрешите хоть ненадолго к вам? — как можно вежливей спросил Иве.

— Входите, что ж... зима на дворе, промерзнешь...

Иве вошел, затворил поплотнее дверь за собой, пристроился поближе к огню. Тепло быстро разливалось по телу. Бессонная ночь дала себя знать — оттого и было необыкновенно холодно, оттого и глаза слипались.

В полусне он вспоминал вчерашнее: когда он выходил из корпуса общежития, ему показалось, что кто-то глядит на него. Он обернулся. Нет, не показалось — он действительно почувствовал взгляд. Это была Нелли. Она стояла на пороге своей комнаты и молча смотрела ему вслед. Иве заметил тревогу и надежду в ее глазах. Он не сказал ей ни слова, не остановился. Молча, опустив голову, повернулся и вышел во двор. Нелли была очень красивой в те минуты. Белокурые волосы обрамляли ее тонкое нежное лицо, такое трогательное и беспомощное. Оно было похоже на старинную фреску — во всяком случае, так подумал Иве, так показалось тогда ему. И все же он ни слова не сказал ей на прощание.

Сейчас, в полудреме, он видел это лицо. А потом приснился ему странный сон, такие сны никогда еще не снились ему, — странный и очень явственный. Будто сидят они с Нелли перед камином — непонятно где, то ли дома у Иве, то ли еще где-то, — в камине ярко пылают огромные поленья, разбрасывая вокруг искры и потрескивая, и вся комната озарена мягким красноватым светом огня. А с другого боку камина на коврике сидит старец, и будто старец этот — сказочник. Держит он на коленях толстую тяжелую старинную книгу и звенящим голосом читает им сказку, которая называется «сказкой земли и неба». «И обещал отец небесный жителям страны этой: настанет день завтрашний, и явлю вам солнце, круглое, яко мяч, яркое, яко огонь, жгучее, яко любовь. И когда рассвело утро дня после ночи, увидели они: небо отверзло очи свои, надело плащ синий. Не скрывали его тучи черные, яко одежды вдовицы, не низвергали они на землю потоков воды холодной и гнева господня. И увидели обетованное — солнце великое, круглое, яко мяч, яркое, яко огонь, и жгучее, яко любовь...».

Гудок электровоза содрогнул тишину и прогнал утренний сон Иве. Печка уже погасла. Железнодорожника в комнате не было. Иве поднялся, потянулся. И побежал на перрон.

Прояснилось. Яркое солнце сияло на небе и боролось с холодом, с зимой, которую вскоре должно было победить, чтобы привести на землю сверкающую весну. Пассажирский поезд, обыкновенный, знакомый, стоял, призывая пассажиров в путь.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Тартизаньы

● П о в е с т ь

В ГОРУ по дороге к деревне Метехи медленно поднималась тяжело груженная дровами арба. На окрики хозяина изможденные животные и ухом не вели. Они лениво передвигали сбитыми кобытами и еле тащили скрипучий воз.

Неделю назад председатель метехского колхоза Ладо Чохели поручил Магалашвили возить камень, и Тито с утра до позднего вечера не слезал с арбы. Он грузил на берегу Куры галечник и заполнял им колдобины на дороге.

Раньше у Тито было горячее желание трудиться. Едет, бывало, на арбе и распеваеt во весь голос старинную песню аробщиков.

Сейчас Тито был угрюм и безмолвен. Да и чему было радоваться? Старшего сына он проводил в армию в 1938 году, а когда тот закончил службу и собирался вернуться домой, началась война. С тех пор Тито не получил от него ни одной весточки.

Второй сын, Дурмишхан, окончив сельскохозяйственный техникум, работал в Бретском сельсовете агротехником. И этот ушел на фронт добровольцем, даже его, отца родного, не поставив в известность.

А враг уже подступил к самому Кавказскому хребту... Враг посягал на то, что было завоевано кровью, борьбой и страданиями, на то, за что он, Тито, боролся всю свою молодость.

Быки едва подвигались вперед.

Миновав Метехи, Тито остановился на ахалкалакской дороге, спрыгнул на землю, ссыпал гальку, разровнял ее лопатой, затем повернул арбу и налегке направился к своему дому.

Он был голоден. С утра во рту у него маковой росинки не было.

У ворот его встретила дочь Тасо.

— Отец, где ты до сих пор? Ты же весь день голодный!

Тито не ответил. Он освободил быков от ярма, отвел их в хлев и только после спросил:

— Приготовила что-нибудь поесть?

— Лобно поджидает, пальчики оближешь!

— Накрывай на стол, сейчас умоюсь и приду.

...Запах соленый и свежесыпеченного хлеба вызвал у него сильнейший аппетит. Он собрался было обедать, но внезапно вспомнил сыновей. «Ох, кто знает, как им там сейчас, едят ли вдоволь мои сыночки...» — вздохнул он тяжело и посмотрел на фотографии, висевшие на стене. Его ребята были похожи друг на друга как две капли воды. Он перевел взгляд на фотографию жены, умершей три года назад. Наконец, долго смотрел еще на одно фото, поблекшее от времени, где он был запечатлен в наручниках — напоминание о мрачных днях репрессии 1907 года. То была его молодость — застенки Гори, Меджврисхеви и Метехи, в которых тысячами мучились и гибли борцы за народное дело.

...Революционера Тито Магалашвили знали не только в Каспи, но и во всем Горийском уезде. В кружке Гуго Магалашвили Тито считался самым активным членом. Кружок этот под непосредственным руководством Гуго первым во всей Грузии организовал тайное производство бомб близ села Тэкнула, в уезде Тэдзами. Оборудование для мастерской с величайшими предосторожностями доставил в Метехи Гуго. Это был образованный человек, он и за границей бывал и имел тесные контакты с профессиональными революционерами. Мастерская снабжала взрывчаткой революционную организацию социал-демократической рабочей партии Горийского уезда.

Однако царским ищейкам удалось обнаружить тайную мастерскую. Полиция произвела налет, и, хотя оборудование удалось-таки вывезти в Рконские леса, Тито был арестован и брошен в тюрьму Меджврисхеви. Здесь его заковали в цепи и перевели в тифлисскую тюрьму, в Метехский замок.

В комнату вошла Тасо с кувшином ледяной воды.

— Почему ты не ешь?

— Тебя ждал. Садись. Мне кусок в горло нейдет. Недаром говорят: одинокого и за едой жалко.

Тасо села рядом с отцом. Только они собрались приступить к еде, как у ворот остановилась легковая машина.

Тасо опрометью бросилась на балкон и крикнула оттуда:

— Отец, это, кажется, к нам!

Тито спустился во двор. Такой красивой машины в Метехи еще не видали. «Кто бы это мог быть?» — подумал Тито и быстрым шагом направился к калитке.

Дверца машины открылась, и из нее вышел человек в генеральской форме. Его сопровождали офицеры. Генерал был примерно того же возраста, что и Тито, высокий, широкоплечий, со смольно-черными вразлет усами.

Он подошел к Тито четким, размеренным шагом.

— Вы Тито Магалашвили? — спросил генерал и быстро оглядел хозяина.

— Да, это я! — чуть смехался Тито.

— Здравствуй, товарищ! Не узнаешь? — Генерал приветливо улыбнулся и протянул руку.

— Нет, не узнаю, — пожал плечами Магалашвили.

— А вы постарайтесь припомнить тысяча девятьсот седьмой год, тюрьму Меджврисхеви. Мы тогда были с вами очень дружны...

Тито жадно всматривался в лицо незнакомца и терялся в догадках, кто же это мог быть.

— Неужели действительно не узнаешь? — хлопнул его генерал по плечу.

— Извините, конечно, но я вас действительно не знаю. И в то же время у вас как будто знакомое лицо...

— А ты припомни тюрьму Меджврисхеви.

— Я ее не забывал. Девять месяцев меня гноили в том застенке.

— Так неужели не помнишь, кто с тобой сидел?

— Нет, почему же! Помню Мишу Джаджанашвили из Ховле, которого позже казаки в Доэси изрубили шашками... Еще Исаака Гзиришвили, этот был из Бершуети...

— А еще?

— Шавшебельский Гуго Цкриалашвили...

— Дальше, дальше давай.

— Миха Дандуров из Цителкалаки.

— Верно, а еще?

— Ну, еще эртацминдский Георгий Элисабедашвили.

— Это не все!

Тито назвал еще нескольких узников, но среди них генерала вновь не оказалось.

Лицо гостя мрачнело.

— Значит, больше никого не припомнишь?

Тито задумался.

— Неужели не помнишь жандарма-татарина, нашего тюремного надзирателя? Ты еще с ним подрался. Кто тебе тогда помог?

— Сосем забыл... Саша Эгнаташвили! Конечно же, Саша! — вскочил внезапно Тито и продолжал: — Вот был крепыш, как проучил жандарма! С того дня жандарм говорил с нами только на «вы»!

Генерал улыбнулся:

— Так вот Саша Эгнаташвили — это я, дорогой мой Тито! Я это, понял?

— Саша? Не может быть! Дорогой ты мой!

Они обнялись.

— Разве я мог думать, что когда-нибудь встречу тебя, Саша? Хвала госпо-
ду богу, что ты меня не забыл, дорогой!

— Да, давненько я не был в Грузии! Вот и теперь с трудом удалось ехать. Не выдержало мое сердце, дай, думаю, повидать Тито. Как ты поживаешь? Сколько у тебя детей? На фронте никого нет?

— Как же, двух сыновей проводил... Только один, самый младший, дома остался.

Тито умолк, тяжело вздохнул.

— Да чего же я стою и держу тебя здесь! Извини меня, Саша! Пошли, пошли в дом...

Они поднялись на веранду, уселись там. В комнате Тасо уже накрывала на стол. Тито познакомил дорогого гостя со своей дочерью и младшим сыном.

— А где жена?— спросил генерал.

— Три года тому назад похоронил.

Саша нахмурился.

Некоторое время генерал сидел молча. Затем повернулся к Тито:

— На каком фронте сражается твой парень?

— Сейчас он служит в Москве. Только вчера получил от него письмо.

— А ну дай взглянуть.

Тасо достала из комода сложенное треугольником письмо и подала его генералу.

Генерал прочитал адрес, занес его в свою записную книжку. Потом, с молчаливого согласия Тито, развернул письмо и стал читать...

— Гляди, какой у тебя отличный парень, Тито!— лицо генерала просветлело.— Недаром сказано: яблоко от яблони недалеко падает.

Тито почувствовал гордость за сына. Он встал, взял генерала за локоть и сказал ему с улыбкой:

— Спасибо, Саша, а теперь, чтоб наша беседа протекала еще приятней, пойдем к столу. Правда, ничем особенным попотчевать тебя не могу, но что ж, чем богаты, тем и рады...

Долго сидели за столом старые друзья, долго и задумчиво беседовали о том о сем.

Наконец генерал поднялся, поблагодарил Тито за хлеб-соль, за привет и расцеловался с ним на прощанье.

— Будь молодцом!— сказал он.— Не сомневаюсь, что мы еще встретимся с тобой в лучшие времена!

Немцы, рассчитывавшие вступить в Москву триумфальным маршем, были разгромлены на подступах к столице. Они пытались организованно отступить, но не тут-то было. На каждом шагу их подстерегала смерть. Всеми силами старались они удерживать захваченные города и населенные пункты, оказывали нашим войскам ожесточенное сопротивление и, отступая, увозили обозы награбленного народного добра.

Дурмишхан Магалашвили к этому времени находился в Москве, в стрелковой моторизованной бригаде особого назначения. Здесь готовили бойцов для десанта во вражеский тыл и организации там партизанской борьбы.

В бригаде Магалашвили получил первое боевое крещение. Командир бригады полковник Герасимов и комиссар Майсурадзе поставили перед Дурмишханом и его товарищами Артемом Кулумбеговым, Вячеславом Пешковым, Юрием Зайцевым и Олегом Беловым серьезную задачу: проникнуть в расположение врага в районе Курска и во что бы то ни стало привести «языков».

Задание это, требующее большой смелости и сноровки, было блестяще выполнено: девять дней спустя они доставили в штаб немецкого ефрейтора и двух солдат.

Дурмишхан отсыпался после проведенной операции, когда рано утром к нему зашел Кулумбегов. Дурмишхан обрадовался, он любил этого тбилисского осетина.

— Магарыч за тобой.— Артем протянул ему письмо.— Наверняка от отца. Вскрывай скорей, интересно, что он пишет?

«Дорогой сынок,— писал отец,— как ты поживаешь, как себя чувствуешь? От Миши по-прежнему нет никаких вестей. У меня вся душа изныла. Эх, если б я мог быть рядом с вами и сражаться с проклятым врагом! Будьте молодцами, не осрамите старика-отца! Береги себя, Дурмишхан. Об одном я сейчас мечтаю — встретить вас дома живыми-здоровыми, а там и умереть не жаль!..»

Дурмишхан сложил письмо и задумался. Затем перевел взгляд на Артема.
Друг был печален.

Дурмишхан невольно пожалел его.

— Что с тобой, Артем?— спросил он удивленно.

— Скажу, да все равно не поймешь!

— Это почему же?

— Нужно иметь семью. Знаешь, что такое тоска по жене и детям? Ну как тебе объяснить? Одно скажу, по сравнению со мной ты просто счастливчик.

Артем вскоре ушел. Оставшись один, Дурмишхан вновь перечел письмо отца и задумался.

Ему вспомнились довоенные дни, родное село Метехи, в котором он родился и провел свое детство. Потом был техникум, сельскохозяйственный институт, Бретский совхоз, в котором он работал агротехником. И наконец, начало войны и уход на фронт добровольцем.

Потом перед его мысленным взором возник образ молодой девушки, которую сейчас ему хотелось увидеть больше всего на свете. Он, Дурмишхан, этот забияка, который никому из сверстников спуску не давал, в ее присутствии превращался в беспомощного, застенчивого ребенка. А тут война. Так он и ушел на фронт, не открыв любимой сердца.

К действительности его вернул голос командира роты старшего лейтенанта Ярышева.

— Смирно!— разнеслось по казарме.

Все засыли на своих местах.

Дурмишхан украдкой посмотрел в сторону Ярышева, который рапортовал комиссару Майсурадзе.

— Вольно!— скомандовал комиссар и добавил:— Боец Магалашвили, ко мне!

В мгновение ока он оказался перед комиссаром.

— Через десять минут будьте у меня в штабе, понятно?

— Понятно, товарищ полковник!

Комиссар ушел.

Магалашвили не выдержал и подошел к Ярышеву:

— Не знаете, товарищ старший лейтенант, зачем меня в штаб вызывают?

— Ничего не могу сказать, но думаю, не для головной боли.

«Может, хотят представить к награде за «языков»? Но почему меня одного?»

А товарищи?— размышлял Дурмишхан. В штабе у командира бригады Герасимова и комиссара Майсурадзе его ожидал незнакомый полковник.

— Вот это и есть Магалашвили, товарищ полковник!— представил Дурмишхана Майсурадзе.

Майсров (такой была фамилия полковника) поднялся, улыбнулся Дурмишхану, крепко пожал ему руку и сказал:

— Ну, пошли!

Перед штабом их ожидала машина.

Вскоре они миновали подмосковные дачные места и помчались по улицам столицы.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник, куда мы едем?— спросил наконец Дурмишхан, собравшись с духом.

— В Наркомат государственной безопасности, — коротко ответил полковник.

— Зачем?!— не смог скрыть удивления Дурмишхан.

Полковник улыбнулся.

— Там узнаешь.

Дурмишхан умолк и больше не произносил ни слова.

Вскоре они были на месте.

— Так, значит, товарищ Магалашвили, интересуетесь, зачем и к кому мы идем?— спросил полковник, выходя из машины.

— Интересуюсь,— посмотрел в глаза Майорову Дурмишхан.

— К генералу Эгнаташвили.

— К Эгнаташвили?— раскрыл от удивления рот Магалашвили.— Кто это?

— Ты не знаком с ним?

— Нет.

— Интересно. Он тебя знает, а ты его — нет?

Майсров и Дурмишхан, поднявшись на третий этаж, остановились у одной из дверей.

— Подожди здесь,— коротко бросил Майоров,— я сейчас доложу и позову тебя!

Дурмишхан кивнул.

Полковник осторожно открыл дверь, вошел и, выглянув через некоторое время, позвал:

— Входи!

Магалашвили оказался в большом кабинете и, ослепленный ярким электрическим светом, остановился у порога.

В дальнейшем конце комнаты, за столом, уставленным многочисленными телефонами, стоял высокий представительный генерал. Он изучающе посмотрел на Дурмишхана. Это длилось несколько мгновений, затем генерал пошел к Магалашвили и на чистом грузинском языке спросил:

— Ты — сын Тито?

— Да... — растерялся Дурмишхан.

Генерал пожал парню руку, отечески обнял его, крепко поцеловал и проговорил:

— Хороший, однако, сынок у моего друга Тито! Таким любой отец вправе гордиться!

«Откуда он обо мне знает?» — думал Дурмишхан.

Эгнаташвили, взяв Дурмишхана под руку, подвел его к своему рабочему столу.

— Не подумай, что я вызвал тебя только ради отца, — заговорил он, указывая на стул. — Предварительно я ознакомился с твоими боевыми делами. Характеристика отличная. Мне также известно, что ты доставил «языка» из расположения врага. Молодец, Дурмишхан, отлично воюешь! Вот поэтому я и решил встретиться с тобой. Очень рад, что у достойного отца не менее достойный сын.

От похвал Дурмишхану стало неловко, он даже покраснел.

— Недавно я был в Грузии, — продолжал Эгнаташвили, — в своем родном Гори. Проехал и к твоему отцу в Метехи. Поверишь, еле узнали друг друга...

Он говорил неторопливо, с продолжительными паузами, вспоминал эпизоды из жизни в Грузии. И все это время улыбка не сходила с его лица.

— Так вот, брат Дурмишхан, зачем я тебя вызвал, — сказал в конце Эгнаташвили, — нам сейчас крайне необходим опытный агротехник... Надеюсь, ты не откажешься?

— Извините, но в агротехники я не гожусь.

— Как так? Это же твоя профессия!

— Совершенно верно, но агротехником я мог бы оставаться и в Бретском совхозе, получал бы там отличные урожаи. Бронь у меня была. Но я не могу спокойно наблюдать издали, как дерутся с врагом мои товарищи. Очень прошу вас оставить меня в части.

Его слова вызвали у генерала улыбку.

— Вот гляжу я на тебя и вспоминаю твоего отца. Он в молодости был точно такой, — проговорил Эгнаташвили.

— Я добровольно пошел на фронт и хочу быть там, где мои братья бьют врага! Мое место на переднем крае.

— Хорошо, сынок, хорошо!.. Раз так настаиваешь, будь по-твоему... Будешь писать Тито, передай от меня привет и напиши, что я благодарю его за то, что он вырастил такого сына... Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся. Будешь далеко — дай знать весточкой, ну, а если случится быть в Москве, позвони, само собой. — И генерал черкнул на бумажке номера своих телефонов.

— Большое спасибо за внимание, дядя Саша. Я обо всем напишу отцу. Разрешите идти?

Генерал нажал на кнопку звонка. В кабинет вошел полковник Майоров.

— Товарищ Майоров, доставьте Магалашвили обратно в часть, — приказал генерал и, пожимая Дурмишхану руку, отечески напутствовал его:

— Желаю тебе боевой удачи и благополучного возвращения домой после войны!

Прошло время. Красная Армия полностью очистила от фашистской чумы Северный Кавказ и Кубань. Были освобождены Московская и Ленинградская области. Предстояли решающие бои за Украину и Белоруссию.

К этому времени на Западной Украине развернулись широкие действия партизанского соединения Ковпака. Там же воевали грузинские партизаны Давид Баградзе и Вано Рехвиашвили.

Ожесточенные сражения вели народные мстители в Белоруссии, в районах Ровно и Брянска. Партизанское движение захлестывало территорию Польши за Бугом.

Для боевого взаимодействия и успешных операций отрядов и соединений требовался постоянный надежный контакт с Москвой, откуда партизаны получали важнейшие указания, необходимое боевое снаряжение и медикаменты. Это было крайне сложным делом. Возлагалась эта миссия на моторизованную стрелковую бригаду особого назначения, в которой готовили бойцов для выброски

В тыл врага и помощи партизанам. Партизанские операции приобретали особое значение, так как близился окончательный разгром противника.

Дурмишхан лежал на койке, отдыхая после тактических занятий.

— Ты что здесь прохлаждаешься? — подошел к нему Кулумбегов.

— А что прикажешь делать?

— Еяс вызывают в штаб.

— Не знаешь, зачем?

— Если не ошибаюсь, за боевым приказом.

— Неужели правда?

— Ярышев сказал, чтоб и ты со мной шел. Вставай быстрей!

— Можешь не верить, но мне здесь до чертиков надоело. Бесконечные занятия, занятия...

— Думаешь, мне не надоело?

— Ничего, скоро придется действовать где-нибудь на Западной Украине или в Белоруссии.

В просторной светлой комнате штаба уже собралось человек восемнадцать бойцов. Это были парни как на подбор, испытанные в различных операциях, известные своими славными боевыми делами, имевшие великолепную подготовку для вelenия партизанской войны. Среди них была одна женщина — радистка Женя Мальцева, девушка лет двадцати двух. В последнее время она работала в штабе.

Кое-кого из группы Дурмишхан знал достаточно хорошо. Например, Гасана Гасанова, Николая Шломбина, Юрия Зайцева, Павла Шульгина, Олега Белова, Вячеслава Пашкова и других.

Дурмишхан и Артем сели рядом с бойцами.

Вошел Герасимов.

Стал тихо.

— Товарищи, — поднялся комиссар Майсурадзе, — вы, очевидно, понимаете, зачем мы вас вызвали. Вам предстоит участвовать в боях. После поражения под Сталинградом фашистский зверь откатывается назад. В разгроме отступающего врага важную миссию должны сыграть партизаны. Как вам известно, партизанским движением охвачены вся Западная Белоруссия и Украина. От вас зависит очень многое. Родина поручает вам ответственную боевую задачу: проникнуть в глубокий тыл противника и соединиться с партизанскими отрядами Федорова. Руководителем назначаю Гасана Гасанова. Позже Гасанов ознакомит вас со всеми деталями предстоящих действий до момента соединения с силами Федорова.

Комиссар Майсурадзе умолк.

Герасимов внимательно оглядел бойцов и заговорил спокойно и веско:

— Товарищи, я думаю, задача вам ясна. Теперь дело за вами. Скажу прямо, задание у вас нелегкое. Оно потребует смелости, находчивости, отваги и самоотверженности. Но помните: врагу нельзя давать ни малейшей передышки. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, а такой борьбы без жертв не бывает. Помните всегда — вы партизаны. Партизан — это человек железной воли, непреклонной решимости, непоколебимой веры, бесстрашия, отваги и — дисциплины. Недисциплинированный партизан — хуже врага. Желаю вам, дорогие друзья, победы!

Встал комиссар Майсурадзе.

— Друзья, дадим партизанскую клятву! — сказал он, разворачивая лист с текстом.

Комиссар читал текст клятвы четко, громко, и бойцы повторяли вслед за ним торжественные слова...

В тот же вечер отряд из восемнадцати бойцов под командованием Гасана Гасанова ждал посадки на самолет в одном из столичных аэропортов. С наступлением темноты их должны были перебросить на Западную Украину, в центральную зону Черного леса, где находилась штаб-квартира прославленного партизанского соединения Федорова.

Бойцы были вооружены всем необходимым. Они везли с собой большое количество взрывчатки, у каждого за спиной был парашют.

Аэропорт тонул в крошечной тьме. Время от времени тишину врывал звук моторов: одни самолеты покидали Быково, другие заходили на посадку.

Внезапно разразился частый огонь зениток. Все вокруг задрожало, в окнах задребезжали стекла. Серебристые мечи прожекторов начали полосовать небо вдали, над столицей. В небе металась армия врага.

— Как я мечтал стать летчиком,— грустно вздохнул Павел Шульгин, когда пальба поутихла,— ох и показал бы фашистам кузькину мать!

— А что тебе помешало, Павлик?— с ехидцей спросил Олег Белов.

— Голова моя никудышная!

Все дружно засмеялись. Сразу оборвались гнетущее молчание и тягостные мысли, которые всеми владели.

— Удивительный ты человек, Олег,— сказал Шульгин,— все-то тебе ни о чем, вечно у тебя шутки-приблудки. А ну задай еще кому-нибудь вопрос!

— Кому, например?

— Да хотя бы Николаю Шломбину. Видишь, парень приуныл.

— Ну, это ты врешь. У Николая прекрасное настроение. Он сейчас, если хочешь знать, думает, что бы в подарок Наташе и ее мужу привезти, когда домой придет.

Вместе со всеми рассмеялся и Шломбин.

— Эге, браток, нет того, чтоб душу мою успокоить, надо мной и смеешься! Только бы нам в живых остаться, а Наташе я что-нибудь уж привезу, будь спокоен!

— Не убивайся, Коля, еще не такую после войны встретишь!.. Эх, Гитлер даже Юрию не дал провести по-божески медовый месяц. Вместо молоденькой красивой жены теперь у него автомат на шее висит. Скажите, ребята, что теплее, автомат или руки любимой жены?— Олег переглянулся с ребятами.

— Разумеется, автомат!— засмеялся кто-то.

Внезапно голоса заглушил мощный звук авиационного мотора. В зал вошел Гасанов. Все смолкли.

— В две шеренги стройся!— раздалась его команда.

Ребята во главе с Гасановым вышли на заснеженное поле, где их поджидал ревевший моторами «дуглас».

С неба сыпал сухой колючий снег. Дул пронизывающий восточный ветер. Небо над Москвой затянуло черные тучи.

Ребята шли молча. Нет, ими владел не страх перед опасностью. Это было какое-то неизъяснимое чувство, овладевающее людьми перед боем.

В полном безмолвии погрузились в самолет.

«Дуглас» круто взмыл ввысь и взял курс на запад.

Вскоре самолет приблизился к линии фронта. Подлетали на высоте трех тысяч метров. В небе ярко сверкали огни осветительных ракет, трассирующие пули словно светлячки пронизывали мглу. Едва слышно доносились пулеметные очереди.

Залаяли зенитки — фашисты обнаружили советский самолет. По небу заметались лучи прожекторов. Немцы открыли ожесточенный огонь. Разрывы возникали то спереди, то сзади него. Внезапно «дуглас» как бы споткнулся. Ребята повалились друг на друга. Толчок повторился. На этот раз еще более сильный. Самолет накренило вправо. Бойцы инстинктивно привстали со своих мест, но никто не проронил ни слова.

Вскоре «дуглас» вновь опустился в Быково. И только когда шасси коснулись бегунки, участники группы вздохнули с облегчением.

— Кажется, уцелели!— сказал Гасанов и пошел к кабине пилота. Оттуда выглянул взволнованный радист и заторопил Гасанова:

— Помогите, надо раненого побыстрее спустить на землю!

Через минуту бойцы увидели окровавленного пилота, которого несли к выходу.

Окончание следует

Перевод Бориса ПУГАЧЕВА

КО ДНЮ
СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Всегда начеку!

КОГДА глава многолетней бедняцкой семьи Григол Начкебия внезапно умер, вся тяжесть забот о ней легла на плечи семнадцатилетнего сына Григола — Капитона. Пятеро братьев и сестер мал-мала меньше и больная мать остались на его руках. А время было злое, голодное.

Юноше ничего не оставалось, как идти в батраки. Он отправляется в Сенаки и нанимается к одному из местных богачей-землевладельцев. Затем, по чьему-то совету, Капитон перебирается в Поти, где некоторое время работает грузчиком марганца в Потийском порту.

В 1920 году Капитон Начкебия приезжает в Тбилиси и устраивается учеником в одну из механических мастерских. Этот год оказался решающим в жизни молодого человека. Здесь, в совершенно новых для него условиях, в новой незнакомой среде, среди тбилисских мастеровых, рабочих, Капитон многое узнаёт, многому учится. Ему открываются новые горизонты — горизонты борьбы народа за свою власть. И он со всей присущей его натуре и возрасту решительностью и горячностью включает в эту борьбу.

Победу Советской власти в Грузии Капитон встретил восторженно. На третий день установления Советской власти он пришел к начальнику вновь созданной рабоче-крестьянской милиции города Тбилиси и потребовал включить его в ряды защитников правопорядка.

Капитон Начкебия сразу же привлек внимание руководства, проявляя незаурядные данные оперативного работника — профессиональное чекистское чутье, инициативу, умение четко выполнять задание, простоту и вежливость в отношении к гражданам.

В 1921—1922 годах, в период работы в должности старшего милиционера Тбилисской городской милиции, К. Начкебия успешно закончил подготовительные курсы руководящих кадров милиции, существовавшие при Народном комиссариате внутренних дел Грузинской ССР.

В 1923 году Народный комиссариат внутренних дел направляет К. Начкебия в Ахалцихский уезд начальником отдела милиции вначале в Адигени, а затем — в Ацкури. В тот период в Ахалцихском уезде политический бандитизм носил широкий характер; там обосновались бывшие офицеры царской армии, вражески настроенные к молодой республике, меньшевики, контрабандисты, словом, всевозможные преступники.

Вместе с тогдашним начальником милиции Ахалцихского уезда, известным революционером Михаилом Церетели, К. Начкебия провел целый ряд оперативных мероприятий по ликвидации политического бандитизма. В борьбе с бандитизмом К. Начкебия прибегал к различным методам и приемам. Одним из них было «добровольное обезвреживание бандита» — уговор с ним. Церемониал уговора проводился в присутствии трудящегося населения; он превращался в широкую демонстрацию признания гуманности Советской власти.

В августе 1924 года К. Начкебия принял активное участие в ликвидации меньшевистской авантюры, за что Наркомвнутдел Грузинской ССР поощрил его памятной наградой.

В 1925 году Начкебия переводят в Борчалинский уезд, в весьма сложный район для оперативной обстановки того периода, а затем назначают начальником милиции Люксембурга (ныне Болниси). Здесь он со всей энергией начинает новую борьбу с преступными элементами; проводит профилактически-предупредительные мероприятия для дальнейшего упрочения правопорядка. Под его непосредственным руководством

Были ликвидированы весьма опасные для того времени бандитские группы Бердыханова, Мурадова, Османа-аги, Тэмразамуса-оглы и многих других. Группы эти имели непосредственную связь с диверсионно-контрреволюционными элементами, засевшими на Ближнем Востоке.

По указанию Центрального Комитета партии проведение необходимых мероприятий для ликвидации кулацкого бандитизма было поручено Государственному Политическому Управлению (ГПУ), которое пополнилось опытными оперативными работниками и чекистами. Капитон Начкебия был назначен оперуполномоченным по борьбе с бандитизмом Борчалинского отделения ГПУ. Вскоре он был введен в Объединенную опергруппу по борьбе с бандитизмом, созданную при Наркомвнутделе ЗСФСР. Операции, проведенные К. Начкебия против диверсантов-контрабандистов, проникавших к нам из Турции, и кулацких бандитов в Джиндзе, Люксембурге, Каразах, Кировакане, Алаверды, Дилижане, Иджеване, Садахло и в других местах, по своим масштабам и результатам являются ярчайшей страницей деятельности грузинских чекистов. В результате упомянутых мероприятий значительно сократились бандитские вылазки на территорию Южной Грузии.

В 1936 году Капитон Начкебия назначается начальником Отдела внутренних дел Грузинской ССР в Борчало (ныне Марнеули). В 1939 году его выдвигают заместителем начальника Управления милиции республики, а в феврале 1940 года его переводят начальником этого же управления.

В августе 1941 года К. Начкебия был назначен наркомом внутренних дел Абхазской АССР, а затем заместителем наркома внутренних дел Аджарской АССР. В конце 1942 года К. Начкебия выдвигают на должность заместителя народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР и, одновременно, начальника Управления милиции.

Капитон Начкебия многое сделал в период Великой Отечественной войны, когда вся жизнь нашей страны была подчинена требованиям фронта. В эти страдные годы в Грузинской ССР царил образцовый военный порядок. В памяти народа не умрет героизм и мужество, которые проявили в одиночку жестоких испытаний работники милиции — в истребительных батальонах и партизанских отрядах, на фронте и в тылу. Из огромного числа милиционеров, ушедших на фронт, 754 вернулись с высокими правительственными наградами и боевыми орденами, а воспитанники милиции Га-

лактион Размадзе и Владимир Эсебуа удостоились почетного звания Героев Советского Союза.

В 1943 году Капитону Начкебия было присвоено звание комиссара милиции III ранга.

В суровые голодные дни Великой Отечественной войны личный состав милиции ГССР по инициативе К. Начкебия собрал средства на постройку авиаэскадрильи «Милицейский Грузин».

19 декабря 1944 года из Кремля была получена следующая телеграмма:

«Заместителю народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР, начальнику Управления милиции Начкебия.

Заместителю начальника Управления милиции по политчасти Бежанову.

Передайте мой боевой привет и благодарность Красной Армии сотрудникам милиции Наркомвнутдела Грузинской ССР, которые собрали 580.633 рубля деньгами и 1.052.421 рубль государственного займа на постройку авиаэскадрильи «Милицейский Грузин». И. Сталин».

Прекрасно справился Капитон Начкебия с выполнением особого задания во время исторической Тегеранской конференции глав трех государств, где он находился в составе охраны советской правительственной делегации.

В 1953 году К. Начкебия назначается министром внутренних дел Абхазской АССР, откуда он вышел на заслуженную пенсию. За долгие годы работы в органах внутренних дел и ГПУ К. Начкебия отдавал много сил, знаний, энергии делу обучения личного состава милиции военным и политическим знаниям, укреплению их боеготовности и воинской дисциплины. За длительную и плодотворную работу в органах Советской власти, за образцовое выполнение особых заданий Капитон Григорьевич Начкебия был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя — Красной Звезды, орденом Отечественной войны I и II степеней, шестью медалями, почетными званиями «Отличный милицейский» и «Отличный чекист».

Целую плеяду отличных работников воспитал Капитон Начкебия. Сегодня его воспитанники работают на руководящих постах в органах внутренних дел, отдавая все силы борьбе за выполнение возложенных на них сложных и благородных задач.

Капитон Начкебия был заслуженным чекистом. Путь, пройденный им от рядового милицейского до комиссара милиции, — прекрасный пример служения социалистической Родине.

Коммунист — главный герой литературы

КАЖДАЯ эпоха порождает своего литературного героя, в котором воплощена суть социальных преобразований того или иного времени. И чем полноценнее герой в смысле своего художественного выражения, тем полнее представлена в его действиях, поступках, образе жизни и мироощущении сама эпоха.

В советской литературе идеалом признан герой, наиболее полнокровно отражающий социалистическую действительность. Это прежде всего передовой представитель нашего общества, человек, находящийся в первых рядах строителей коммунизма, — коммунист.

Все свои успехи советский народ связывает с деятельностью созданной Лениным Коммунистической партии, справедливо признанной «умом, честью и совестью нашей эпохи». Коммунисты были в первых рядах борцов, сбросивших иго самодержавия; в огне гражданской войны они отстояли завоевания революции; они же были застрельщиками в переустройстве народного хозяйства на социалистической основе и самоотверженно сражались в годы Великой Отечественной войны; коммунист — герой пятилетки, коммунист — подлинный герой будущего. И потому совершенно естественно, что главным героем нашей литературы является коммунист.

Уже не только для советского, но и для читателя во всем мире любимыми книгами стали «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чапаев» Д. Фурманова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева и другие, в которых нарисованы волнующие образы людей, беззаветно преданных коммунистическим идеалам.

Грузинская литература тоже достаточно богата традициями создания художественного образа коммуниста. Еще в конце XIX и начале XX века грузинские писатели-революционеры в своих произведениях, проникнутых пафосом борьбы, создали образы героев, борющихся за освобождение народа. Написано немало книг, посвященных истинным рыцарям революционного движения в Грузии, представителям первого поколения грузинских коммунистов, таким как Ладдо Кецохели, Саша Цулукидзе, Арсен Джорджиашвили. Вспомним в этой связи произведения Иродиона Евдошвили «На могиле героя» (Л. Кецохели), «Судье», «Герою» (А. Джорджиашвили) и другие.

Когда мы говорим об образе коммуниста в грузинской литературе, нельзя не обратиться в первую очередь к известному стихотворению Г. Табидзе «Корабль «Даланд», написанному в 1918 году, еще в период господства меньшевиков в Грузии. Этим стихотворением Г. Табидзе первым в грузинской литературе открывает грузинскую Лениниану, воспевая величайшего вождя мирового коммунистического движения:

Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль... И в стуже
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело...

(Перевод Н. Заболоцкого)

После установления в Грузии Советской власти грузинская Лениниана обрела широкий масштаб, а в нашей литературе появились образы достойных представителей ленинской партии. Даже не упоминая произведений грузинских пролетарских писателей, достаточно отметить, что в двадцатые годы затопивший образ Ленина создали Поало Яшвили («Ленин» и «Сенная аробная») и С. Шаншиашвили («Ленин на броневике»). В этот период любимым лирическим героем грузинских поэтов стал верный защитник завоеваний революции, человек, увлеченно строящий социализм. Поэзия все более проникалась революционным, коммунистическим духом. Ведь к этому призывал своих собратьев по перу Галактион Табидзе, когда в полный голос заявил:

Мы же станем — во имя отчизны —
Там, где огненный ангел простерся.
Новым дням отдаем свои жизни
Мы, грузинской земли стихотворцы.

(«Поэтам Грузии», перевод П. Антокольского)

Одним из лучших образцов грузинской советской поэзии является баллада С. Шаншиашвили «Единственный сын с Лениным», в которой молодой герой уверенно пошел за Лениным», бился в гражданской войне, «у красных за красное знамя боролся...».

Обобщенный художественный образ коммуниста в грузинской прозе появился несколько позже. Правда, еще в «Хизанах Джако» Михаила Джавахишвили в образе Ниника проступают черты коммуниста — вожака деревни, но образ этот остался незавершенным (хотя архив писателя свидетельствует о том, что автор, работая над продолжением романа, стремился написать четвертую, последнюю его часть, в которой Ниника должен был предстать во всей полноте своего коммунистического мировоззрения). В конце 20-х годов мы уже имеем дело с достаточно удачными попытками создания образа коммуниста в творчестве Н. Лордкипанидзе («С тропинок на рельсы»), Р. Гветадзе («Тео», «Костер») и других.

В 1931 году на страницах «Мнатоби» был опубликован известный роман К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды» (тогдашнее название — «Долой кукурузную республику»), главный герой которого рядовой коммунист Тарасий Хазарадзе стал во главе беднейшего крестьянства и середняков деревни и первым в Имерети организовал сельскохозяйственную артель. Известно, в какой напряженной обстановке классовой борьбы протекала коллективизация деревни: кулаки, прибравшие к рукам все богатство деревни, всячески препятствовали созданию колхозов, уничтожая вожаков колхозного движения. Но дело, начатое коммунистами, увенчалось успехом.

Изображенный К. Лордкипанидзе Тарасий Хазарадзе — кровный сын своего времени, и каждый его шаг определяется требованиями времени. Тарасий — это человек, который «всегда верит в правду своих слов» и потому легко заставляет и других поверить в эту правду. Даже явные классовые враги признают, что «Тарасий на авось ничего не начнет». У Тарасия достаточный опыт революционной деятельности — еще во время меньшевиков он, будучи совсем молодым, был проводником восставших лечхумских отрядов. Хазарадзе способен видеть ошибки не только других, но и свои собственные и исправлять их. Он обращается за советом к организатору земледельской сельскохозяйственной коммуны Кобе Чохели (Коба Чохели реально существовавшее лицо — старый большевик, партизан, один из пионеров колхозного строительства в Грузии).

В «Заре Колхиды» замечательно показано, как пополняются за счет передовой молодежи ряды партии. Таков в первую очередь бывший батрак, впоследствии передовой комсомолец Меки Вашакидзе.

Довольно интересные образы коммунистов даны в «Феро» Б. Чхеидзе (Лука Волков — Лаврентий Мгеладзе), в «Этажах» П. Чхиквадзе (Григол Гигаури) и многих других его произведениях — «Товарище Бутхузи» (Борис Бутхузи), «Романтической истории» (Георгий Хандавели), «Новом материке» (Иордан Гвамичава). В романе «Гвади Бигва» Лео Киачели создан один из самых впечатляющих образов коммуниста — председателя колхоза Геры Бигва, под умелым руководством которого деревня окрепла не только экономически, но и выросла в культурном отношении. Преобразился и занял свое место в рядах передовых людей села перевоспитанный им Гвади Бигва — в прошлом лентяй и злодей.

Значительным явлением в грузинской поэзии 30-х годов были «Ударным бригадам» Алио Мирцхулава, в которых с необычайной точностью передан кипучий темп наших пятилеток.

Известно, что творчество Константи́на Гамсахурдиа 20-х и начала 30-х годов отмечено определенными противоречиями. Литературная критика в ту пору

была чрезвычайно строга к талантливейшим писателям нашего времени. Но сегодня ни для кого уже не является спорным тот факт, что от острого писательского глаза К. Гамсахурдиа не укрылись те величайшие общественные преобразования, которые имели место в нашей стране с самого же начала двадцатых годов. Писатель увидел и, главное, сумел отразить в своих произведениях напряженный пафос строительства социализма и организующую роль Коммунистической партии.

В его «Похищении луны» крупным планом представлена действительность одного из наиболее значительных периодов жизни советских людей — периода коллективизации, со всеми характерными для него противоречиями и остротой. Среди многочисленных героев романа особенно резко очерчены как образы людей новой формации — строителей социализма, так и явные классовые враги, колеблющиеся элементы, политически индифферентные, лишние люди, переродившиеся личности. Правда, «лишний» человек Тараш Эмхвари занимает в романе главное место, но идейный акцент произведения все же в основном падает на Арзакана Звамбаи — человека нового времени, самоотверженно преданного новым идеалам и твердо знающего, что необходимо «...создать людей с новыми взглядами на жизнь. В Сванети плуг революции должен очень глубоко захватить целину. Иначе этот народ неминуемо погибнет». Арзакан верит, что «жизнь создана для труда и борьбы». В романе ярко обрисованы образы и других коммунистов (Чалмази, Личели).

Таким образом, Константинэ Гамсахурдиа одним из первых показал широким планом в грузинской литературе образы настоящих коммунистов. Те новые люди, которых он обрисовал в «Похищении луны» так полнокровно и сделал в какой-то мере героями будущего, непосредственно в жизни сформировались с еще большей определенностью, обрели новые качества, а образы их в литературе стали еще более рельефными. Уже в новом романе К. Гамсахурдиа «Цветение лозы» героями стали продолжатели героической деятельности Арзакана, Чалмази, Личели, Дзабули и других — Годердзи Эланидзе, секретарь райкома Цихистави, Нуну Уджираули и другие.

Секретарь райкома Цихистави во многом сродни Чалмази. Но Цихистави уже не теоретизирующий, а действующий герой, и потому он более полнокровен и совершенен.

В «Цветении лозы» профессор Коринтели и секретарь райкома Цихистави едины в своих помыслах и устремлениях. Они вместе делают большое нужное дело. Этим фактом писатель символически указал на то, что решения, мероприятия и дела нашей партии и государства подсказаны и подготовлены достижениями народа и имеют под собой прочный фундамент. И потому на митинге в Бермуха Цихистави разговаривает с сомневающимися крестьянами не сухим языком документов, а опирается на научно обоснованные соображения профессора Коринтели и таким путем добивается успеха.

Коринтели — представитель беспартийной интеллигенции, но он человек, проникнутый коммунистическим духом. Цихистави, несмотря на свою молодость, проявляет все качества настоящего партийного руководителя.

О его высоких человеческих качествах говорит Коринтели, а Годердзи Эланидзе «всегда привлекала твердость и непоколебимость Цихистави», его способность постигнуть душу человека. Ему абсолютно чужды самоуспокоенность и самодовольство. Не удовлетворяясь достигнутыми успехами, он постоянно требует еще большего, и в первую очередь — от самого себя. Он знает, что ему еще многое нужно познать, чтобы быть достойным высокого назначения секретаря райкома. Читатель верит в искренность слов, с которыми он обращается к Коринтели, — таких людей, которые достойно будут выполнять обязанности секретаря райкома, партия, наверное, будет готовить — секретарь райкома должен быть всесторонне образованным человеком.

Наряду с секретарем Цихистави автором создан прекрасный образ молодого коммуниста Годердзи Эланидзе. Выросший в тяжелых семейных условиях, Годердзи свою жизнь связал с колхозом. Идеино закаленный в рядах комсомола, а затем в партии, этот молодой человек главным смыслом своей жизни считает преданное служение народу. Правда, трудные семейные условия в какой-то мере сузили арену его деятельности, но он сполна проявляет качества передового советского молодого человека, коммуниста. Годердзи организовал молодежь на закладку виноградников на Арашенда-Гвелетском нагорье, внося этим большой вклад в то дело, за которое боролись Цихистави и Коринтели.

Боевые подвиги грузина-героя Василия Кивидзе в гражданской войне легли в основу пьесы Ваннона Дарасели «Кивидзе». Написанная еще до Великой Отечественной войны, эта пьеса и сегодня с успехом идет на сцене, так как в ней создан живой колоритный образ беззаветного борца за революционные завоевания.

Великая Отечественная война явилась жесточайшим испытанием для нашего народа и общественного строя. Эта война со всей наглядностью продемонстрировала еще раз, что воспитанные на коммунистических идеалах советские люди — неодолимы. Во время войны коммунисты как на фронте, так и в тылу всегда были в первых рядах. Существует бесчисленное множество фактов того, когда беспартийные люди, идя на выполнение сложнейших боевых заданий, просили в случае смерти считать их коммунистами.

Во время войны и в послевоенный период в нашей литературе было создано много произведений, героями которых являются коммунисты. Одним из замечательных образов военной лирики является стихотворение Ираклия Абашидзе «Капитан Бухайдзе». И сейчас, по прошествии стольких лет, нетрудно представить, какое воздействие на читателя оказывали слова:

Я, грузин Бухайдзе. Повержен	Я бы отдал опять свое сердце
Вражьей пулей в Кавказских горах...	Милой родине в грозном бою,
...Если б мог я воскреснуть из мертвых,	Вновь бы умер за землю родную,
Если б ожил внезапно мой прах —	Ту, что грудь покрывает мою.

В основу стихотворения И. Абашидзе были положены факты, имевшие место в действительности, героизм убежденного коммуниста-патриота капитана Бухайдзе. Стихотворение придало более обобщенный характер этим событиям и поэтому обладает большой силой воздействия.

Много таких героических образов создано в грузинской литературе. Это произведения Л. Киачели, Д. Шенгелая, К. Лордкипанидзе, Г. Натрошвили, М. Мрвлишвили, Р. Гветадзе и других, перечислить которых просто невозможно.

Наш народ с особой благодарностью вспоминает тех писателей, которые во время Великой Отечественной войны сами встали в ряды защитников Родины. Держа в руках боевое оружие, они не забывали и другого своего оружия — пера и в произведениях, созданных на фронте, до конца оставались коммунистами. Многие из них пали смертью героев и нашли вечный покой в братских могилах. Такая судьба постигла и молодого поэта Севериана Иснани, оставившего потомкам прекрасный сборник своих стихотворений. В Великую Отечественную войну смертью героя погиб талантливый молодой поэт Мирза Геловани, который в написанной в 1939 году поэме «Шавнабада» давал клятву Родине. Он говорил, что если понадобится, то ради выполнения священного долга не колеблясь отдаст жизнь. В 1941 году, когда началась война, Мирза Геловани уже был в рядах Советской Армии и писал с фронта родителям и сестрам: «Это самая большая война, которая когда-либо была на нашей земле. Войны Ганнибала, Александра Македонского, Наполеона не могут сравниться с масштабами этой войны. И никогда нигде не было сознания такой гордости, как у меня сейчас, как у всех моих товарищей». Примечательны и следующие слова из этого письма: «Хотя жизнь моя шла будто рядом с книгами, здесь, возле орудий и машин, я чувствую себя так, будто родился вместе с ними». И фронтовые стихи Мирзы Геловани как бы художественное осмысление процитированных здесь строк, которые сам автор объединил под названием «Военная лирика». Эти стихи написаны истинным патриотом и героем, тем, кто, как говорил он сам, пришел к орудию ребенком, а сейчас считает морщины на лбу; тем, кто видел, как пуля прошла мимо него, но остывала в сердце его друга. И потому во весь голос он заявляет: если погибну, знаю, меня, закаленного в боях, согреет ненависть к врагу.

Мирза Геловани и сам стал литературным героем. Его жизнь и творчество были положены в основу многих художественных произведений. Мы назовем лишь одно из них — поэму Джансуга Чарквиани «Мирза Геловани». Опираясь на личные письма и художественные произведения Мирзы Геловани, он создал замечательную лирическую поэму, главным героем которой является беззаветно преданный Родине поэт-воин.

В грузинской литературе коммунист и положительный герой как бы сливались воедино. Положительному герою-коммунисту приходилось вести борьбу с явным и скрытым классовым врагом. Редко появлялся в литературе персонаж — коммунист с отрицательными чертами (Туча Дашиани в «Заре Колхиды» и Аренба Арлани в «Похищении луны»).

В силу собственного слабоблия, чрезмерного самолюбия или каких-либо других обстоятельств они были подвержены влиянию классового врага. В 50-х годах появляются литературные герои, которые со всей определенностью проявляют свои отрицательные качества, но в то же время занимают высокие руководящие посты в партийных организациях. Таков, например, герой «Дамбы» О. Чхендзе — Алавадзе, который без всяких оснований освобождает от занимаемой должности замечательного коммуниста — секретаря райкома Ираклия

Щубитидзе. Истинный коммунист в прошлом — секретарь райкома Гедeon Варамадзе («На Алазани» Т. Донжашвили) зазнается, утрачивает черты коммуниста, и в конце концов полностью перерождается.

Еще совсем в недавнем прошлом в нашей республике широко распространялись многие негативные явления, причиной которых было ослабление партийно-организационной работы. Создавшаяся обстановка не могла не оказать отрицательного воздействия на литературную жизнь, что и произошло в действительности. Но к чести нашей литературы надо сказать, что она часто поднимала свой голос против негативных явлений. Создавались произведения, в которых эти негативные стороны подвергались острой критике. И это говорит о высоком сознании гражданского долга нашими писателями и указывает на их принципиальную партийную позицию. Ясно и то, что наши писатели создавали произведения, главный герой которых — коммунист, достойный этого высокого звания. Некоторым авторам удавалось при показе негативных явлений создать законченный образ настоящего коммуниста.

В то время, когда обусловленная корыстными целями угодливость обрела силу, когда к этому некоторые руководящие работники призывали прессу, радио, а вместе с ними и литературу, у Ладо Мрелашвили хватило гражданского мужества в очень резкой форме обличить недостатки в своем романе «Кабахи». Обличение недостатков для литературы социалистического реализма — дело не чуждое. Но это обличение никогда не должно принимать циничные формы, оно не должно погасить чувства перспективы, и в его основе должно быть здоровое начало. Л. Мрелашвили точно определил свои задачи, разобрался в том, что надо ниспровергнуть, а что — необходимо утвердить в борьбе. Писатель видит серьезные недостатки и вместе с тем замечает жизненные силы, которые успешно борются со злом и побеждают его. Это здоровое начало связано в романе «Кабахи» с главным героем — Шавлего.

В «Кабахи», таким образом, наше внимание привлекают два персонажа — председатель чалиспирского колхоза Нико и молодой ученый Шавлего. Нико — в прошлом батрак, приобрел качества хорошего партийного руководителя. Его знали как инициативного коммуниста, он первым встал во главе колхозного движения в Чалиспири. В свое время чалиспирский колхоз был передовым, но Нико постепенно погрузился в болото самоуспокоенности, подвергся недугу показного благополучия, что, конечно, отбросило успехи всего села далеко назад.

Именно такую обстановку застаёт в Чалиспири Шавлего, который никогда не думал о деятельности в селе: приехал сюда, чтобы отдохнуть и поработать над своей диссертацией. И поначалу он в самом деле не вмешивается в сельские дела, но жизнь вынуждает его к активным действиям. Он становится во главе сельской молодежи и оказывается лицом к лицу против Нико. Эта борьба за коммунистическую мораль завершается его победой, так как на его стороне большая правда новой деревни.

Очень показателен образ коммуниста Гиви в романе Э. Майсурадзе «Утраченные мечты». С фронтов Великой Отечественной войны он вернулся инвалидом, но сильный характер и воля помогли ему в трудной обстановке сполна проявить свой организаторский талант и возглавить трудящихся своего села.

В последнее время в нашей республике проведены важнейшие мероприятия по ликвидации негативных явлений и улучшению морально-психологического климата, что оказало весьма плодотворное воздействие на развитие литературы. Постепенно в ней все большее место занимает герой наших дней, передовой человек коммунистического труда. В этом деле значительную направляющую роль сыграло Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков, состоявшееся в Тбилиси 23 — 27 апреля 1974 года. Оно было посвящено проблеме создания образа коммуниста в современной советской литературе. Совещание прошло под девизом «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

Замечательное стихотворение Шота Нишнианидзе «Коммунисты» было признано одним из серьезных успехов грузинской советской лирики. В высоком звании коммуниста воплощены все те высокие идеалы, к которым стремились, в борьбе за которые жертвовали жизнью лучшие умы человечества, — таков пафос стихотворения.

Не каждый может зваться — Коммунист, Но если коммунистом назовут,
не все достойны имени такого, то не должно быть сил тебя сильнее, —
не каждый перед словом этим чист. в народе слово коммуниста чтут,
Добыто кровью лучших это слово. с народом

жизнью связан ты своею.

(Перевод А. Кравцова)

Благодарные потомки никогда не забывают героические бои старой гвардии большевиков, солдат великого Ленина. В 1917 году громовые раскаты революции прозвучали над всем миром, и нельзя не помнить о тех, кто ее совершил. Этому поколению убеленных сединами славных революционеров посвящено стихотворение Нодара Гурешидзе «Старой гвардии большевики», в котором звучит клятва отцам и дедам, клятва в том, что наша молодежь успешно придет к цели, поставленной предшествующими поколениями.

Славные простые старики,
Вас люблю я нежно и глубоко —
Старой гвардии большевики,
Рыцари без страха и упрека.

Кажется, не грех и отдохнуть,
Посидеть над медленной рекою,
Вспоминая легендарный путь...
Только не привычны вы к покою.

Плохо ноги слушаются вас:
Были каменистыми дороги.
Но живут по всей земле сейчас
Ваши мысли, вера и тревоги.

Ваша кровь, как прежде, горяча,
И глаза, как прежде, молодые,
Старики — гвардейцы Ильича —
Совесть и величие России!

Значит, революция живет.
Значит, вами сделано немало.
В наших жилах ваша кровь течет.
Ваша правда нашей правдой стала.

Славные простые старики,
Вас люблю я нежно и глубоко —
Старой гвардии большевики,
Рыцари без страха и упрека.

(Перевод А. Радковского)

Настоящая литература — плоть от плоти реальной действительности, живых людей, действующих, переживающих, строящих новое. Только те литературные герои остаются в сердцах читателей, которые приходят на страницы книг непосредственно из жизни. Эта точка зрения как лейтмотив звучит в стихотворении Иосифа Нонешвили «Леса зовут поэтов».

...И чтоб стихи не покрылись мохом,
Каждый день как колокол зари
На строительные леса призывает поэтов,
Строительные леса коммунизма.
Здесь наша слава куется,
Здесь решается судьба народа.

Да, именно там нужен стих, как
Знамя,
Песня,
Тепло,
Радость.

(Подстрочный перевод)

Сейчас появилось немало интересных стихотворений, очерков, зарисовок, рассказов, созданных на основе непосредственных впечатлений от поездок грузинских советских писателей в промышленные центры и на колхозные поля, на стройки, от знакомства их с передовиками коммунистического труда. Так было создано одно из лучших стихотворений Григола Абашидзе «Думы в ущелье Ингури», которое посвящается знатному проходчику тоннеля Шукри Абакелиа и по существу вдохновлено его славными делами.

Освоение Колхидской низменности объявлено делом величайшей государственной важности. Колхида — один из участков коммунистического труда. На XIII пленуме Центрального Комитета Компартии Грузии отмечалось, что Колхида — это новые чайные плантации и цитрусовые сады, новые совхозы ценнейших субтропических культур. Колхида — это развитое животноводство, обладающее надежной кормовой базой. И наконец, Колхида — это новые курорты. Мы обязаны, и мы поставим на службу народу богатства этой уникальной целины.

В гостях у тех, кто осваивает Колхиду, побывал поэт Джансуг Чарквиани. Он встретился с людьми, «самоотверженными патриотами Родины, чьи имена как звезды должны сверкать на небосводе Грузии». Непосредственным впечатлениям от этих встреч обязаны мы его поэме «В Колхиду, ребята!». В поэме показаны реальные личности, которые прославились на освоении Колхидской низменности. Автор вдохновенно, с публицистическим пафосом рассказывает об их коммунистическом труде и призывает молодежь принять участие в этом благородном деле. И в самом деле, пламенным патриотизмом звучат слова поэмы:

И мне на небесных дорогах Колхиды
Солнце силу дало героическую,
Я стал у стройки истоков
И назвал ее комсомольской.

...Я будущее прорезаю лучом,
Друга зову как близнеца-брата,
И на призыв коммунистов
Я отвечаю, как коммунист.

(Подстрочный перевод)

О передовиках коммунистического труда написаны и опубликованы до-
 тойные внимания художественные очерки, среди которых следует отметить
 «Любовь заставила говорить» К. Лордкипанидзе, «Писатель и жизнь» Г. Нат-
 рошвили, «Лелианское утро» Б. Чхеидзе, «Ширакская степь» Т. Донжашвили,
 «Кавалер Золотой Звезды» и «Тридцать лет у мартеповской печи» Г. Панджи-
 кидзе, «Звезда освещает землю» А. Гецадзе и т. д. В них не только показан
 героический дух наших дней, но и ставятся многие злободневные проблемы.

Издательство «Мерани» создало в 1973 году специальную серию «Гру-
 зинские писатели на вахте пятилетки». В этой серии печатаются стихи, поэмы,
 рассказы, очерки, в которых отражен самоотверженный труд нашего народа в
 успешном выполнении IX пятилетки. Уже больше пятидесяти грузинских пи-
 сателей участвовало в сборниках этой серии.

Черты истинного коммуниста, весь его моральный кодекс замечательно
 сформулирован в Программе Коммунистической партии Советского Союза.

Весь этот сложный комплекс жизненных принципов, исходя из их внут-
 реннего содержания и общественных функций, невозможно выполнить, чтобы
 «не гореть и не испепеляться» в борьбе за высокие идеалы эпохи. Замечатель-
 но сказал Хута Берулава:

...Умираем мы, как солдаты,
 Как солдаты, в огонь идем.
 Будет жалко, простясь со светом,
 Знать, что — все уже... не судьба...
 Но ведь дом этой жизни светлой
 Строим не для одних себя.

Вот и я ведь мечтал и мечтаю
 О грядущем земли моей...
 Смерть не властна, я так считаю,
 Над строителем этих дней!

(Перевод Л. Темина)

«Горящий и испепеляющийся» за осуществление этих нравственных прин-
 ципов человек с развитым сознанием гражданского долга и есть лирический
 герой многих стихотворений Х. Берулава.

Истинный коммунист — самый решительный и всегда побуждающий к
 движению вперед — так говорится в «Манифесте Коммунистической партии».

В результате кипучей политико-организационной деятельности партийной
 организации Грузии преодолено серьезное отставание первых двух лет пяти-
 летки, и пятилетний план в целом выполнен успешно. Славно поработали тру-
 дящиеся нашей республики в девятой пятилетке. В десятой пятилетке предсто-
 ит взять новые рубежи. Уверенностью в том, что коммунисты не подведут,
 проникнуты строки стихотворения Реваза Маргиани:

И когда мы любимся новыми рубежами
 Впереди голубое сияет будущее,
 И стоит непоколебимо вечно стойкая
 Армия грузинских коммунистов.

(Подстрочный перевод)

Многое написано о коммунистах Грузии, об их замечательных достижен-
 ях. Создано немало красочных образов героев эпохи — коммунистов. Но в то
 же время еще много тем и проблем, связанных с их воплощением в литерату-
 ре, ждут своей реализации.

В наши дни возник новый тип партийного руководителя, который еще не
 нашел своего отражения в грузинской литературе во всей своей многосторон-
 ности и полноте. Многое еще предстоит сделать грузинским писателям, чтобы
 успешно выполнить те задачи, которые поставлены перед нами Центральным
 Комитетом КПСС.

У грузинских писателей своя пятилетка. Об этом прекрасно сказал нака-
 нуне VIII съезда писателей Грузии Нодар Думбадзе. Конечно, «...ни в одном
 разделе плана не значится, сколько миллионов стихотворных строк должно
 быть написано, сколько тысяч романов, повестей и рассказов выйдет в свет. И
 это понятно. Труд литератора, как и труд художника, музыканта, специфичен.
 Но писатель прежде всего — гражданин, сын своего Отечества. Он живет дела-
 ми, радостями и заботами родного народа. Литература ищет и находит свои
 темы, свои образы, свои сокровища в самой реальной действительности».

ВЗГЛЯД ВНУТРЬ

СЕГОДНЯ, в середине семидеся-
 тых годов, явственнее просту-
 пают тенденции, характерные
 для грузинской поэзии прошлого деся-
 тилетия. Два лирических цикла Ирак-
 лия Абашидзе — «Приближение» и «По
 следам Руставели», созданные в 60-е
 годы, наглядно показывают, как за-
 рождалась и набирала силу значитель-
 нейшая из этих тенденций — новое ос-
 мысление проблемы самовыражения
 личности, взаимоотношений обществен-
 ного долга и внутреннего кредо худож-
 ника.

«Приближение» пронизано одним
 лейтмотивом — высшая цель искуства
 и драматизм невозможности ее аб-
 солютного осуществления. Стихотворе-
 ния этого цикла объединены одной
 проблемой, но отнюдь не одним наст-
 роением. Даже в самом «Приближе-
 нии», стихотворении, которое дало на-
 звание всему циклу, слышен согретый
 радостью бытия поэтический голос:

Не желаю жалеть
 Ни о чем, что растрчено мною.
 И печали и радости
 Канули в небытие.
 Но душа сохранила
 Дыханье июльского зноя —
 Вдохновение мое,
 Основное богатство мое.
 На порог полувека
 Шагну через радость и горе,
 Испытующим взглядом
 Бескрайний простор обниму
 И услышу опять,
 Как взывает ко мне на престо́ре
 Голос первой любви,
 Не поведанный мной никому.

Минутное сомнение, тень тревож-
 ных раздумий здесь больше походит на
 поэтическую условность, чем на дей-
 ствительно драматический вопрос:

Но, быть может, когда
 Перейду за порог полувека,
 Для грядущей строки

Мне дыханья не хватит в груди,
 Слово звучность утратит
 И станет хромать, как калека,
 Мой стареющий стих...
 Что ему суждено впереди?

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Схожие настроения в другом сти-
 хотворении этого же цикла — «Кто меня
 упрекнет...». Здесь поэт с чувством ис-
 полненного долга говорит о своей твор-
 ческой судьбе. Ему не о чем спорить
 с прошлым, казалось бы, не в чем уп-
 рекнуть себя: «Кто мне бросит уп-
 рек, что холодно тенью жизнь я про-
 жил, не ведая жизни самой?» — за-
 пальчиво восклицает он. Все это, ко-
 нечно, так, но именно это «казалось бы»
 в дальнейшем превратится в предмет
 пристального, самоуглубленного ана-
 лиза.

Как само стихотворение «Приближе-
 ние», так и весь цикл озаглавлен в
 знак приближения к полувекковой чер-
 те жизни, однако это название сегодня
 можно воспринять и как приближение к
 главной, заветной теме поэзии Ираклия
 Абашидзе. Каждое стихотворение из
 этого цикла говорит о том, как, при-
 ближаясь к полувекковой черте, поэт все
 явственнее ощущал, что ему не уйти
 от ответов на вечные и тем не менее
 ягучие вопросы самовыражения лично-
 сти, вопросы свободы и несвободы,
 счастья и горечи творчества. Все эти
 проблемы через несколько лет вновь
 зазвучали в «Палестине, Палестине!..»
 — полном драматизма повествовании о
 счастье и трагедии гения.

Обращение к музе — у Ираклия
 Абашидзе взволнованный и напряжен-
 ный монолог; то, что мы в другое вре-
 мя именовали бы талантом или же
 творческой судьбой, здесь окрещено од-
 ним всеобъемлющим именем — «вдох-
 новение». Творческое чутье помогает
 поэту избежать проторенных троп, и
 поэтому даже те вопросы, которые в

Поэтике именуются риторическими и не требуют ответа, произносятся с безыскусной страстью:

**Хвала тебе. Живи и правь вовеки.
Но все ж, когда творит рука творца,
всегда ль ты воплощаешь до конца
всю страсть, которой тесно в человеке,
всю доброту, всю боль, весь гнев его?
Во все века они рвались наружу.
Ты помогло им? Более того,
живя в душе, ты не сожгло ли душу?**

(«Вдохновение», перевод А. Межирова)

В зрелые годы человек, художник все чаще размышляет над вопросами, которые вряд ли взволновали бы его в юную пору: успеет ли он завершить задуманное, сможет ли сделать осязаемым свой внутренний мир или же его песнь оборвется на полуслове и россыпь всех его мечтаний, открытий, страстей не порадует ничей глаз, не затронет ничье сердце — растворится в бездне и улечитца. Для истинного поэта проблема самовыражения отнюдь не уместается в настоящем и будущем измерениях. Прошлое, если только он не закрывает глаза на это прошлое, предъявляет ему свой счет: напоминает о всех несбывшихся мечтах, невоплощенных в слово страстях, напоминает о подрезанных крыльях смелости, и тут совесть художника беспощадна, как шекспировский Шейлок — она велит любой ценой возместить неоплаченный поэзии долг:

Как мне назвать вас?

Гимном или стоном,

**Который так и не исторгнут мной;
Кромешной преисподней или лоном
Седьмых небес, где куццы, свет и зной;
Свирелью кроткой или трубной медью,
Бедой или весельем на пиру?
Как величать?**

Рождением или смертью? —

Я этого и сам не разберу.

Кем были вы,

мольбою о пощаде

Или проклятьем, —

так и не постиг,

И все же — будьте счастливы.

Прощайте!

Пусть вас увековечит этот стих.

(«Памяти невысказанных стихов»,
перевод А. Межирова)

Эти строки писались почти одновременно с хорошо известным «Плачем по двум нерожденным поэмам» Андрея Вознесенского, и думается, это было не простым тематическим совпадением, а поэтической декларацией утверждения новых высоких нравственных ценностей в советской поэзии предыдущего десятилетия.

Однако вернемся к самому стихотворению. Нетрудно заметить, как перестает здесь поэтический режиссерский мышление о прошлом, о своей творческой судьбе. Если тревога за «недоказанность песни» приходит вместе с возрастом, то молчаливый упрек за невысказанные стихи ощущается камнем на шее уже независимо от возраста. Конечно же, тут нужна одна оговорка: и этот упрек и истинную тяжесть этого «камня» чувствует лишь истинный художник, тот, который кроме таланта награжден еще и чувством ответственности за этот талант.

«Тайна неизреченных стихов» — сквозная тема «Приближения». И есть какой-то действительно тайный, сокровытый смысл в том, что наиболее совершенные строки «Приближения» — «беспольный плач по совершенству».

**Не искушай, метафора, не мучай
ни уст немых, ни золотых чернил!
Все му, что есть, давно уж выпал**

**случай —
со всем, что есть, его поэт сравнил.
Но скрытная, как клинопись на стенах,
душа моя, средь бдення и снов,
все алчет несравнимых, несравненных,
не сказанных и неслезанных слов.
Рука моя спешит предаться жесту —
к чернильнице и вправо вдоль стола.
Но беспольный плач по
совершенству —
всего лишь немота, а не слова.
О, как желает сделаться строкою
невнятность сердца на исходе дня!
Так, будучи до времени скалою,
надгробный камень где-то ждет меня.**

(«Камень», перевод Б. Ахмадулиной)

Все новые и новые мифистифельские вопросы тревожат воображение поэта: а вдруг не стоило писать даже то, что уже написано: быть может, прошлое было лишь самообманом и не прекрасная муза вдохновения, а вездесущая сила суеты водила пером? Эти вопросы отнюдь не риторически звучат в одном из самых драматических стихотворений цикла — «Дух преследующий». С каждым последующим вопросом монолог поэта приобретает все более трагическое звучание. Чувствуется, что ответы на эти вопросы для поэта равнозначны дилемме — «быть или не быть?».

Необходимо ли?

Необходимо ль это?

Подай же голос!

Сколько ждать ответа,

дух непреклонный послегрозовой?

Прими, признай

или отринь мятеежно,

но все ж: необходимо?

Неизбежно?

О, как неспешен взгляд безмолвный
твой!

(«Дух преследующий», перевод
Ю. Ряшенцева)

— вопрошает лирический герой стихотворения. Цикл «Приближение» создавался в годы значительной переоценки нравственных ценностей, и не удивительно, что помимо внутренней драмы художника в стихотворении проглядывают контуры иного, несоизмеримо большего масштаба.

«Дух преследующий» в абашидзевском цикле стихов как бы «уравновешивается» другим стихотворением — «Дух защищающий», смысл которого воспринимается лишь в сопоставлении с контекстом «Духа преследующего». Можно было бы многое сказать о драматическом пафосе «Духа защищающего», однако тут есть одно «но». Начинается монолог с трагической тональности:

Так, значит, не видал?..

Не замечал?..

Не слышал?..

Ни за что не отвечал?..

Так, значит, не постиг?..

Не понял сути?..

А просто просыпался, засыпал,

Нигде не поскользнулся, не упал,

А тихо процветал в тепле, в уюте?

Так, значит,

ни сомнений, ни печали,

и по ночам раздвывая не стучали

в твоё окованное око?

Хоть истина не так проста,

однако

вся тяжесть вопросительного знака

тебе не горбит плечи все равно?

Увы, мановением волшебной палочки мгновенно исчезает вся «тяжесть вопросительного знака», трагическое «фортиссимо» монолога сменяется на куда более жизнерадостную интонацию:

О нет,

картин былых не воскрешай,

былым речам звучать не разрешай!

Ты только жил.

Ты никого не предал.

Ты жил.

Ты ничего не разрушал.

Не разводил.

Ты только жил.

Дышал.

Не видел!..

Не слышал!..

Не знал!..

Не ведал!..

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Однако эта апология растительной жизни, даже артистически преподнесенная, неубедительна, и Ираклий Абашидзе в дальнейшем, размышляя о судьбе Руставели, первым усомнится в истинности своих скоропалительных ответов на сложнейшие дилеммы жизни. Поэта, а тем более истинного поэта, не украшает самоуспокоение, и прав был Гурам Асатиани, когда писал, что «слова, сказанные в защиту поэта в «Духе защищающем», звучат гораздо глуше, чем разице и порицание прочие вопросы «Духа преследующего».

Для постижения внутреннего настроения цикла «Приближение», некоего связующего духа, собравшего под один свод разные по тематике стихотворения, нужно прежде всего перечитать «Мцхету». Невидимый собеседник поэта, объект этого стихотворного послания, несомненно, дорог поэту. Но этот собеседник — неисправимый скептик, и его ехидная улыбка, его любимая поговорка, что все — «суета сует», несоместимы с мироощущением лирического героя Ираклия Абашидзе. В этом собеседнике, в этом антипode можно усмотреть, конечно, и самого поэта, его второе, вечно сомневающееся «я», отзвук тех сомнений и тревог, от которых не свободен ни один мыслящий человек. Но в сущности для нас и не важно, противопоставлены здесь две личности или две ипостаси одного творческого лица. Главное то, какой этический принцип и какое чувство — скепсис или вера победят в душе человека. Этой проблеме и посвящена «Мцхета».

Если для временщика, смотрящего на мир глазами потребителя, смысл жизни — в личном благополучии, то скептик вообще не видит в жизни никакого смысла, считая каждое человеческое деяние суетой сует. Не удивительно, что подобное всеотрицание в конце концов оборачивается против самой личности: убивается изначальный творческий импульс, одергивается воодушевленный порыв, жизнь оказывается обесцвеченной и унылой... Этой бездеятельности, скептической позиции автор «Мцхеты» противопоставляет яркий пример творческого отношения к действительности. И на самом деле, в сознании мыслящего человека каждый феномен искусства — будь то мцхетский Джвари или же полотно Пиросмани — говорит о постижении не только тайн искусства, но и какой-то особенной, прекрасной тайны жизни, говорит о вечном стремлении человечества к прекрасному идеалу. И если бы не было этого стремления, предыдущие поколения оставили бы нам лишь необходимые в быту предметы — в угоду утилитарности, не подумав об их

внешнем виде, изыске, совершенстве. И дело не только в том, что последующее поколение не смогло бы любоваться «формой этих амфор, лебединой повадкой кувшинов». Без этой встречи с прекрасным оно мало что знало бы о своем прошлом, о традициях и вкусах предков, и естественно, что поколение, лишенное этого духовного и эстетического опыта, не смогло бы идти в ногу со своей эпохой. Еще несколько таких поколений, и весь народ оказался бы на отшибе цивилизованного мира.

Если рукотворный феномен искусства для Ираклия Абашидзе — символ непрерывной связи времен, созвучности со своим временем, с эпохой, то в красоте природы он видит претворение магического круговорота жизни. Поэт старается не разграничивать эти два прекрасных мира и каждое их проявление соотносит с движением собственной души.

Чем более гармонично мироощущение поэта, чем более приближается его концепция человека к классическому идеалу личности, тем больше созерцательности в его строках. Иногда эта созерцательность имеет несколько элегический оттенок.

Быть может, скорбь для наших душ
и тел
пустой урон, не явный поначалу.
Быть может, страсть имеет
свой предел,
и как ни плыть, а приплывешь
к причалу.

(«Быть может, впрямь есть мера
у любви...», перевод Ю. Ряшенцева)

Но еще чаще в размышлениях поэта звучит один рефрен: человек не может быть до конца счастлив, если он из покорителя природы хотя бы на минуту вновь не превратится в ее любящего сына. И действительно, тот, кто не утратил дар прислушиваться к нашему вечному собеседнику — природе, постигает высшее блаженство. Освобождаясь от всех пут и масок повседневности, он обретает свое истинное лицо и, познавая окружающую красоту, познает самого себя. Чудо свершается: вернувшись в объятия матери-природы, беспокойный первенец постигает ее тайную грамоту, ее волшебный язык. Без постижения этой вечной тайны, пожалуй, не существовала бы сама лирическая поэзия, и мало таких поэтов, в чьи лирических дневниках не сохранились бы первые уроки этого волшебного языка. Есть такие страницы и в лирической тетради Ираклия Абашидзе:

С горами разговаривать могу,
Пойму следы на девственной траве,
И уловлю цветка ночного шепот,
Постигну, для чего тростник поет
И почему на скалах стонет лед, —
Природа мне поведала свой опыт.
Словарь ее бессменной красоты —
Родной земли тяжелые пласты —
Из века в век без усталы листали,
Но как словами ни владей,
А все равно на языке людей
Язык природы непередаваем.

(«У Алазани», перевод А. Межирова)

В мироощущении поэта таинственна и сама жизнь, и сам акт творчества. Не случайно, рожденный на первых же страницах «Приближения» лейтмотив поиска «вечного света» («Кто меня упрекнет...») становится характерным для всего этого цикла стихов.

Для поэта классическая гармония мироздания — предпосылка творческого озарения, и автор «Приближения» верит, что, лишь постигнув суть прекрасного, можно создать новый феномен искусства. Идеальный образ первооткрывателя прекрасного, наделенного даром слышать музыку природы вещего поэта предстает перед нами в одном из лучших стихотворений «Приближения»:

Непостижимый слух,
уму и сердцу сопричастный!
Звучанье чудное!
Души внезапное смятенье!
Поет роса,
трона, слеза...
Не петь они не властны:
Есть в мире час,
когда поют предметы
и растения.

Каждый предмет поет, мир ликует, когда его слушатель — истинный творец. Волшебная лира возвращает самобытность не только предметам, но и людям... В природе воцаряется небывалая гармония (такая же, какая воцарялась вместе с песней Орфея или Автандила):

Есть в мире час,
когда поют растения и вещи:
Поют цветы,
и ночь звенит,
Поют в горах тропинки.

(«Поэт», перевод В. Потаповой)

Нетрудно догадаться, кто является прототипом этого стихотворения Ираклия Абашидзе. Вещный поэт с «потапеным слухом» — конечно же, Галактион Табидзе. И вместе с тем — «Поэт» не посвящение и не преисполненный пингета жест перед патриархом гру-

инской поэзии. Это стихотворение рассчитано на более обширный масштаб: дар большого художника приносит радость открытия не только ему одному. Этот редкостный дар — путеводный луч для познания мира прекрасного. И если миг творчества — высшее проявление человеческой души, то удел остального человечества — постижение прекрасного замечательно само по себе и является одной из основ всеобщей гармонии и счастья.

Стихотворения Ираклия Абашидзе, в которых обрисованы силуэты его предшественников и сововарищей по перу, облаканных всеобщей любовью поэтов и лишь посмертно признанных художников («Один день у потерянной могилы художника Нико Пиросмани», «Паоло Яшвили», «Георгию Леонидзе», «Памяти Бараташвили»), довольно несхожи по своей поэтической тональности, силе эмоционального напряжения. Их общий знаменатель — нарочитый, принципиальный отказ от одописательного славословия. Мартиролог грузинского искусства заполнялся дрожащей рукой поэта, для которого искусство всегда несовместимо с небытием и забвением.

Каждый из нас особенно остро ощущает потерю близкого человека в те минуты, когда нам недостает его тепла, юмора, таланта. Лишь память сохраняет характерную для него одного улыбку, интонацию, привычки; казалось бы, незначительные, но многоговорящие детали. В поэтическое повествование Ираклия Абашидзе именно эти детали и вносят дух необычайной интимности и задушевности. Вместе с тем поэт не забывает дать общий, характерный абрис своего воображаемого собеседника. Именно таким приемом обрисована в «Приближении» жизнерадостная, раблезианская натура Георгия Леонидзе:

Жизнь наградой была —
как ты прав, что гордился ты этим!
Достоянием своим
ты недаром считал белый свет.
Право, если не нам,
то кому же,
кому и владеть им:
Или твой этот мир,
или ты — не творец, не поэт.

(«Георгию Леонидзе», перевод
Ю. Ряшенцева)

Мне кажется, с гораздо меньшей экспрессией написан «Один день у потерянной могилы художника Нико Пиросмани». Пиросмани посвящено немало стихотворений, и уже одно это обязывает поэта с особой бережностью относиться к избранной теме. Развернутая

иллюстрация одного образа, метафоры большей частью оправданы лишь в поэтических миниатюрах, во всех же иных случаях подобный принцип сказывается на образном и эмоциональном строе стихотворения.

В «Приближении» ярко представлена «пейзажная» лирика Ираклия Абашидзе. Кавычки здесь поставлены не случайно, так как «пейзажными» эти стихи можно назвать лишь с некоторой долей условности: почерк абашидзеовской лирики 60-х годов здесь особенно заметен — лиричас трудно уловить, где кончается лирический пейзаж и где начинается раздумье о вечных вопросах бытия. Об одном из этих стихотворений — «Апрель» критик Георгий Натрошвили в предисловии к абашидзеовскому «Избранному» (1969 г.) писал: «В стихотворении Ираклия Абашидзе раскрыта отсутствующая необычайной радостью таинственная сила жизни и возрождения, которая очаровывает человека и заставляет сильнее биться его сердце. Человек не может бестрепетно взирать, когда перед ним впервые рождается мир, рождается в шумном клокоцущем празднестве».

На интересном и многозначительном сопоставлении построена одна из миниатюр «Приближения». Ираклий Абашидзе пишет, что поэты, как и перенесшие ранение фронтовики, ломотой в костях предчувствуют любое изменение погоды («Осень»). Не так уж мало поэтов, творческий барометр которых все время показывает «ясно». Однако истинный художник избегает участи такого предсказателя. Прекрасный пример тому — цикл стихотворений «Приближение».

Поэтический цикл «По следам Руставели» ярко выразил основную тенденцию грузинской лирики предыдущего десятилетия — обострившийся интерес к проблеме человека и самовыражения творческой личности. Эта поэтическая тетрадь Ираклия Абашидзе в свою очередь подразделяется на два лирических цикла: «В знойной Индии» (стихотворения «Корни», «По следам Руставели», «Голос Руставели в глухой пустыне», «Поэтам Индии», «Амрите Притам, индийской поэтессе», «Ласточки», «Январь на берегу Ганга», «О, как многие живут...») и «Палестина, Палестина!..», прелюдией к которой воспринимается предыдущий цикл стихотворений.

Так же как и в действительности Ираклий Абашидзе не нашел в Индии руставелевский след, в «Знойной Индии» ему, пожалуй, не удалось найти ту меру условности, которая во многом обусловила успех «Палестины, Палестины!..». Не случайно, несмотря на тематическое родство, стихотворения индийского дневника разительно отличаются друг от друга уровнем осмысления и ху-

дожественного воплощения той или иной темы. И если «В знойной Индии» все же заметна печать яркой авторской индивидуальности, то только там, где поэт нащупал тему и интонацию «Палестины...». Эту находку нетрудно увидеть в строках «Голоса Руставели в глухой пустыне».

В этом стихотворении, диалоге поэта с воображаемой тенью великого предка, сквозь внешне спокойную ткань поэтического повествования проглядывает застенная страсть и безысходность: романтическая легенда об изгнании Руставели, зазвучавшая на языке поэзии, приобретает трагический смысл. Эмоциональное напряжение стихотворения накапливается с каждой строкой. Вражде, лести, зависти, измене противопоставлена одна, всемогущая и всепоглощающая сила, которая, по словам Данте, «движет солнце и светила», — любовь. В воображаемом диалоге поэта со своим великим предком, казалось бы, поставлена последняя точка. Однако Ираклий Абашидзе стремится угадать в строках поэмы все больше и больше реалий из жизни ее гениального автора. «Палестине, Палестине!..» Ираклий Абашидзе предпослал несколько слов, обращенных к немеркнущему образу Руставели: «Всем сердцем жаждал твой далекий потомок представить себе, что думал и переживал ты в те последние дни жизни.

Так зачти ему эти «голоса», как действительно услышанные им в грузинском Крестном монастыре Палестины, в твоём последнем убежище, спустя семьсот лет после твоего бесследного исчезновения».

Существует несколько форм духовной связи с прошлым. Естественно, что каждый художник ищет в прошлом именно те веки, которые импонируют его сегодняшним идеалам и настроениям. Именно поэтому трудно себе представить, чтобы «Палестина, Палестина!..» имела действительный успех, будь этот цикл создан испытанным методом одописательной лирики.

Автор «Палестины, Палестины!..» не ограничивается поэтическим воссозданием руставелевской судьбы. Для него это лишь первопричина в цепи размышлений о судьбах человека и целого народа, об антиномии веры и сомнения, о призывании художника и драматизме его самовыражения. Поиск ответа на эти вечные проблемы в «Палестине...» обличен в смелую и на редкость удачную по замыслу форму воображаемого руставелевского монолога. Стихи-обращения «Ты здесь...» и «Неизвестная надпись на грузинском пергаменте Палестины», в которых автор уже непосредственно обращается к образу Руставели, как бы обрамляют трагический монолог великого старца.

Этические искания автора «Палестины...» имеют вполне целенаправленный характер. Не случайно в речи на руставелевских торжествах в Тбилиси в 1966 году Ираклий Абашидзе особое внимание уделил проблеме человека и художника в творчестве Руставели. «В нашу эпоху, в наш грозный век, — писал Ираклий Абашидзе, — историческая несправедливость часто возвышает в роковые правители стран тех, в чьих руках цена человеческой жизни колеблется подобно курсу акций на бирже от значимой цифры до нуля.

Сделать стабильной ценность человека — вот идеал Руставели. Вот главный лозунг, который должен быть написан на знамени борющихся за прогресс, мир и свободу сил нашей эпохи...

Руставели завершил, обосновал и вычеканил тот высший идеал человечности, о котором только мог мечтать средневековый мир. И, увы, не только средневековый. Он вознес человека на невданную прежде, да и долго потом, высоту. Этим он надолго опередил европейский Ренессанс.

Руставели говорит, что в этом мире высшая ценность — человек и только человек; что человек должен быть гармонически прекрасен — прекрасными должны быть его душа и тело, его мысли и деяния, и наконец, в концепции Руставели человек должен так совершенствовать свою волю, чтобы направлять все свои помыслы и дела на служение только лишь благородным целям».

Эта пространная цитата, по-моему, еще раз подтверждает, что «Палестина...» — художественное выражение глубоко осмысленной и продуманной нравственной и гражданской позиции.

Если цикл стихов «По следам Руставели» постепенно вводил читателя в орбиту тем и настроений «Палестины», то у самого второго цикла есть своя увертюра — стихотворение «Ты здесь»:

**Ты здесь...
В погоне за тобой
шла жизнь.
Ширяла непогода
крылом над жизнью и судьбой.
И вот — порог.
Стою у входа.
А за порогом темный скит,
Конец скитаний — начало,
— где мне исполнить предстоит
все, что отчизна завещала.**

— говорит автор «Палестины...», и трудно сказать, чего — радости или печали — больше в его взволнованном голосе.

Стихотворение «Ты здесь» воплощало многие поэтические находки: это было и эмоциональным отзвуком путешествия в Палестину, и лирическим дневником, в котором в отличие от ин-

дийского цикла стихов все меньше и меньше места уделялось внешним реакциям (всему поверхностному, доступному взгляду любого туриста), и наконец, здесь, в этой увертюре к «Палестине...», уже набирает силу особый магнетический (или магический?) контакт с прошлым, привлекающий в орбиту наших чувств, интересов, переживаний Минувшее. Ко всему этому можно добавить лишь одно — обнаружив в иерусалимском Крестном монастыре фреску с изображением Руставели, Ираклий Абашидзе мог уже с уверенностью назвать главнейшую тему своего творчества.

В «Палестинском дневнике» Ираклия Абашидзе (напомню, что это описание поездки в Палестину И. Абашидзе, Г. Церетели и А. Шанидзе, которым было поручено изыскание руставелевских реалий, вышло на грузинском языке в 1961 г.) с особым интересом читаются те места, в которых рассказано, как потрясла грузинских ученых первая встреча с Руставели в Крестном монастыре — когда на очищенной от наслоений извести колонне перед ними предстал образ коленапреклоненного старца. И вместе с тем, как бы образно ни было рассказано об этом у Абашидзе-повествователя, лишь Абашидзе-поэт передает нам ту дрожь волнения, с которой грузинский поэт ищет следы Руставели: мы догадываемся, какая духовная энергия сконцентрирована в том миге, когда наш современник вступает на порог последней обители своего великого предка.

Для «палестинского» цикла стихотворение «Голос у стен Крестного монастыря» имеет принципиальное значение. Не уяснив себе истинного смысла этого монолога, мы вряд ли поймем подлинные цели этических исканий Ираклия Абашидзе. Поэта волнует не абстрактный ответ на антиномию слепой веры и сомнения, догмы и освобожденного сознания, бесправия и свободы, а конкретная позиция художника, когда сама жизнь требует от него окончательного и бесповоротного выбора:

Мой разум и сознание
высшим даром
я почитал, не ведая вны,
ибо они
из всех существ
недаром

лишь человеку только и даны.
Ты поклоненья требовал слепого,
коленапреклоненья одного,
но только мысли, воплощенной
в Слово,

я поклонялся, веря в естество.
И если в замысле твоём высоком
я человеком был,
и если ты
однажды взвесил совершенным
оком

мои несовершенные черты,
и если ты
печаль и радость —
разом —
дал мне вкусить на праведном пути,
то я желал
раскрепощенный разум,
освобожденье мысли
обрести.

(Перевод А. Межирова)

Барьер слепой веры на пути раскрепощенного разума, естественно, является преградой и для самовыражения личности, для утверждения независимого творческого «я» художника. В таком русле продолжают развиваться размышления поэта в последующем стихотворении «палестинского» цикла — «Голос в Крестном монастыре».

Здесь еще раз сказались присущая «позднему» Ираклию Абашидзе манера — в размышлениях над вечными вопросами жизни и искусства не ставить точку над *i*. «Голос в Крестном монастыре» опять же несет печать «тяжести вопросительного знака». Художественное чутье подсказывает автору «Палестины...», что «тяжесть» эта не излишний груз на трудном, но благородном пути самостоятельного познания истины.

Не каждый поэт является выразителем новых общественных тенденций. Ираклий Абашидзе, казалось бы, исподволь готовился к этой миссии: с годами в его поэзии суесловие все меньше и меньше затемняло сущность, сиюминутность — непреходящие ценности. Абашидзевская лирика шестидесятых годов была уже зримым результатом, завершением долгого, сложного процесса внутреннего самосовершенствования. Вместе с тем прекрасные страницы «Приближения» и «Палестины...» говорили о новом духовном опыте всей нашей поэзии.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СОВРЕМЕННОИК...

ИНТЕРЕС к истории, к выдающимся историческим личностям, жажда человека воссоздать с большей или меньшей достоверностью картину их жизни, как можно глубже проникнуть в их творения, мысли, чувства поистине неутолимы.

И потому мемуары занимают в художественной литературе особое место. Мемуарная литература — это не только воспоминания. Сюда входят дневники и автобиографии, заметки и размышления, а также эпистолярное наследие. В большинстве случаев автор мемуаров является свидетелем или непосредственным участником описываемых им событий общественной жизни.

Высокий уровень обобщений и достоверность иной раз настолько сближают художественную прозу и поэзию с мемуарными произведениями, что их разграничительные черты как бы ступшеваются. Так, например, собрание генеральных произведений Давида Гурамишвили «Давитиани» является поэтическим рассказом о себе и своем времени, а мемуарное произведение Акакия Церетели «Пережитое» может быть поставлено в один ряд с лучшими художественными повестями той эпохи.

Мемуары привлекают внимание не только историков, литературоведов и исследователей различных областей культуры, но и широкого круга читателей, и поэтому книги этого жанра занимают заметное место в наших издательских планах.

Если в XVII—XVIII столетиях в Грузии было немного таких значительных мемуарных произведений, как «Путешествие в Европу» Сулхан-Саба Орбелиани, то в XIX и в начале XX века грузинская мемуарная литература обогатилась большим числом произведений, разнообразных по отраженным в них историческим периодам времени, общественному значению и позиции, занимаемой их авторами.

К числу таких мемуаров следует отнести «Воспоминания о шестидесятих годах» Нико Николадзе, «Записки проезжего» Ильи Чавчавадзе, «Пережитое» Акакия Церетели, «Пастушеские воспоминания» Александра Казбеги, «На жизненном пути» Давида Клднашвили, «Воспоминания о Льве Толстом» Нино Накашидзе, «Воспоминания о моей жизни» и «Незабываемые встречи» Софрома Мгалоблишвили, «Воспоминания» Якова Мансвешташвили, «Воспоминания» Важа Пшавела, «Записки» Александра Сумбаташвили, «Воспоминания» Котэ Марджанишвили, «Театральные воспоминания» Ушанги Чхеидзе, «Год у Родена» Якова Николадзе и другие.

Особое место в мемуарной литературе Грузии занимают воспоминания о революционном прошлом старых большевиков, соратников и учеников В. И. Ленина, требующие, безусловно, специального изучения и обобщения.

Много ценных воспоминаний посвящено нашими современниками событиям предреволюционной поры и первым годам революции, становлению советского социалистического общества, боям за Родину в период Великой Отечественной войны, недавним будням социалистического строительства.

В этих воспоминаниях отражены значительные исторические события («Воспоминания» Давида Сулиашвили, «Незабываемые дни и мгновения» Русудан Николадзе), становление колхозного строя и дружба народов (воспоминания председателя колхоза Михако Орагвелидзе), ратные подвиги наших партизан («Кровью героев» Давида Бакрадзе и «В Ордышевском лесу» Дави-

да Квицаридзе), путевые заметки, впечатления о зарубежных поездках, встречах («На берегах Ганга» Ираклия Абашидзе, «Пути и встречи» В. Алпнидзе).

Богатый фонд грузинской мемуарной литературы составляют воспоминания советских писателей Михаила Джавахишвили, Лео Киачели, Константинэ Гамсахурдия, Галактиона Табидзе, Симона Чиковани, Тициана Табидзе, Серго Клдидашвили, Георгия Леонидзе, Геронтия Кикодзе и многих других. В этих воспоминаниях нашли отражение самые разнообразные темы и вопросы, межнациональные культурные связи и дружба народов.

В 1969 году издательство «Мерани» выпустило в свет путевые записки Сулхан-Саба Орбелиани «Путешествие в Европу» в русском переводе Фатьмы Твалтвадзе с предисловием Георгия Леонидзе, написанным задолго до выхода русского издания книги. Редакция текста и послесловие к нему — Реваза Барамидзе.

Читатели получили возможность познакомиться и с мемуарами автора классического произведения «Мудрость вымысла», этого выдающегося просветителя и гуманиста, писателя и лексикографа, государственного деятеля и дипломата второй половины XVII — начала XVIII века.

Сулхан-Саба Орбелиани принадлежал к числу тех представителей грузинской общественности, которые были особенно озабочены судьбой своей родины.

Грузия издавна ориентировалась на помощь и поддержку могучего северного соседа — России и только в отдельные периоды своей истории, в силу определенных сложных обстоятельств, была вынуждена искать поддержку у стран Западной Европы. Именно такая дипломатическая миссия выпала на долю Сулхан-Саба Орбелиани, когда его воспитанник — владетель Картли Вахтанг VI был вероломно схвачен шахом Ирана. «Саба не отступился от своего воспитанника даже в этой, казалось бы, безнадежной ситуации, — писал в предисловии Георгий Леонидзе, — именно ради спасения Вахтанга он и принял позже трудное путешествие в Париж и Рим и, опираясь на свои католические связи, добивался там материальной и моральной поддержки против исконных врагов».

Во время своего путешествия Сулхан-Саба Орбелиани встречался с королем Франции Людовиком XIV и папой римским. Всюду его встречали и провожали с большими почестями, как знатного гостя. И хотя представители духовенства старались ограничить круг его наблюдений только осмотром церквей и монастырей, ему все же удавалось знакомиться с жизнью простых и страждущих людей, с экономическим и социальным укладом быта в селах и городах, через которые он проезжал, с произведениями искусства.

Хочется обратить внимание еще на одну особенность повествования Сулхан-Саба Орбелиани. Автор «Мудрости вымысла» не мог оставить без внимания притчи и поверия, услышанные им.

С присоединением Грузии к России (начало XIX столетия) в грузинских мемуарах находит глубокое отражение сближение передовых сил Грузии и России в освободительном движении, прошедшем в России, по определению В. И. Ленина, три главных этапа. Наиболее широко и разносторонне в мемуарах видных представителей национально-освободительного движения в Грузии освещен второй период — «разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1862 по 1895 год»¹.

Общепризнанным образцом грузинской мемуаристики являются «Записки проезжего» Ильи Чавчавадзе, относящиеся к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов прошлого столетия. Они знаменуют собой целую полосу в истории грузинской общественной мысли, важный ее этап, который принято связывать с плеядой грузинских шестидесятников — «тергдалеули» (дословно — «испившие воды Терека»). Это определение, ставшее символом дружбы грузинского и русского народов, относилось к тем молодым людям — будущим грузинским общественным деятелям, которые стремились получить высшее образование в Петербурге. Их путь в Россию пролегал по Военно-Грузинской дороге (отсюда — упоминание Терека). Подчеркнуто назвав свои мемуары «Записками проезжего», Илья Чавчавадзе, видимо, имел в виду эту, тогда единственную, транспортную артерию, связывавшую Грузию с Россией.

О том, как осмысливались шестидесятниками поездка в Петербург и пребывание там, можно судить по следующим строкам из воспоминаний Ильи Чавчавадзе:

¹ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 25, с. 93.

«Четыре года прожил я в России и не видал родины. Четыре года? Поймешь ли ты, читатель, какими четырьмя годами были эти четыре года? Во-первых, они — целая вечность для того, кто провел их вдаль от своей родной страны. Во-вторых, эти четыре года были фундаментом жизни, точником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмой! Но не для всякого! Только для тех, кто поехал в Россию, чтобы образовать свой ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок. Это те четыре года, когда в уме и сердце юноши завязывается завязь жизни. Эта та самая завязь, из которой, быть может, разовьется прекрасная, рдеющая виноградная кисть, а может быть, и пустоцвет. О, вы, золотые мои четыре года! Благо тому, под чьей ногою не надломится перекинутый вами мостик, благо тому, кто плодотворно использовал вас...».

Действительно, из завязи жизни, о которой писал автор «Записок проезжего», развилась «прекрасная, рдеющая виноградная кисть», ибо он и другие шестидесятники плодотворно использовали время, отведенное им жизнью на учение, и впоследствии сумели претворить свои знания с великой пользой на родной почве. Нет, не надломился «перекинутый мостик», а наоборот, окреп и выдержал испытания временем.

Для того, чтобы в самых общих чертах сказать о том времени, приведу только несколько строк из «Воспоминаний о шестидесятих годах» Нико Николадзе: «То было раннею весной, не только моей, а и всей России и даже Европы. После тяжкого гнета, мстившего за 1848 год, то там, то сям сверкало зарево рассвета». Далее Николадзе дает обзор отдельных сторон политической жизни Италии, Франции, Австрии, Америки и самой России, где рушилось крепостное право, и заключает: «Весна была в полном разгаре, в прямом и переносном смысле. Был март 1861 года. Я собирался в Петербург для поступления в университет...». Грузины-студенты не только овладевали науками, но и принимали активное участие в общественно-политической жизни, в революционной борьбе студенчества.

И как восторженно писал Нико Николадзе в тех же воспоминаниях:

«Когда в Петербург пришли новые номера «Колокола» со статьей «Исполнин просыпается» и со списком студентов, захваченных 13 октября, т. е. нашими фамилиями, мы были на седьмом небе: поймите, ведь это в нашем лице впервые просыпается исполин—Россия!».

Призывный звон герценовского «Колокола», пламенные слова прокламации «К молодому поколению» достигали слуха студенчества. «Ну как тут не возмечтать, — восклицает Николадзе, — не пожелать участия в далеких подвигах».

Из воспоминаний Нико Николадзе — видного общественного деятеля, публициста, друга Герцена и Чернышевского — можно заключить, как велик был диапазон общественных интересов и устремлений передовых представителей грузинской интеллигенции второй половины XIX века.

Студенты из Грузии, обучающиеся за границей, овещали в грузинских газетах важнейшие события международной жизни. Так, в 1871 году, они писали о борьбе Парижской коммуны, о деятельности Первого Интернационала. С большим энтузиазмом воспринималась в Грузии борьба национального героя Италии Гарибальди за честь и свободу своей родины. Сошло на любопытный эпизод, приведенный в связи с этим в воспоминаниях Нино Накашидзе: Л. Н. Толстой, обратившись к ее супругу Илье Накашидзе, спросил: «Что это за город был в Грузии, откуда послали в Италию семье Гарибальди телеграмму с выражением соболезнования в связи со смертью Гарибальди?», «Гори», — ответил Илья Петрович. «Да, да, Гори, — подтвердил Толстой. — Все знали, что это Гори где-то в России, но на карте он не значился, и поэтому никто не мог определить, откуда эта телеграмма была прислана. Я тоже, конечно, не знал...»².

Большое влияние на передовых представителей грузинской общественности оказывали взгляды, суждения и практическая деятельность второго поколения русских революционеров и, прежде всего, Н. Г. Чернышевского, что нашло яркое отражение в грузинских мемуарах того периода.

Стремясь полнее показать эту связь широкому кругу читателей, наше издательство выпустило в 1949 году сборник «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе». Очерчивая круг связей и знакомств Нико Николадзе, составитель сборника и автор предисловия к нему профессор Ваню Шадури пишет: «Н. Николадзе сближается с Чернышевским и его кругом, встречается с Герценом и сотрудничает в его «Колоколе», знакомится с

¹ «Летопись дружбы...», т. 1, с. 500.

² Там же, с. 376.

К. Марксом и П. Лафаргом, с В. Гюго и А. Доде, переписывается и дружит с Г. Успенским и А. Плещеевым, М. Антоновичем и Н. Михайловским, спорит с Луи Бланом и М. Бакуниным, ведет переговоры с министром двора гр. Воронцовым-Дашковым и флигель-адъютантом гр. Шуваловым об освобождении Чернышевского из ссылки, беспощадно разоблачает Каткова и других реакционеров».

Замечательную жизнь прожил Николай Яковлевич Николадзе. Его личный архив, охватывающий без малого столетие (1843—1928), содержит ценнейшие материалы, дополняемые его же интересными мемуарами. В настоящее время в плане нашего издательства предусматривается выпуск сборника избранных статей Н. Николадзе.

Передовые деятели грузинской общественности XIX столетия чутко прислушивались ко всем прогрессивным веяниям, идущим из России и с Запада, внимательно следили за национально-освободительным движением в других странах и, прежде всего, за освободительной борьбой второго поколения русских революционеров, идейно тяготели к редакции «Современника» и горячо откликались на все значительные события международной жизни. Этот большого общественно-политического значения фактор не только не ослаблял их деятельность на родном поприще, а наоборот, усиливал ее, нисколько не снижал их озабоченности о нуждах и интересах своего народа, а наоборот, обострял ее. Все это с большой силой убежденности выражено в мемуарных произведениях.

Остановимся на одном ярком и убедительном по своей искренности эпизоде из «Пастушеских воспоминаний» Александра Казбеги.

На свой же вопрос: что привело его к решению стать пастухом? — он отвечает:

«Мне захотелось обойти родные горы и долины, ближе сойтись с народом и самому испытать радости и тревоги, неразлучные с жизнью пастуха.

У меня, человека гор, было небольшое стадо овец. Продав кое-какие земли, я увеличил свою отару, раздобыл себе ружье, взял палку и сделался таким образом пастухом.

Моя затея была на первых порах жестоко осмеяна. Все говорили, что мне, дворянину, сыну знатного человека, не к лицу пастушествовать, но у меня была своя цель, свои желания. Я хотел ближе узнать свой народ, его сокровенные чаяния, пожить его жизнью, самому испытать все радости и печали, сопутствующие повседневной жизни труженика. — и разве мог я оставаться дома! Я добился своего, я познакомился и сблизился с теми людьми, которых так жаждал узнать поближе...»¹.

Такое знакомство и сближение состоялось, в основном, во время перегона отар на зимние пастбища в Чечню. Путь пролегал через Дарьяльское ущелье, мимо бесчисленных постов царской администрации и казачьих заслонов, вымогавших взятки за пропуск отар, открыто грабивших пастухов и даже вступающих в вооруженные стычки с ними.

Продолав это путешествие с отарами, Александр Казбеги воочию убедился, как бесправен народ, как унижен труженик. Возмущенный беззаконием, он решает съездить во Владикавказ и рассказать обо всем знакомому с ним представителю администрации — господину Делакруа. Но так случилось, что их встреча состоялась по дороге. С грохотом подъехал экипаж, и из него вышел сам Делакруа.

«Я объяснил ему все, — вспоминает Казбеги, — рассказал про наши бедды, и он сделал строгий выговор начальнику заставы.

— Милостивый государь, вы должны уметь разбираться в людях, не все ведь одинаковые! — добавил он между прочим.

Я просил не исключения для себя, а справедливости для всех и потому, не выдержав, сказал:

— Господин полковник! Я прошу не снисхождения к себе, а законных действий!

— Станный вы человек! — усмехнулся он. — Не можем же мы поступить одинаково с вами и с какими-то мужиками.

— Я полагаю, что закон для всех должен быть одинаков, исключения здесь неуместны.

— Сколько ни говорите, никогда этого не будет! — покачал он головой...»².

Так Александр Казбеги вынес первый урок из своего пастушества и заступничества, увидел, как велика бездна социального неравенства и несправедливости. Он сам, по своей воле, избрал себе удел простых людей из народа, но ни ад-

¹ Александр Казбеги. Избранное, 1974, с. 27.

² Там же, с. 9.

Сборник В. П. 2018-2019

министрация, ни аристократия не хотели считаться с его выбором. В этом он еще раз наглядно убедился, когда решил переодеться и сходить в Дзауги, чтобы довести до сведения тамошних властей факты о беззакониях, творимых их ведомстве.

«Я был уверен, — пишет А. Казбеги, — что начальство обратит внимание на мой рассказ, постарается изменить порядки, губительные для народа и нежелательные для властей. Но представьте себе мое изумление, когда слова мои оказались гласом вопиющего в пустыне.

Поступок мой долго служил развлечением для аристократических салонов Дзауги; там с улыбками передавали из уст в уста историю о том, как сын генерала ходит за стадом с пастушеским посохом в руках»¹.

Вот что пишет по этому поводу Бесо Жгенти в статье, заключающей одиотомник — «Избранное» — Казбеги, выпущенный нашим издательством к 125-летию со дня рождения писателя: «Для того времени это был беспримерно смелый шаг: он знаменовал собой решительный отказ Казбеги от породившего его сословия и переход на сторону народа».

И все же, несмотря на горькие разочарования и обиды, Александр Казбеги вынес из семи лет своего пастушества и путевых впечатлений много полезного и радостного. Он прежде всего сблизился с народом, заглянул в душу простых людей, познал их горести и радости и снискал в конце концов их доверие и сердечное расположение к себе. Более того, он узнал подлинные характерные черты соседних народностей, о которых из уст слышал одну хулу. Вот что пишет он в своих воспоминаниях:

«Блюстители порядка» нигде не пропускали нас без стычек. Зато какая разница была между ними и чеченцами, сказок о жестокости и злом нраве которых я слышал в детстве.

Завидев нас, они выходили на околицу аула, вежливо здоровались, будто со старыми знакомыми... Улыбались, спрашивались о наших урожаях и вообще о Гурджети.

Здесь явно жила вера в братство с нашим народом, судьба которого напоминала им собственную судьбу»².

Как радостно читать эти строки, написанные почти сто лет назад, и сознавать, что чувства дружбы и солидарности между народами всегда жили и никогда не угасали.

Александр Казбеги закончил свои воспоминания на описании перегона отар из Грузии в Чечню, «...Все, что я услышал, прочувствовал и осмыслил, — пишет он в заключение, — все это я решил передать в своих рассказах. Познакомить вас с обычаями и нравами народа, составляющего часть Грузии, и народов, дружественно с нею соседствующих, с которыми в будущем не миновать нам более тесных связей».

Поистине пророческие слова!

«Пастушеские воспоминания» Казбеги дают представление о том, что питало творчество этого большого мастера слова и мыслителя, какие передовые идеи национально-освободительного движения владели им, чему он посвятил всю свою жизнь.

Если Александру Казбеги понадобилось пастушествовать в течение семи лет, чтобы глубже вникнуть в быт и нужды народа, то Акакий Церетели начал познавать свой народ с самого раннего детства, ибо, как это издавна повелось в дворянских семьях, его отдали на воспитание в семью крестьянки-кормилицы. Именно с детской поры начинает он свои воспоминания «Пережитое». Глубоко переосмыслив переживания и наблюдения детских и отроческих лет, автор яркими и в то же время беспощадными красками обрисовал дворянско-помещичий быт. Одно описание обеденного церемониала в доме отца может быть признано суровым приговором тому классу, из которого он вышел. Зато как тепло и проникновенно рассказывает Акакий Церетели о народных играх и нравственном облике простых людей, как сочувственно пишет он о крестьянской доле...

С тонкой иронией и реалистической прямоотой обнажил великий писатель страшный уклад жизни в гимназии. Он оставляет гимназию за четыре месяца до окончания последнего учебного года, «чем очень, — по его собственному признанию, — всех удивил»³.

Характерно в воспоминаниях Акакия Церетели и Важа Пшавела совпадение взглядов на систему образования, установившуюся в условиях царизма.

¹ Александр Казбеги. Избранное, 1974, с. 9.

² Там же, с. 31.

³ Акакий Церетели. Избранное, с. 446.

«Восьми лет меня отдали в Телавское духовное училище, — пишет в автобиографических заметках «Моя жизнь» Важа Пшавела. — Пребывание в этом училище ничего не прибавило ни уму, ни сердцу моему. Забывание латинских и греческих фраз не отвечало ни моей фантазии, ни требованиям моего ума. Негодная система обучения не удовлетворяла мою любознательность, не давала ей достаточной пищи. Я вынужден был обращаться к различным книгам, которые и доставал с большим трудом, и, так как никто не руководил мною, я читал без разбора все, что попадалось мне под руку... Плоды просвещения после моего шестилетнего пребывания в Телави сводились к нескольким русско-греческо-латинским фразам (к грузинскому языку нас даже близко не подпускали) и к знанию русских былин, которые я изучал усердно и с увлечением, поскольку учитель русского языка, если мне память не изменяет. С. Рихиладзе, хорошо обучал нас своему предмету»¹.

Вернемся к воспоминаниям Акакия Церетели. Для показа его отношения к дворянско-помещичьему быту характерен, например, такой эпизод.

Однажды отец его, не дождавшись обязательного благословения трапезы, «отправил себе в рот изрядный кусок, прежде чем священник успел произнести «отче наш»... Отец, сообразив, какую он допустил оплошность, вскочил с места и помахал священнику рукой: читай, дескать, скорей! Священник торопливо пробормотал «отче наш» и благословил стол; лишь после этого отец проглотил лежавший во рту кусок, упрекнув при этом священника: «Чуть не подавился из-за тебя, отец! И проглотить страшно, и выплюнуть неловко, а ты тянешь да тянешь...». «Да не лишит меня бог вашей милости, — ответил священник, — я и без того гнал сломя голову, дважды даже пропустил в спешке...». Тут уже рассердилась мать и с упреком сказала отцу: «Видишь, к чему привело твое нетерпение! Из-за тебя даже священник впал в грех, совершил святотатство. Слыханное ли дело — читать молитву сломя голову и господа бога обманывать!»².

А вот другой случай большого социального смысла. В поместье Церетели вымерла семья крепостного крестьянина. В доме остался только девяностолетний старик. Отец Акакия решил переселить его к себе в дом, чтобы не пропал зря клочок земли, но старец отказался от такой милости, желая дожить свой век там, где жила его семья. Тогда последовал господский приказ переселить его насильно. Маленький Акакий вслушивался в ропот дворовых людей и слуг: так жестоко, мол, не поступают даже с собакой... Он пошел к отцу. И вот какой диалог состоялся между ними.

« — Батоно, что мы сделаем с нашей дворянкой, когда она состарится и не в силах будет уже лаять и грызаться?»

— Почему ты спрашиваешь об этом, сынок? Состарится и будет получать свою долю мчади, пока не околеет.

— А разве человек хуже собаки? Неужели тебе не жалко того старика, которого ты приказал выгнать из собственного дома и переселить в другое место?»

После этого красноречивого диалога Акакий Церетели продолжает: «Слова мои так подействовали на отца, что он отдал новое распоряжение:

— Оставьте старика в покое! Пускай живет у себя дома, и обеспечьте его всем необходимым.

После этого случая он часто, бывало, говорил:

— Чуть было не впал в грех по своей опрометчивости! Но ангел — слава ему! — надомил меня устами младенца»³.

¹ Важа Пшавела. Избранное, 1959, с. 240—241.

² Акакий Церетели. Избранное, с. 397.

³ Там же, с. 409.

Окончание следует

Эпоха, личная судьба, творчество

ЛЮБОЙ памятник прошлого, дошедший до наших дней, является документом, отражающим свою эпоху. Разумеется, речь идет о памятниках, имеющих определенную историческую и культурную ценность. Каждый такой документ в соответствии со своей спецификой передает ту или иную сторону своего времени.

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что по произведениям О. Бальзака можно лучше составить себе представление о буржуазных взаимоотношениях, чем по писаниям многих историков, экономистов и социологов.

Классическим историком в художественном творчестве и художником в исторических исследованиях был А. С. Пушкин. Его исследование о Пугачеве столь же художественно, сколь исторична повесть «Капитанская дочка». В обоих этих произведениях дана критика самодержавия, феодально-помещичьего уклада жизни тогдашней России. Подлинным пушкинским гением отмечены исторические записи великого поэта о Петре I и его эпохе, составляющие интереснейшем и сложнейшем этапе в истории России. С глубочайшим историзмом, достойным выдающегося исследователя, и с невероятной художественной силой показывает Пушкин гигантскую, противоречивую фигуру Петра, «разность между государственными учреждениями и временными его указами»¹.

В. И. Ленин в своей известной статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» дал ценнейшее методологическое указание о том, что действительно великий художник обязательно должен отразить в своих произведениях наиболее существенные черты своей эпохи¹.

В этой же статье содержится и другой не менее важный методологический постулат о возможном противоречии между взглядами, убеждениями художника и его творческой практикой.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого, — пишет В. И. Ленин, — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, с другой стороны — «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками»².

Это положение В. И. Ленина хорошо должны запомнить все исследователи литературного процесса и, особенно, вульгарные социологи, стремившиеся объяснить любые литературные явления

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений, М., 1962, т. 8, с. 323.

¹ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 17, с. 206.

² Там же, с. 207.

ния социальным происхождением, классовой позицией автора.

Безусловно, социальное происхождение, классовая позиция художника имеют большое, а порой, и решающее значение в формировании его политических и эстетических идеалов. Творчество В. Маяковского, например, является подлинно пролетарским отражением революции. Четкая классовая позиция поэта красной нитью проходит через все его творчество.

С. Есенин, как он сам об этом говорил неоднократно, воспринял революцию «по-крестьянски», с характерными для мелкобуржуазной стихии колебаниями (мелкий буржуа-крестьянин как труженик тянулся к социализму, но как мелкий собственник шел к нему с опаской, с оговорками. Здесь, естественно, не имеется в виду беднейшее крестьянство, в дни революции сразу же примкнувшее к пролетариату). Характерные для определенной части интеллигенции колебания в революции отразил в своем творчестве Б. Пастернак, который, приветствуя новую эру человечества, сокрушенно восклицал:

**Но как мне быть с моей грудной
клеткой
И с тем, что всякой косности косней?!**

Но тот же Б. Пастернак написал и «1905 год» и «Высокую болезнь», в которой дан великолепный образ В. И. Ленина, и «Лейтенанта Шмидта».

Однако отражение художником действительности, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, является процессом сложным, противоречивым, не уместающимся ни в какие заранее предусмотренные и выработанные рамки и схемы. Часто это отражение действительности опосредствовано через личную судьбу творца, которая в конечном итоге складывается в соответствии с эпохой, и сама эта судьба в свою очередь тоже отражает многие типические черты современности. Такова судьба А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Николаза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе и многих других писателей, мыслителей, деятелей культуры.

Подлинный творческий гений обладает одним поистине чудотворным, волшебным свойством. Тот или иной мотив, навеянный иногда самым простым эпизодом из биографии, приобретает в художественном произведении гигантскую обобщающую силу, общественное звучание.

«Его чувствования, — писал Илья Чавчавадзе о Николазе Бараташвили, — его бедствия и горести являются боль-

ше всеобщими, всечеловеческими, чем принадлежащими только его сердцу. Это стон — это стон человечества, его негодование — это негодование человечества...»¹.

Но это произошло лишь благодаря масштабному художественному обобщению рокового личного опыта Н. Бараташвили.

Из поэтов, в творчестве которых осязаемо звучат биографические reminiscences, хочется назвать Николаза Бараташвили и М. Ю. Лермонтова. Этих двух исполинов высокой поэзии роднит не только то, что они оба погибли, едва выйдя из юношеского возраста, и не только то, что оба явились жертвами самодержавного режима², но и то, что почти все тревожения и перипетии личной судьбы этих гениальных юношей отразились прямо или косвенно в их бессмертных творениях.

О тесной духовной связи М. Ю. Лермонтова и Николаза Бараташвили свидетельствует многое. Словно о Николазе Бараташвили писал М. Ю. Лермонтов следующие замечательные по силе пророчества слова: «Гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума».

«Я чиновник экспедиции суда и расправы, — пишет в первом из дошедших до нас писем Н. Бараташвили, — круг чиновников не выгоды для образования нравственности»³. А последнее письмо Николаза Бараташвили, написанное незадолго до его гибели, заканчивается знаменитыми лермонтовскими «И скучно, и грустно...»⁴. В статье «Николаз Бараташвили» критик и литературовед Лавросий Каландадзе отмечает:

«Судьба Николаза Бараташвили — глубоко трагична. Не этим, конечно, объясняется величие его гения, но тем не менее нельзя отрывать судьбу поэта от его творчества — ведь судьба его была как бы отражением судьбы его родины. Именно это определило направ-

¹ Илья Чавчавадзе. Полное собрание сочинений, т. IV, с. 250.

² На наш взгляд, факт посылки Н. Бараташвили не в Телави, а именно в Ганджу, с ее ужасным климатом все же недостаточно оценен биографами поэта. Многозначительна в этом плане докладная губернатора главноуправляющему Кавказа, в котором направление Н. Бараташвили в Ганджу мотивировано тем, что помощник Ганджинского уездного начальника Л. Андроникашвили тяжело болен лихорадкой и именно его надо направить в Телави, а Н. Бараташвили в Ганджу.

³ Николаз Бараташвили, Сочинения (на русском яз.), Тб., 1968, с. 169.

⁴ Там же, с. 198.

¹ Борис Пастернак. М., 1966, с. 147.

ление и характер творчества Николоза Бараташвили»¹.

Автор статьи не ставит себе целью полностью проанализировать в этом плане творчество поэта. Это — предмет отдельного фундаментального исследования. Наша цель — на отдельных сопоставлениях исторических и чисто биографических моментов жизни Н. Бараташвили, нашедших своеобразное отражение в творчестве поэта, проиллюстрировать высказанную выше мысль о соотношении эпохи, личной судьбы и творчества.

В своем великолепном очерке о Николозе Бараташвили² известный исследователь Павле Ингорквва описывает встречу Николая I с Николозом Бараташвили в 1837 году в Тбилиси.

Российскому самодержцу настолько понравился молодой грузинский поэт, что он назвал его своим «ординарцем», а в память об этой встрече Н. Бараташвили получил серебряную медаль «для ношения в петлице на Владимирской ленте в ознаменование высочайшего пребывания государя императора за Кавказом»³. Но все эти акции не вызвали ответной симпатии у грузинского поэта, ведь встреча этих двух Николаев произошла в год гибели А. С. Пушкина, в которой царское самодержавие сыграло роковую роль.

Но, как указывает Павле Ингорквва, эта встреча не прошла бесследно для Н. Бараташвили и нашла отзвук в его поэзии. В стихотворении «Раздумья на берегу Куры», созданном в конце 1837 года, поэт пишет:

**Завоеватели чужих краев
Не отвыкают от кровавых схваток,
Они, и полселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.**

**Что им земля, когда богатыри,
Они землю завтра станут сами?
Но и миролюбивые цари
Полны раздумий и не спят ночами!**

Павле Ингорквва находит, что в данном отрывке Н. Бараташвили противопоставляет «миролюбивого» царя Ираклия II «завоевателю» Николаю I. Отлично понимая все неудобства, связанные с полемикой с таким выдающимся ученым, как Павле Ингорквва, все же считаю нужным отметить, что такой вывод кажется несколько упрощенным, по крайней мере, спорным. Думается, Н. Бараташвили ставит вопрос шире, более обобщенно, не конкретизируя. От-

¹ Николоз Бараташвили. Тб., 1968, с. 99.

² См.: Николоз Бараташвили, Тб., 1968.

³ Там же, с. 14.

⁴ Там же, с. 22.

такаявываясь от личного впечатления от встречи с самодержцем, поэт дает характеристику самодержавия и тирании вообще, и в этом сила данного отрывка.

Многие события и факты из жизни Николоза Бараташвили нашли отражение в его бессмертной поэзии, но в творчестве поэта наиболее ярко отразилась его прекрасная, преисполненная трагизма и отчаяния любовь к Екатерине Чавчавадзе.

Не будем вести речь о таких шедеврах Н. Бараташвили, как «Серьга», «Княжне Е(катери)не Ч(авчава)дззе» и «Е(катери)не, когда она пела под аккомпанемент фортепьяно», в которых выражена возвышенная любовь поэта. В данном случае нас интересует другое.

В 1839 году Екатерина Чавчавадзе, наконец, сделала выбор между двумя венценосцами. Венценосцу грузинской поэзии она или ее семья предпочли венценосца Мегрелии. Звон колоколов Кашветской церкви, в которой обручились Екатерина Чавчавадзе и Давид Дадияни, стоном отозвался в сердце двадцатидвухлетнего юноши, разуверившегося во многом, но верившего до этого дня в любовь и верность. Кто знает (быть может, это кощунственная мысль), окажись дочь Александра Чавчавадзе верной поэту, грузинская литература лишилась бы гениального стихотворения Николоза Бараташвили «Я храм нашел...». Мотивы разочарования в любви, верности, восходящие к подлинно общественному обобщению, звучат в преисполненном и личной, и мировой скорби письме поэта своему другу и доброму ангелу Маико Орбелиани:

«И эта ночь прошла, как сон, и снова завладела мной моя обычная тоска. Ежели ничтожны даже радости тех в этом мире проклятом, кто имеет цель, то каково же мне, который, как ты знаешь, давно уже отрешен от всего. Ты не поверишь, Маико! Жизнь опротивела мне из-за столь долгого одиночества. Ты только представь себе горечь положения человека, имеющего отца, мать, сестер, многочисленную родню и все равно одинокого. Он все равно сирота в этом обширном и полном мире. Кого я считал способным на высокое чувство, оказался бессердечным, чей дух я считал развитым, в том не нашел я души, чей разум почитал я за дар свыше, не обладает даже суждением; слезы, которые понимал я как слезы сострадания, как выражение прекрасной души, оказались знаком коварства, каплями страшного яда! Где же отдохнуть душе, куда приклониться голове?.. Назови мне человека, который был бы доволен этим миром. Схорони в себе красоту души, невинность, чистоту сердца, вот истинное счастье, высочайшее благо, которое человек унесет с собой из этой жизни. На все остальные радости зем-

ные смотри холодно, гордо и верь, что они преходящи!»¹.

Эти же поистине гамлетовские настроения бараташвилевского письма, в котором личное, биографическое переходит в общественное, историческое, с потрясающей силой выражены в одном из лучших творений поэта «Я храм нашел...». Приведем его полностью.

Я храм нашел в песках. Среди тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонек
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме среди пустыни
Курил я в сердце фимиамам
Любви — единственной святыне.

И что же — в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,
Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основание, где престол,
Где королевных обломков куча?
Он целым под землю ушел
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова².

На наш взгляд, в этом шедевре звучит не только тема трагедии безответной любви. Это не только крик души поэта, разочаровавшегося в своей возлюбленной, и даже не только возвышенная литургия, посвященная неразделенной любви вообще. В этом стихотворении с огромной обобщающей силой поставлена проблема веры, веры в жизнь, в идеалы, в человека. В ужасающей обстановке социального и национального гнета, затхлой атмосфере чиновничьего корыстолюбия, безысходной тоске, вызванной изменой любимой и разочарованием в друзьях и близких³,

родился фантастический образ храма среди пустыни, храма веры, любви, счастья. Но поэт отлично понимает всю иллюзорность нерукотворного храма, и его исчезновение не является для него обескураживающей неожиданностью. Место, где стоял храм веры и любви поэта, явилось стартовой площадкой для бараташвилевского Мерани. Оскверненный «житейской пошлостью» храм уходит под землю и с этого же места устремляется ввысь крылатый конь бессмертной мечты о лучшем будущем.

«Мерани» — итог всей жизни, всего личного опыта Николоза Бараташвили, венец его оптимистической трагедии. «Мерани» — гимн непокорности судьбе, величию человека, утверждению смысла борьбы, движения вперед. Это удивительное стихотворение звучит раскатами грома очистительной грозы, предвестником грядущих прекрасных рассветов, песней песен любви, самоотверженности, завоеванного мужеством счастья.

Автобиографичность «Мерани» паразитична тем более, что в этом стихотворении Н. Бараташвили со скрупулезной точностью описал собственную кончину, так же как М. Ю. Лермонтов в своих последних стихах предрек свою безвременную гибель...

* * *

Повышенный интерес Николая I и всей царской семьи — императрицы Александры Федоровны, великих князей и княжен, а также наследника престола к творчеству и личности М. Ю. Лермонтова не был, конечно, случайным. Лермонтов в добавлении к стихотворению «Смерть поэта», звучащем гневной политической прокламацией, первым открыто и недвузначно указал на истинных организаторов гибели А. С. Пушкина, на палачей свободы, гения и славы, жадной толпой стоящих у трона. Из этого стихотворения Лермонтова видно, что молодой поэт хорошо знал, какую подлую роль играл дом Романовых в трагическом финале варварской травли Пушкина.

На смелого юношу жестокими репрессиями обрушился имевший солидный опыт в гонении всего передового и прогрессивного аппарат Бенкендорфа. Верный слуга Николая I рассчитывал с корнем вырвать у этого преемника Пушкина семена волюнтаризма и протеста. Однако будущее показало, что III отделение напрасно думало запугать или политически оскотить Лермонтова.

Через три года после смерти А. С. Пушкина и написания знаменитого стихотворения «Смерть поэта» имел место острый конфликт между Лермонтовым и сыном французского посланника при дворе Николая I Эрнестом Барантом. В

¹ Николоз Бараташвили. Сочинения, Тб., 1968, с. 179.

² Там же, с. 47—48.

³ Несмотря на то, что многие родственники и близкие Н. Бараташвили занимали видное положение при дворе, они почему-то мало что сделали для поэта. В одном из своих писем Н. Бараташвили с горечью восклицал: «Тайный голос зовет меня к лучшей участи, сердце подсказывает: не рожден ты для нынешних условий. Не спи! Да я и не сплю, только нищу человека, который проведет меня через теснины и выведет в открытое поле. Ох, как свободно вздохну я тогда...».

Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту
мою,

На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость
их
И дерзко бросить им в глаза железный
стих,
Облитый горечью и злостью...¹

Не в характере Николая I и Бенкендорфа прощать такое. Господин и слуга, находясь на борту яхты «Богатырь» и гоняя на палубе кошек, отдыхая от этого приятного занятия, читают «Героя нашего времени». История сохранила изумительный документ «высочайшего» тупоумия, злосбы и ничтожества. Шедерв лермонтовской прозы Николай I в письме к императрице называет «кошачьими вздохами», которые «читаешь с отвращением». Гений Лермонтова Николай Павлович называет «жалким дарованием», указывающим на «извращенный ум». Это письмо заканчивается угрожающими словами: «Счастливым путь, г. Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит себе голову»². «Счастливым путь» по Николаю — это ссылка на Кавказ, в Тенгинский полк, под чеченские пули, туда, где по указке самодержавия завершат черное дело подлого убийства гениального русского поэта всякие марьиновы, васьичиковы, глебовы. Они же создадут впоследствии миф о невыносимом характере Лермонтова, миф, который охотно подхватит самодержавный официоз, те же самые несельероде, бенкендорфы, которые свели в могилу Пушкина. М. Ю. Лермонтов гениально предсказал, как будут действовать впоследствии его убийцы:

...Настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший
гений³.

Кстати, о крайнем цинизме двора, о том, что ему было совершенно безразлично общественное мнение, красноречиво свидетельствует следующий факт. Ровно через год после трагической гибели Пушкина в бывшем его доме на Мойке состоялась свадьба князя Волконского с дочерью Бенкендор-

фа, на которой присутствовали Николай I, Александра Федоровна и, конечно, отец невесты. Всю эту компанию ничуть не смущало то обстоятельство, что в тех самых комнатах, где они шумно праздновали свадьбу, год назад в страшных мучениях угасал гений русской и мировой поэзии — их жертва.

Последние стихотворения М. Ю. Лермонтова, написанные в 1841 году в Пятигорске, такие как «Сон», «Выхожу один я на дорогу» и некоторые другие, пронизаны поразительно точным предвидением своей недалекой гибели, и дело, конечно, не только в предчувствиях поэта. Лермонтов хорошо видел, какую судьбу уготовило ему самодержавие, но великий русский поэт и бесстрашный русский офицер, прославившийся во многих сражениях, но так и не отмеченный царем¹, без тени страха и смятения шел навстречу этой страшной судьбе.

В стихотворении «Сон» поэт словно видит себя, сраженного предательской пулей:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилась моя².

А в стихотворении «Выхожу один я на дорогу» Лермонтов как бы подводит итог своей недолгой жизни, полной тревог, борьбы, разочарований:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!³

Это последний поэтический протест против современности, признание того, что свобода в мире николаев и бенкендорфов лишь в забвении, в вечном покое, в смерти...

Отражение эпохи, наиболее характерных ее черт в художественном произведении происходит не фотографически бесстрастно, а с учетом классовой, политической позиции творца, его биографии, складывающейся в зависимости от своего времени, причем биографические реминисценции у великих художников никогда не остаются в рамках частного, бытового, а приобретают благодаря высшей гражданственности и художественности подлинно общественное звучание.

¹ М. Ю. Лермонтов. Избранные произведения, Л., 1968, с. 125—126.

² Эмма Герштейн. Судьба Лермонтова, М., 1964, с. 101—102.

³ М. Ю. Лермонтов. Избранные произведения, Л., 1968, с. 107.

¹ Николай I собственноручно вычеркивал Лермонтова из списков представленных к награде русских боевых офицеров.

² М. Ю. Лермонтов. Избранные произведения, Л., 1968, с. 159.

³ Там же, с. 166.

„Я ВЕТВЬ МЕНЬШАЯ ОТ СТВОЛА РОССИИ...“

СЛОВАРЬ — как бы общая кровеносная система народа и поэта, и поэтому поэзия Тарковского при всей своей сложности не элитарна — это глубоко народная поэзия, ибо народность ее не в риторической декларативности, а в благородстве — благом родстве корневой системы поэтического языка:

**Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листьев моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровавые, костяные,
Прямые продолжения корней.**

Тарковский на протяжении всей жизни, запечатленной в книге «Стихотворения», не употребил ни одного неологизма. Он расширяет свой словарь очень медленно — не столько увеличивает количество слов, сколько сгущает и разнообразит их смысловое качество.

В поэзии Арсения Тарковского, вошедшей в последнюю итоговую книгу, нет резких переломов. Поэт очень устойчив в своем художественном методе.

Мы чувствуем в стихах Тарковского, говоря словами Б. Эйхенбаума, «завершенность, которая опирается на опыт целого поколения и скрывает за собой его упорный и длительный труд».

Поздняя зрелость, то есть мастерство необходимо и ценно для поэта только лишь тем, что позволяет, не покалев истину, перевести мироощущение и переживание на язык всегда молодой и нестареющей поэзии.

Для Тарковского важно именно каждое «спелое» слово в поэзии, приравненное к прекрасным плодам природы. В то же время внимание к каждому слову, как это ни парадоксально звучит, ведет к «скудости слов» (Н. Кузмин), к зрелому, осмысленному лаконизму.

В поэзии Тарковского нет длинных произведений, баллад и поэм — стихи его немногословны, и двух строк для него достаточно, чтобы дать образ своего поэтического поколения.

**Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела толпа.**

Смысловое пространство в поэзии Тарковского насыщено, а слово его почти материально — так оно весомо и интенсивно. Стихи Тарковского конструктивны, построены как жилище; он поэт, тонко владеющий архитектурной стихией, выступающий как зодчий и каменщик, кладущий кладку; отсюда ощущение необычайной крепости и прочности, основательности его стиха:

**Я любил свой мучительный труд,
эту кладку
Слов, скрепленных их собственным
светом.**

Сгущение смысла и энергия выражения подчеркивают антиимпрессионистичность его поэзии: то состояние мира, что увидел и воплотил (в данном случае это не критическая метафора — А. Тарковского действительно отличает умение во-плоть-ить) в слове поэт, дано как бы в вечном и неподвластном изменению варианте:

**Наверчены звездные линии
На северном полюсе мира,
И прямоугольная, синяя
В окно мое вдвинута лира.**

Языковым выражением этой антиимпрессионистичности, на мой взгляд, является пристрастие поэта к совершенному виду глагола, а также то, что каждое слово для него как бы родимое пятно смысла. И об этом тоже — стихотворение «Имена»:

**И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят: оно
Ни дать ни взять родимое пятно.**

Слово в поэзии Тарковского не подавлено ритмом, оно управляет им, оно обладает «мускульным сознанием» (А. Блок); оно шероховато и фактурно — «чтоб писалось туго и читалось туго» (Б. Эйхенбаум). При всей метафорической одаренности, Тарковский не стремится оснастить свои стихи вычурными метафорами и сравнениями;

для него суть и смысл слова весомей и живой любого сравнения:

**Я искусство ваше презирал.
С чем еще мне жизнь сравнить,
скажите,**

**Если кто-то роль сыграл
На вертушке роковых событий?**

(«Актер»)

Действительно, сравнение вроде бы и не к месту в напряженном и трагическом мире Тарковского, где каждое слово — поступок, оплаченный судьбой и жизнью:

**Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не смог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.**

Другая существенная сторона поэзии Тарковского — интонационное разнообразие. Наряду с интимно-лирической интонацией он возрождает оду с ее своеобразными архаическими оборотами и торжественно-витийственной мелодией. При этом поэзия его антиромантическая, зыбкость и трепетность колеблющейся интонации и теневых смыслов слова современных «романтиков» ему глубоко чужды. Характерно это выражено в замечательном стихотворении «Первые свидания», лексика которого архаичная, а интонация — торжественно-одическая:

**Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление...
...А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.**

В этом стихотворении Тарковский как бы возвращается к державинским истокам русской поэзии с их мощью, внятностью и наполненностью слова человека торжествующего, продирающего через согласные, преобразующие кознязычие эмоции в пластику слова:

**Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.**

Тяга Тарковского к державинскому стиху выражается еще и в том, что его стих не эвфонический, а артикуляционный, рассчитанный не на музыку, а на речь, на произнесение (хотя Тарковский и блестяще владеет аллитерацией, но она никогда не уводит его в напевность). Стих его антипесенный, и масштаб его — скорее эпический, а не лирический.

**Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост,
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.**

Стихи Тарковского — своеобразная летопись мироощущения современного человека с его острым ощущением настоящего момента, в котором заключены и история, и залог будущего:

**Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь.**

(«Посредине мира»)

И вся эта тяга к оде, к эпосу, к летописи у Тарковского полемична, хотя и лишена очевидных примет полемики — спора, выражения. У Тарковского мы не найдем «журнальной» или «газетной» словесности, «стихов на случай». В то же время его стихи явно рождены не «сладкострунной» лирой, ими нельзя наслаждаться, они — не «десерт», они «питательные». Сама эта литературная позиция — между Сциллой и Харибдой современной поэзии — мне кажется плодотворной не только в художественном, но и в нравственном отношении, ибо она противостоит как спекулятивности, так и орнаментальности.

Тарковский относится к стихам несобычайно ответственно. Форма его поэзии опрятна, классична и благородна, она — достойная и равноценная оправа глубокой мысли и глубокому переживанию. А. Блок в статье «Три вопроса» называет вопросы формы «огненными и трудными вопросами», и это определение сохранило свою силу до сих пор. Здесь ум поэта выражается не в философичности его, а в том, как преобразается в стихе его мысль, то есть как она воплощается в образе. При этом поэт обязан обладать свойствами, противоречащими друг другу — «пламенем воображения творческого и холодом ума поверяющего» (Боратынский). Вопросы формы существенны для Тарковского даже на грани трагедии, ибо форма у него всегда насыщена смыслом. Не только об этом, но и об этом тоже — стихотворения «Рифма», «На берегу», «До стихов», «Поэты», «Стихи в тетрадах», «Эсхил», «Камень на пути», где, например, дан такой образ катрена:

**Потом, кончая со стихами,
В последних четырех строках
Мы у себя в застенке сами
Себя свежем во вторых.**

Таким образом, разговор о рифме, о строке, о четверостишии переводится у Тарковского в разговор о внут-

ренней свободе художника. Тарковский никогда не выставляет напоказ своих «язв сердечных», у него нет и быть не может «мнимопоэтических профанаций» внутреннего чувства: «рана мира облегла меня» (стихотворение «Явь и речь»). Поэт не вкладывает свои пять чувств в рану мира, он — не естественный испытатель, а единый организм с миром: вот кредо поэзии Тарковского. Поэтому и военные стихи его написаны не о событиях, а о самочувствии мира, пропущенном через человеческую судьбу:

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрывая пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Первая книга оригинальных стихов Арсения Тарковского «Перед снегом» вышла в 1962 году. Прошло только четырнадцать лет, но влияние Тарковского на современную поэзию велико: его поэзия органично входит в сложный духовный мир современного человека. Это поэзия высоких переживаний, трагических раздумий, поэзия прекрасная и цельная, оплаченная судьбой, стоящей между строк. Но в чем же высший смысл этой поэзии, чему она нас учит,

куда зовет это возрождение лирической интонации, установка на артикуляцию, сгущенная образная система и фактурное слово? Куда указывает внутренняя переключка с Державиным и Тютчевым? Почему в стихах современного поэта вдруг расстилается пустыня, в которой скитались еще пророки Пушкина и Лермонтова?

Мы видим глубокий и истинный смысл такой поэзии в очевидной духовной независимости, спокойной отделенности, в особенности литературной позиции и, наконец, в глубоком уважении своего таланта, в уверенности в том, что одинокий голос мощной культурно-исторической системы, из которой, на наш взгляд, органически произрастает поэзия Арсения Тарковского, никогда не останется безответным:

Ты не слышишь меня,
голос мой — как часы за стеной,
А прислушайся только —
и я поведу за собой,
Я весь дом подыму:
просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
отзовется сигнальной трубой.

Наталья ИВАНОВА

ЗА НОВЫЕ КРАСКИ И ГЛУБИНЫ

ОБЫЧНО каждая новая книга Таризела Чантурия вызывает живой интерес читателей. Так было и с его сборником «Год спокойного солнца», сравнивая который со всем ранее созданным поэтом, можно с уверенностью сказать, что это шаг вперед в его творческой биографии. И хотя в этой последней по времени книге Т. Чантурия остается верен раз избранному пути, в ней с еще большей четкостью и определенностью выявились и усовершенствовались положительные свойства его творческого почерка.

Сила эмоционального воздействия лучших стихов сборника восходит к своеобразному развитию и углублению традиций грузинского классического стиха, верность автору которым по сути глубоко диалектична. Поэтому ему не чужды и некоторые крайние сдвиги и течения современной поэзии. Но приятны и освоение этих новаций в основном подчинены классическому опыту национального строя стиха, органичны для его природы. И художественные искания поэта, даже несмотря на налет экстрамодернистских увлечений, остаются опять-таки в рамках этих традиций.

Такое плодотворное сочетание традиций и новаторства, даже эксперимента, видимо, и способствует удивительно точно переданному ритму нашей действительности, ощущению нерасторжимости авторских тревог и сомнений со временем, их породившим. Грандиозный размах событий века не может не вызывать в поэте, как истинном сыне своего времени, чувства гордости, с одной стороны, и сомнений, с другой. Эти эмоции заряжены верой, исходящей из артезианских глубин поэтической души. Но обо всем этом сказано просто и естественно, без излишней патетики и плакатности, без чрезмерной утонченности лирических гармоний.

Лирический герой Таризела Чантурия принимает как боль, так и радость окружающей его действительности. Поэтому негодование и восторг сосуществуют в книге на равных. Истинный сын космического века, он рационально мыслит, смотрит правде в глаза и называет вещи своими именами. Это не беспечный мечтатель в романтической маске, а строгий реалист. Автор не скрывает своего неприятия хилого, неуместного романтирования, присущего

то некоторым горе-мечтателям. Он убежден, что каждому времени присущи свои страсти и устремления. И каждый человек, являясь его неотделимой, органичной частицей, не должен предаваться пустым романтическим размышлениям и причитаниям о прошлом, если оно не имеет реальной связи с настоящим. Именно таким настроением отмечено стихотворение, посвященное Давиду Строителю.

Особую прелесть стихам Т. Чантурия придает ироническая улыбка автора. Замысел многих из них решен в критическом аспекте. Не только осмыслению всего произведения, но и смысловой структуре отдельных художественных образов поэт придает иронический оттенок.

Вряд ли такие строки — пример самоцельного эксперимента, в жертву которому принесена ясность мысли. Скорее у них особое назначение — придать авторскому стилю индивидуальную окраску. Но порою подобные усилия оборачиваются антиэстетичностью.

Впечатление голого экспериментирования оставляют также нарочитые прямота и реализм в изображении как позитивных, так и негативных явлений нашей действительности, которые поэт рисует с одинаковой силой.

Эффект воздействия поэтического образа Таризла Чантурия порой достигается посредством неожиданных ассоциативных обращений. Сопоставление конкретного и абстрактного в его стихах приобретает рельефность и осязаемость.

Но если в одном случае замысел интересно реализован именно благодаря вышеупомянутому поэтическому принципу, то в другом — обращение к ассоциативному приему вносит элемент искусственности, выливающийся в грубый натурализм: «Как шампанское открываешь девятымесечное ожидание». Подобные примеры встречаются и в других стихотворениях: «И на землю, как в пустую масленку, взглянет однажды человек и, чтобы голод позабыть, — ляжет и заснет», «Телевизор с антенной, похожей на усы, подобен пестрой ракушке улитки, из которой выползает прекрасная женщина!».

Объектом поэтического восприятия Таризла Чантурия редко являются переживания сугубо личного, интимного характера. Его лирика выходит за рамки привычного однообразия альбомной ограниченности и широко открывает глаза на насущные проблемы современности, вовсе не порождая поверхностных схем общечеловеческих переживаний, лишенных подлинного лиризма.

Эти переживания пропущены сквозь фильтр впечатлений и духовный мир личности современника. При этом

субъективное начало выступает тут в роли прочной, надежной опоры, ограждающей эпохальные проблемы бытия от разъедающей ржи фальши.

Но Т. Чантурия ни на миг не забывает, что его лирический герой — представитель именно грузинского народа. И как бы широк, всеобщ ни был круг его переживаний, исходной точкой для них неизменно остается национальное самосознание.

Острая, всеобъемлющая, но не крикливая любовь к прошлому и настоящему родной земли, пронизывающая все его существо, вмещает всю гамму человеческих чувств, настроений и переживаний.

Но, казалось бы, традиционно общечеловеческие чувства поэт осмысливает по-новому. В качестве примера можно назвать стихотворение, посвященное матери, где автор сумел придать подосознательной любви к ней конкретно-субъективную форму проявления. На редкость проникновенно передает он печаль разлуки с ней.

Однако выражение определенного настроения не является для поэта самоцелью. Это, как правило, естественный итог, закономерное следствие нарисованной им картины, логически вытекающее из данного состояния, отображения чувственного мира.

Как отмечалось выше, одним из свойств, присущих лирике Т. Чантурия, является склонность к обобщению. Из каких бы субъективных источников ни черпал поэт свое вдохновение, о чем бы он ни говорил, его стихи неизменно обретают характер обобщения. Выходя в силу этого за рамки камерности, его произведения всегда находят по своему настрою точки соприкосновения с духовным миром читателя.

Возьмем хотя бы стихотворение «Автобиография», где из конкретных биографических деталей, достоверной фактической фактуры проступают переживания, созвучные читателю. Эта поэтическая автобиография, раздвигая рамки схематического осмысления жизненных деталей конкретной личности, предстает перед нами в форме законченного художественного произведения. Я не берусь утверждать, что «Автобиография» — одно из лучших созданий поэта, но его внутренний заряд справедливо вызывает интерес читателя.

Порою стихи Таризла Чантурия обретают публицистическую окраску. Исторические и современные аспекты осмысления патристического чувства благодаря публицистическому заряду оказываются поднятыми до полемического уровня. За этой полемичностью читатель не может не ощутить глубокого волнения и негодования, вызван-

ных поведением утративших бдительность и гордость тех псевдопатриотов, которые сыграли пагубную роль в истории грузинского народа. Одно из таких стихотворений Т. Чантурия по постановке вопроса и его осмыслению перекликается со стихотворением Мухрама Мачавариани «Сказал Опизари». Смысловая целенаправленность обоих произведений определяется одним и тем же переживанием — ощущением боли.

Основным для Т. Чантурия является общий замысел произведения, наиболее полноценному выражению которого служит каждая деталь. И на этом пути поэту сопутствуют удачи в создании ярких поэтических образов.

Но, к сожалению, из созданного Т. Чантурия можно привести и такие примеры, когда авторский замысел так и не вышел за пределы экспериментаторства, приведшего к налету антиэстетизма. Порою поэту не удается достаточно глубоко проникнуть в суть описываемого, отчего образ получается надуманным и поверхностным.

В подобных случаях ирония и юмор использованы преднамеренно. Но их самоцельный характер, не направленный на реализацию того или иного

значительного замысла, представляется мне неоправданным, так же как в ряде случаев строки, построенные на поверхностной, лишенной глубокого смысла ассоциации.

Но в большинстве своих произведений поэту удается двумя-тремя строками создать ощущение завершенности настроения, когда кажущаяся фрагментарность не препятствует целостному восприятию явлений.

Привлекательна ритмичность, музыкальность стихотворений Т. Чантурия. Эти свойства его поэзии играют решающую роль в процессе формирования индивидуального стиля поэта. Порою ритм настолько точно соответствует настрою стихотворения и так увлекает, что едва успеваешь осмыслить суть задуманного.

Твердость позиции, еще раз заявленная в новом сборнике, все большая глубина и богатство красок, точность интуиции, пронизательность художнического видения, тонкое чутье позволяют надеяться на то, что поэт в силах овладеть новыми творческими высотами, на пути к которым нас еще не ожидает встреча с ним.

Авандил НИКОЛЕИШВИЛИ

ДРЕВНЕГРУЗИНСКАЯ РУКОПИСЬ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

„КАРТЛИС цховреба» («Жизнь Картли», т. е. «История Грузии») — так называется сборник грузинских летописей, который возник в XII веке и затем постепенно пополнялся новыми летописными произведениями. «Картлис цховреба» условно делится на древнюю, охватывающую период до XIV века, и новую — включающую в себя период XIV—XVII веков.

Древняя «Картлис цховреба» состоит из нескольких летописей.

Это — «Жизнь грузинских царей» Леонтия Мровели, автора XI века (а по мнению некоторых исследователей — X или VIII века), трактующая историю Грузии с древнейших времен до V века; «Обращение Картли в христианство» того же автора; «История Вахтанга Горгасали» Джуаншера (XI век), включающая в себя историю V—VIII веков; «История царя Картли Арчила» Леонтия Мровели, отражающая историю VIII века; «Летопись Картли» («Матриане Картлиса») анонимного автора XI века, описывающая события VIII — XI веков; «История царского рода Багратиони» Сумбата Давитисдзе (XI век);

«История царя Давида» анонимного автора XII века, повествующая об истории Давида Строителя; две истории эпохи царицы Тамар: «История и восхваление венценосцев» анонимного автора, современника Тамар, и «История царицы Тамар», также принадлежащая ее современнику по имени Бабили, занимавшему должность «эзосмодзвари», т. е. эконома двора; «История царей Дэметрэ, Георгия, Тамар, Лаша Георгия», охватывающая историю Грузии XII—XIV веков, и «История XIII—XIV веков» («Жамтаагмцерели») — обе анонимных авторов XIV века.

Естественно, что для науки древнегрузинские летописи представляют определенный интерес. Ведь это, с одной стороны, ценные литературные памятники, отражающие развитие древнегрузинского языка, а с другой — исторические первоисточники, освещающие как историю самой Грузии, так и историю соседних с ней стран и народов. Так, например, «Картлис цховреба» содержит ценные сведения по истории Армении, Албании кавказской, народов Северного Кавказа, стран Ближнего Восто-

ка и т. д. Поэтому и не случайно то обстоятельство, что армянская историография с начала же стала проявлять определенный интерес к грузинским летописям. Уже в XII веке был осуществлен перевод произведений Леонтия Мровели, Джуганшера, «Матиане Картлуса» и «Истории царя Давида» на древнеармянский язык.

В середине XIX века древнегрузинские летописи были переведены на французский язык и изданы в Петербурге академиком М. Броссе. А позже предпринимались попытки их перевода и на русский язык. Так, например, в 1900 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. XXVIII) Евфимий Такайшвили опубликовал русские переводы «Обращения Каргли в христианство» и «Истории царского рода Багратиони».

В 1938 году в сборнике «Памятники эпохи Руставели», изданном в Ленинграде, был опубликован русский перевод труда Василия, историка царицы Тамар, выполненный В. Дондуа. А в 1954 году Академией наук Грузинской ССР была издана «История и восхваление венчосцев». Перевод, предисловие и примечания принадлежат академику АН Грузинской ССР К. Кекелидзе. В 1960 году в «Хрестоматии по истории СССР», изданной под редакцией академика М. Н. Тихомирова, был помещен перевод части «Матиане Картлуса», осуществленный В. Дондуа.

Так зародилась традиция перевода на русский язык древнегрузинских летописей. Но, к сожалению, в последнее время это весьма нужное и полезное начинание не получило дальнейшего развития. И лишь недавно Комиссией по изданию грузинских исторических источников, созданной в Академии наук Грузинской ССР, был разработан специальный план подготовки к публикации русских переводов всех древнегрузинских летописей, входящих в «Картлис цховреба». К этой работе были привлечены соответствующие специалисты. И вот ныне вышел в свет первый труд из этого цикла — русский перевод «Матиане Картлуса» («Летописи Каргли») анонимного автора XI века. Перевод, введение и примечания принадлежат доктору исторических наук, профессору М. Д. Лордкипанидзе. Ответственный редактор книги — доктор исторических наук, профессор З. В. Анчабадзе.

Труд опубликован издательством «Мецниереба» АН Грузинской ССР под грифом Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР имени И. А. Джавахишвили и, естественно, отнесен к серии «Памятники грузинской исторической литературы» (редактор издательства Л. Н. Лабадзе, корректор Д. К. Эристави).

Во введении М. Д. Лордкипанидзе вкратце знакомит читателя с историей Грузии VIII—XI веков, в частности с процессом образования единого грузинского феодального государства. Автор подчеркивает, что объединение грузинских земель и создание единой феодальной монархии на стадии развитого феодализма в первую очередь было обусловлено социально-экономическим и культурным развитием страны, в свою очередь ускорившим борьбу грузинского народа против Византии, арабов и хазар.

Отмечая особенности объединительного процесса, обусловленные конкретно - исторической обстановкой, и характеризуя раннефеодальные государства, образовавшиеся на территории Грузии в конце VIII и начале IX века — Кахетское и Эретское княжества в Восточной Грузии, Эгрис-Абхазское царство в Западной Грузии и Тао-Кларджетское княжество в Южной Грузии, автор показывает то исключительное значение, которое имела в исторической жизни Грузии ее центральная область — Каргли, игравшая роль экономического, политического и культурного центра и потому ставшая основным ядром, сплотившим грузинскую народность.

Показав таким образом основную суть процесса объединения Грузии в VIII—XI веках и подчеркнув, что политическая сторона этого явления отражена в «Матиане Картлуса», М. Д. Лордкипанидзе далее переходит к характеристике самой летописи и так же вкратце знакомит читателя с мнением о ней академика И. А. Джавахишвили.

Касаясь вопроса о концепции автора летописи, М. Д. Лордкипанидзе совершенно справедливо отмечает, что он, безусловно, активный сторонник объединения грузинских земель и создания сильной централизованной государственной власти, что основная идея произведения — это борьба против иноземных захватчиков, борьба за объединение грузинских земель, исключительно служившая делу дальнейшего прогресса грузинского народа.

Далее дается перевод самой летописи «Матиане Картлуса». К нему прилагаются примечания и указатели собственных имен и географических названий.

Как это подчеркивает сама М. Д. Лордкипанидзе, она старалась максимально придерживаться принципа передачи грузинских собственных и географических имен в грузинской форме. Так, переводчица пишет — Иоване, Мариам, Константине, Гиорги и т. д., а не Иоанн, Мария, Константин, Георгий.

Однако в связи с этим естественно возникает вопрос: если уж максимально придерживаться грузинской формы собственных имен, то почему пишется

Иоване, а не Иованэ, Адарнасе, а не Адарнасэ, Константине, а не Константи-не, Деметре, а не Деметрэ. Ведь в дан-ном случае звук, выраженный буквой «э», фонетически более соответствует грузинскому произношению этих имен.

Но если передача грузинских соб-ственных имен и географических названий в грузинской форме имеет свое оправ-дание, то этого уже никак нельзя ска-зать о передаче в грузинской форме не-грузинских географических названий. М. Д. Лордкипанидзе неправ, когда употребляет форму Сабердзнети вместо Византии и Греции или же форму бердзени вместо грек. Тем более что в ряде случаев сама же нарушает избранный принцип и зача-стую наряду с Сабердзнети употре-бляет также форму Византия и Греция (см. с. 49). В одном случае пишет царь бердзенов (см. с. 47), а в другом — царь греков и царь греческий (см. с. 43).

Порой обе формы встречаются даже в одном и том же предложении. Так, например, на с. 52 говорится: «А Ли-парит завладел всей Верхней страной¹, и были с ним в любовных отношени-ях в Хорасане султан Доглубек и в Сабердзнети царь грече-ский...».

Но даже если кто-нибудь и согласит-ся с использованием формы Саберд-знети, то, думаю, только лишь при условии его употребления в среднем роде, но никак не в женском, как это делается, например, на стр. 49, где ска-зано: «...стал царем в с ей Сабердзнети».

М. Д. Лордкипанидзе фактически предлагает подстрочный перевод. Ко-нечно, с одной стороны, это имеет свои преимущества. Автор, будучи истори-ком, специалистом истории именно дан-ного периода, лучше, чем кто-либо иной, может понять летопись «Матиане Карт-лиса» как исторический источник и прокомментировать его, что, безусловно, имеет особо важное значение. Однако нельзя забывать и о другой стороне во-проса. А именно о том, как звучит сам перевод, как он может быть воспринят и понят читателями.

Поэтому метод калькирования, к ко-торому прибегла М. Д. Лордкипанидзе, это всего лишь половина пути. Перевод следовало подвергнуть еще и литера-турной обработке.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры.

На с. 35 имеется такая фраза: «А он вышел [из воды], зашел в расщели-ну скалы, и скрывался там». Спрашива-ется, а не лучше ли было построить эту фразу гораздо проще, например, ска-зать так: «А он, выйдя из воды, укрыл-ся в расщелине скалы».

¹ Речь идет о Месхети.

На с. 42 сказано: «Тогда Фадлон /
возрадовался радостью большой, вы- /
полнил делом обещанное словесно¹. Вы- /
ражения: «возрадоваться радостью /
большой» или «выполнить делом обещ- /
данное словесно» — никак не вяжутся /
со стилистическими нормами.

Или же, как может быть допустима такая фраза: «А до наступления смер-ти возвел¹ на престол другого царя, по-имени Романоза², и дал в жену ему дочь свою Зою³ (с. 47).

Приходится просто догадываться, что здесь речь идет о том, как перед смертью византийский император Кон-стантин возвел на императорский трон Романа, дав ему в жены свою дочь Зою. К сожалению, аналогичных примеров немало.

Помимо квадратных [...] скобок, за-ключающих разночтения, которым автор перевода дает предпочтение, М. Д. Лорд-кипанидзе использует и круглые (...), в которых дает собственные пояснения. Но зачастую это лишь перегружает и без того сложный текст. Так, на с. 28 читаем: «Затем разномыслились мтавары в стране Картли, начали бороться и стали врагами друг другу (мтавары)».

А разве не лучше было бы сказать: «Затем в стране Картли возросло число мтаваров, и стали они враждовать друг с другом».

На с. 39 вместо «заведовал» напи-сано «заведывал». На с. 41 сказано: «хорепископ был Давид». Должно быть «хорепископом был Давид».

Порой корректурные упушения при-водят и к смысловому искажению. На-пример, на с. 75 в 104-м примечании, где говорится о трактовке академиком АН Грузинской ССР Н. А. Бердзени-швили одного места летописи «Матиане Картлиса», и речь идет о конъюнктуре, т. е. о прочтении текста, о предполо-жении, догадке, исправлении текста, вместо термина конъюнктура набрано конъюнктура, тогда как это слово имеет совершенно иное значение и к данному контексту вовсе не подхо-дит.

В заключение отметим, что рецензи-руемый труд весьма важное начинание в деле издания на русском языке серии древнегрузинских летописей. И вполне естественно, что имеющийся опыт следует соответствующим образом обоб-щить и учесть в последующей работе как переводчикам, в первую очередь, так и издательским работникам.

Георгий ПАЙЧАДЗЕ

¹ Имеется в виду византийский импера-тор Константин VIII (1025—1028).

² Роман III Аргир (1028—1034).

³ Царствовала с соправителями в 1028—1050 гг.

БЕСО ЖГЕНТИ

УТРАТА, которую понесла в связи с кончиной Виссариона (Бесо) Давидовича Жгенти грузинская советская литература, тяжела и невосполнима. Видный литературный критик и общественный деятель, секретарь правления Союза писателей Грузии, доктор филологических наук, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, со дня основания республиканской писательской организации он являлся одним из ее бессменных руководителей. На этом посту В. Д. Жгенти в течение полувека неуклонно и преданно служил становлению и развитию грузинской советской литературы. Вклад его в это дело поистине огромен. Он обусловлен широчайшей и разносторонней эрудицией, безошибочным литературным чутьем, редким красноречием, энергией и неутомимостью Виссариона Давидовича, снискавшими ему заслуженный авторитет.

Как член правления Союза писателей СССР, он в течение долгого времени активно участвовал

в проведении важнейших мероприятий всесоюзной писательской организации, способствуя успехам многонациональной советской литературы.

Виссарион (Бесо) Давидович Жгенти родился 14 июля 1903 года в селе Квацixe Чхатарского района. В 1922 году, пройдя полный курс Кутаисской грузинской гимназии, он поступает на юридический факультет Тбилисского государственного университета, а по его окончании деятельно включается в общественную жизнь республики.

Секретарь правления Союза писателей Грузии, член редакционных коллегий литературных газет и журналов, директор Литфонда... Разновременно занимая эти должности, ведя плодотворную литературно-критическую деятельность, Виссарион Давидович пять десятилетий находился в центре событий и явлений не только литературной, но и всей культурной жизни нашей республики. Он всегда был там, где рождались, расправляли крылья и обретали новые черты искусство и литература Советской Грузии.

С 1925 года, после опубликования в двух номерах журнала «Мнатоби» первого большого литературно-критического обзора «Грузинская литература в 1924 году», Бесо Жгенти систематически выступает в республиканской и союзной прессе, в газетах и журналах братских республик по различным вопросам советской и классической литературы, а также по ряду других проблем. Он последовательно и неустанно боролся за осуществление высоких требований полити-

ки партии в вопросах литературы, за победу принципов социалистического реализма, за высокую идейность и народность грузинской советской литературы.

С тех же позиций подходил видный наш критик и к проблемам изобразительного искусства, кинематографии и особенно театральной жизни.

Много лет В. Д. Жгенти отдал педагогической и научной деятельности в Тбилиском государственном университете и других вузах республики. Он являлся руководителем отдела советской литературы Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР, членом Научного координационного совета при президиуме Академии наук СССР, где ему была поручена работа над проблемой «Основные закономерности развития мировой литературы в современную эпоху», членом главной редакции шеститомной «Истории многонациональной советской литературы», изданной Институтом мировой литературы имени М. Горького, научным консультантом Большой Советской Энциклопедии и членом редакционной коллегии «Малой литературной энциклопедии», для которых им были написаны статьи о грузинской советской литературе.

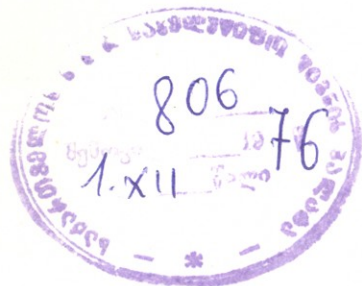
Летописец грузинской советской литературы, он отдавал себя воспитанию ее молодых сил. Из руководимого им университетского литературного кружка вышла целая плеяда талантливых писателей.

Заслуги Бесо Жгенти, как писателя и общественного деятеля, отмечены правительственными наградами. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

Виссарнон (Бесо) Давидович Жгенти был одним из постоянных и ведущих авторов нашего журнала, где периодически печатались статьи, касающиеся насущных проблем развития грузинской советской литературы.

Коллектив «Литературной Грузии», ее редакционная коллегия глубоко скорбят по поводу кончины видного критика и общественного деятеля, патриота, имя которого сохранится в благодарном сердце грузинского народа.

Редакционная коллегия «Литературной Грузии».

Сдано в набор 28 сентября 1976 г. Подписано к печати 17 ноября 1976 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 3268

Тираж 5650

УЭ 14519

26-1976.

76-808/

ბიბლიოთეკის
ნიშნობები

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ. ცკ-ის გამომცემლობა.